

Казимир ВАЛИШЕВСКИЙ

ПЕТР ВЕЛИКИЙ ЦАРСТВО ЖЕНЩИН ДОЧЬ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

ПОЛНОЕ ИЗДАНИЕ
В ОДНОМ ТОМЕ

Издательство
АЛЬФА-КНИГА
Москва
2013

УДК 821.161.1
ББК 84Р1
В15

Серия основана
в 2007 году

Перевод с французского

Валишевский Казимир

В15 Петр Великий. Царство женщин. Дочь Петра Великого. Полное издание в одном томе. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013. — 1244 с.: ил. — (Полное издание в одном томе).

ISBN 978-5-9922-1570-0

Казимир Валишевский (1849 — 1935) — известный польский историк, публицист и писатель, большую часть жизни трудившийся во Франции; отмечен наградой французской Академии наук «за большой вклад в современную историографию». Более 30 лет он изучал историю России XVI — XIX веков. Валишевский работал в архивах Петербурга, Парижа, Лондона, Берлина и Вены. Результатом этой работы стала серия книг «Происхождение современной России», вышедшая во Франции в период с 1892 по 1925 год.

В настоящее издание, содержащее многочисленные иллюстрации, вошли три книги из этой серии — «Петр Великий», «Царство женщин» и «Дочь Петра Великого».

УДК 821.161.1
ББК 84Р1

ISBN 978-5-9922-1570-0

© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013

ПЕТР ВЕЛИКИЙ

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Соразмеряй силы с предприятием, а не предприятие с силами». Этим смелым советом, данным одним поэтом-соотечественником, мне пришлось руководиться при задаче, взятой на себя, в качестве историка. Как трудно подступиться к человеку, занимающему такое выдающееся место в истории русского народа и оставившему такой неизгладимый след на всем его существовании.

Вот почему я подошел к нему так поздно, поднимаясь от ближайшего времени к более отдаленному, и только после великой на следницы перешел к созидателю наследства.

Сумел ли я схватить своим взглядом то, что обнимал своим взором ты — бронзовый гигант, спускающийся иногда — как говорят поэты — в белые петербургские ночи со своего гранитного пьедестала и победоносно скачущий, не зная усталости, как при жизни, по за снувшему городу? Великий призрак, двести лет посещающий, как страшный, но всем близкий дух, те места, где ты жил, нашел ли я то заклинание, которое возвращает голос привидениям и из праха прошедших времен воссоздает вокруг них былую жизнь?

Я переживал отошедшие в вечность часы; мне казалось, что вокруг меня оживали все лица и вещи, наполнявшие их. Я осязал чудеса волшебного царствования, воочию видел осуществление сказки о пшеничном зерне, которое моментально прорастает и превращается в растение в горсти индийского йога. И я говорил с человеком, совершившим это чудо — может быть с единственным в своем роде, какого знал мир.

Наполеон всего лишь величайший из французов — или итальянцев, по мнению некоторых историков, — но он не Италия, не Франция. Петр — это вся Россия; ее плоть и дух, характер и гений, воплощение всех ее добродетелей и пороков. При разнообразии своих способностей, громадности усилий и страстности, он кажется существом собирательным. И этим он велик, этим он выделяется из рядов бледных умерших, которых спасают от забвения наши слабые исторические воспоминания. Не приходится употреблять усилий, чтобы вызвать его тень — он всегда тут. Он пережил себя; он вечен; он как бы жив и теперь; облик мира, извлеченного им из ничтожества, мог измениться в некоторых чертах, но принцип остался неизменным. Тут несоизмеримая сила, три века действовавшая вопреки всем расчетам и превратившая ничтожное владение Ивана в насле-

Maria Anna Gillet fecit. Antonius Lefinks delineavit. Benedictus Ludovicus Henricus sculptor Petropoli 1778.

Петр Великий.
Гравюра Бенуа-Луи Анрикеса
по скульптурному портрету М.-А. Колло

дие Александров и Николаев, в империю, превышающую своим протяжением и численностью населения все государства, когда-либо известные Европе, Африке и Азии, империи Александра и Римскую, империю калифов и современную нам Британскую со всеми ее колониями. И эта сила называлась некогда Петром Великим. Она переменяла имя, но не изменила характера. Это душа великого народа, но также душа великого человека, в котором как бы воплотилась мысль и воля миллионов существ. Эта душа вся в Петре, и он весь в ней; и ее-то я желал заставить затрепетать на этих страницах.

Конечно, не только с помощью одного своего воображения. Я взял у документов — этого единственного ключа, способного открыть нам двери, ежечасно запирающиеся за нами — все, что они могли дать мне. В своей честности я уверен. Может случиться, что она вызовет удивление, разочарование или даже неудовольствие. Но я прошу своих русских читателей взвесить свои впечатления. Надо всегда иметь мужество смотреть прямо в глаза действительности и своему прошлому, а для русских это нетрудно.

Кроме того, я прошу всех своих читателей не заблуждаться относительно цели, которую я имел в виду. Занятый собиранием материалов для биографии национального героя, Пушкин намеревался воздвигнуть ему памятник, который нельзя было бы перемещать с места на место. Неподвижность образцового произведения Фальконе как будто возбуждала неудовольствие. Забота и стремления поэта, общие большинству моих предшественников, даже вне России, мне были совершенно чужды. Петр, уже и без меня, имеет памятник, по моему, наиболее достойный его. И воздвигли его не Пушкин и не скульптор-француз. Над тем памятником, о котором я говорю, он сам работал своими мозолистыми руками, и его наследники будут работать еще долго. Сибирская дорога прибавила к нему еще один камень, который послужит к его украшению и укреплению.

Моя цель совершенно иная. Взоры всего мира устремлены, полные симпатий с одной стороны, и недоверия или враждебности — с другой, на это вместилище душевной и физической энергий, неожиданно открытое между старой Европой, уставшей жить, и старой Азией, утомленной своим бездействием. Что это? Пропасть, куда суждено кануть обычным судьбам? Или источник вечной юности? Наклонившись над обоими берегами, толпы смотрят в напряженном внимании, вглядываясь в глубину, зондируя ее. Я только даю разъяснение общему любопытству и напряженному ожиданию. Это разъяснение почерпнуто, как я уже сказал, из истории, но также и из современной жизни. Петр Великий не умер. Взгляните! Может быть, настал час? Заря утра, которое принесет нам неизвестно что, появляется на горизонте, на широкой реке клубится туман, как бы окутывающий призраки! Слышите! Не топот ли коня раздается по мостовой тихих улиц?..

Часть первая

ВОСПИТАНИЕ

Книга первая

ИЗ АЗИИ В ЕВРОПУ

Глава I

КРЕМЛЬ И НЕМЕЦКАЯ СЛОБОДА

I. Женидьба Алексея. — Выбор невесты. — Венец прекраснейшей. — Опочивальня в Кремле. — Наталья Нарышкина. — Рождение Петра. — Спорное происхождение Петра. — Борьба Нарышкиных с Милославскими. — Изгнание. II. Кремль. — Гробница, терем и тюрьма. — Десять веков истории. — Московская и Киевская Русь. — Норманнское завоевание. — Упадок величия. — Сыновья Рюрика. — Ярослав Мудрый и Генрих I Французский. — Нашествие монголов. — Падение и возвращение. — Московская гегемония под монгольским протекторатом. — Освобождение. — Иван Великий. — Заря новой культуры. — Европейские влияния. — Поляки, немцы, англичане и голландцы. III. Немецкий квартал: Европа и Азия. Московское гетто. — Просветительный труд. — Расцвет. — Петр пойдет туда. — IV. Дни испытания. — Последняя попытка азиатского режима. — Смерть Алексея и Федора. — Выборная царская власть. — Роль патриарха. — Победа Нарышкиных. — Избрание Петра. — Кратковременное торжество. — Месть Милославских

I

Петр Алексеевич родился 30 мая 1672 года, — в 7180 году по принятому в то время летосчислению. За два с половиной года до этого события старый Кремль был свидетелем странного зрелища: из самых разнообразных мест, дворцов, изб и монастырей было привезено в Кремль несколько сот самых красивых девушек. Там, размещенные в шести комнатах, приготовленных для них, они, как и все московские женщины той эпохи, проводили время однообразно и праздно, коротая его рукоделиями, песнями да сказками. Потом наступал вечер, который заставлял их забывать длинные часы скуки, тоски и нетерпения и переживать приятное волнение ожидания и надежды. На пороге их комнаты, превращавшейся на ночь в спальню, появлялись мужчины; двое из них приближались к узким кро-

вням, где спали прекрасные девушки, рассматривали их, не стесняясь, обменивались многозначительными взглядами и жестами; один из этих мужчин был царь Алексей Михайлович, другой — доктор, помогавший ему выбирать между этими незнакомками супругу, которая «способна дать усладу государю», которую он сделает на другой день великой княжной, а затем и царицей России, будь она даже дочерью последнего крепостного. Это был старый обычай, заимствованный из Византии по соображениям высшей политики, а отчасти и по необходимости. Иван Васильевич (Великий) (1435—1505) тщетно пытался выбрать невесту для своего сына между иностранными принцессами. Он получил унижительный отказ и от короля датского, и от бранденбургского маркграфа. Царь не хотел породниться с русскими князьями, которые были его соседями и соперниками; поэтому он велел привезти в Москву пятьсот девушек. Великокняжеский венец должен был достаться раз уж не самой знатной, то самой красивой. Век спустя царь Михаил Федорович попытался возобновить сватовство за границей, но также потерпел неудачу. Датский король не хотел даже принять московских посланцев. С тех пор обычай установился окончательно. На бояр и их жен возлагалась обязанность осматривать девушек, отозвавшихся на призыв царя. Осмотр был очень тщательный и строгий, и даже самые интимные части тела не ускользали от него. Вследствие такого подбора, царю представлялись настоящие красавицы.

Иногда, впрочем, этот обычай совершался только для вида, как например в 1670 году. На этот раз красавицы напрасно расточали свое кокетство. Выбор царя был сделан до их прибытия. В 1667 году царю Алексею Михайловичу было 38 лет, когда умерла его первая жена из рода Милославских, подарившая ему шесть сыновей и восемь дочерей. Трое из этих сыновей умерли; оставшееся в живых Федор и Иван были болезненны; царю было необходимо жениться снова. Увидя в доме Артамона Сергеевича Матвеева красивую брюнетку, которую он принял за дочь своего любимого советника, он решил окончательно. Это была воспитанница Матвеева, Наталия Кирилловна Нарышкина, которую отец, бедный и мелкий дворянин, отдал на попечение влиятельного и богатого боярина. Появление красавицы Наталии перед царем не могло бы произойти в обыкновенном московском доме, хранившем старинные местные обычаи. Там девушка оставалась бы за непроницаемой дверью своего терема. Но дом Матвеева отличался в этом отношении от других. Артамон был женат на иностранке из рода Гамильтон. Английская революция разгромила много семей, приверженных Иакову, и многие из них нашли себе приют в негостеприимных широтах отдаленного варварского государства. Алексей был очень милостив к этим иностранцам, и сам Матвеев приобрел почет при дворе, благодаря дружбе с одним из них. Близость к иностранцам развила его; он много читал, имел библио-

теку, физический кабинет и маленькую химическую лабораторию. Наталия садилась за стол вместе со своими приемными родителями и даже с гостями. Алексей объявил, что он берет на себя найти ей жениха, который не посмотрит на то, что она бесприданница, а затем объявил о своем намерении жениться на ней. Артамон Сергеевич больше испугался, чем обрадовался предложению. Его положение, как царского любимца, создало ему немало врагов.

Род Матвеевых не был знатным, но, несмотря на это, Артамон Сергеевич занимал высокое положение, был начальником многочисленных приказов: иностранных дел, финансов и дворцового, командовал стрельцами, стоял во главе управления Малороссии, Казани и Астрахани. Он просил только сохранить внешние приличия, и Наталья должна была появиться в спальне Кремля.

Все обычаи были с точностью соблюдены; даже дяде одной из красавиц пришлось поведаться с царским судом за его старания обманным образом выдвинуть свою племянницу: его подвергли пытке, дыбе и наказали кнутом.

Свадьба состоялась 22 января 1671 года, а 30 мая (12 июня) 1672 года Наталья Кирилловна родила сына. В этот же день Людовик XIV, глядевший на свою армию, переходившую Рейн под предводительством Кондэ и Тюренна, послужил для Буало сюжетом его знаменитого послания; и в тот же день турецкая армия, переходя Днепр, заходила в тыл империи и протягивала руку великому королю. Но Москва не обратила внимания на эти события, занятая празднествами в честь новорожденного царевича. Европейская политика не доходила сюда.

Место, где родился величайший человек России, остается до сих пор неизвестным. В московском ли Кремле? Во дворце ли села Коломенского, названного русским Вифлеемом? Может быть, в Измайлове? На этот счет нет ни одного точного указания. Физически и духовно Петр совсем не походил на своих старших братьев и сестер, слабых и хилых, как Иван и Федор, как и сама царевна Софья. Да могли Алексей, подтачиваемый смертельной болезнью, передать сыну такое изобилие сил, богатырский рост и железную мускулатуру? Кто же тогда? Немец-хирург, заменивший своим сыном девочку, родившуюся у Наталии? Придворный — Тихон Никитич Стрешнев, человек скромного происхождения, недавно возвысившийся благодаря женитьбе Михаила Романова на красавице Евдокии?

Как-то, Петр, опьяненный винными парами, захотел доискаться истины. «Этот по крайней мере», воскликнул он, указывая на Ивана Мусина-Пушкина, «знает, что он сын моего отца. Чей сын я? Не твой ли, Тихон Стрешнев? Не бойся, говори, говори, а то удушю тебя...»

«Батюшка, смилуйся. Я не знаю, что отвечать... Я был не один...»
Чего только не рассказывали!

Со смертью Алексея (1674) началось смутное время, создавшее

грозное, деспотичное кровавое правление Петра. С первых же дней Петр сделался героем драмы и главой оппозиции. Еще тело Алексея не успело остыть, как уже началась ожесточенная борьба двух партий, Милославских и Нарышкиных, которых Алексей возвысил своей двукратной женитьбой.

Нарышкины приписывали свое происхождение знамени тому чешскому роду *Narisci*, владевшему Эгрой. Историк Мюллер предполагает, что родоначальником их был татарин Нарыш, живший при дворе Ивана Васильевича (1463). Последняя версия кажется более правдоподобной. Милославские происходили из старинного литовского рода Корсак, расположенного на территории Польши. Свергнутые и потерявшие свое влияние из-за Нарышкиных, они чувствовали себя вдвойне оскорбленными и униженными. Отец Натальи, Кирилл Полиевктович, в несколько лет сделался самым богатым во всем государстве, имел чин думного дворянина и окольного.

Колокольный звон на похоронах Алексея послужил сигналом для мести. В продолжение 13 лет вся Россия, тесно связанная с судьбой обеих партий, переживала кровавую борьбу за власть.

Матвеев, побежденный в первой же схватке, открыл собою целый ряд жертв. Заключение в тюрьму, перенесший целый ряд пыток, он едет в ссылку в Пустозерск на Ледовитом океане, где едва не умирает с голоду. Наталью одно время намеревались заключить в монастырь; но затем сослали ее и ее сына в Преображенское, около Москвы, где у Алексея был дом.

При таких обстоятельствах Петр покинул Кремль, куда ему пришлось возвратиться на непродолжительное время, чтобы пережить там тяжелые испытания и оскорбления, присутствовать при избии своих приверженцев, при падении государственной власти, при своем собственном поражении. Петр возненавидел Кремль, и даже победителем и самодержцем он не забыл свою злобу и отвернулся от него. Этот разрыв есть символ всей жизни и дела Петра.

II

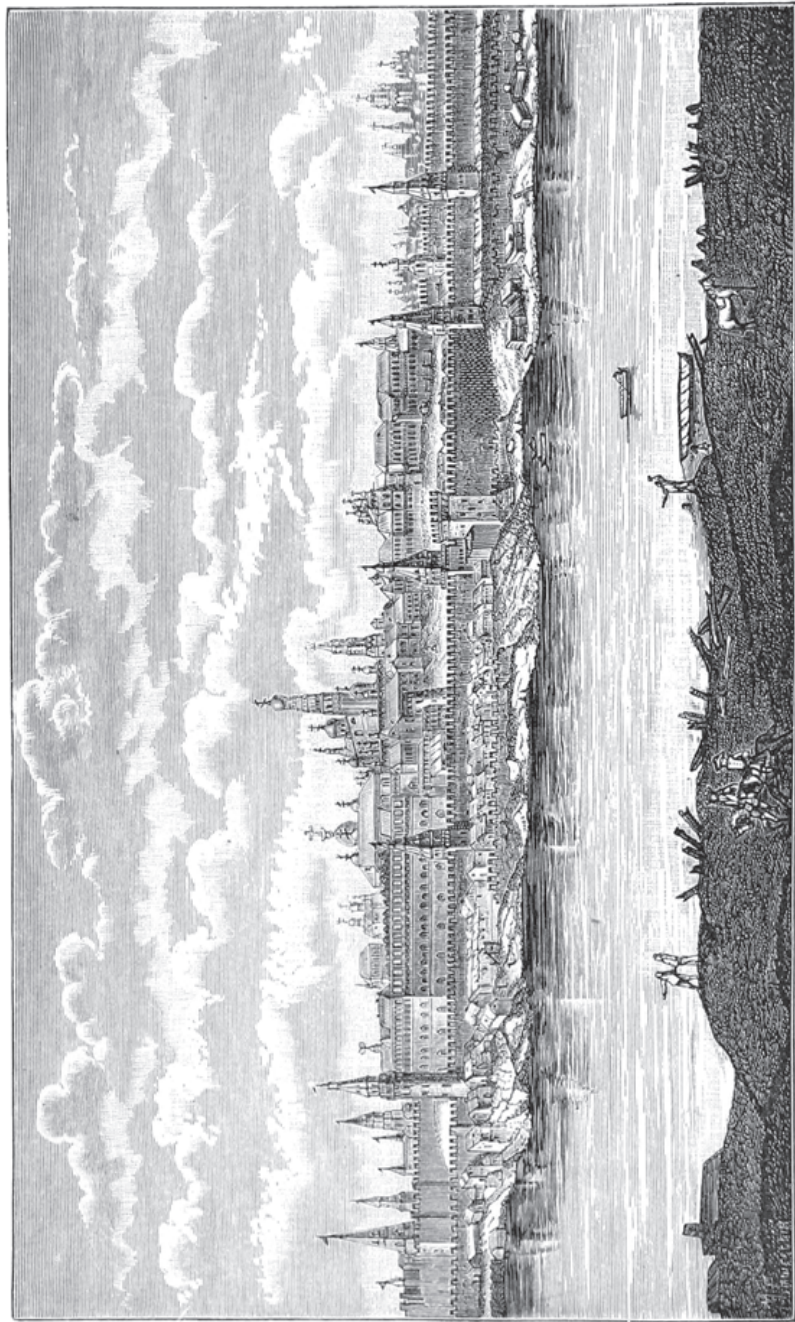
Теперешний Кремль с его скученными постройками без определенного стиля и характера мало напоминает жилище Алексея Михайловича конца семнадцатого века. После пожаров 1701 и 1737 года и перестройки 1752 остались лишь следы своеобразного итальянского возрождения, ввезенного в конце пятнадцатого века дочерью одного Палеолога, воспитанной в Риме — следы гения Фьораванти, Солари, Фрязинов, боровшихся с обычным для Москвы византийским стилем. Некоторые церкви, части дворца и наружная стена, с кирпичными башнями, напоминающими часовых, ходят скорее на укрепленный лагерь, чем на царское жилище. Только церковь

Василия Блаженного, находящаяся за стеной Кремля, на Красной площади, живо напоминает картину исчезнувшего прошлого. Внутри было такое же смешение немецкой, готической, индийской, византийской и итальянской архитектур, такая же запутанность в постройках, как бы втиснутых одна в другую наподобие китайской головоломки. То же изобилие украшений, та же пестрота форм и красок, странных, безумных, как плоды фантастического бреда, как следствия плохо усвоенного пластического идеала. Узкие комнаты с низкими сводами, темные коридоры, мерцание лампад в темноте, расписанные охрой и киноварью стены, железные решетки на всех окнах, вооруженные люди у всех дверей; везде толпа солдат и монахов...

Дворец прилегает к церкви и монастырю и мало от них отличается. Царь на своем троне походит на мощи, лежащие неподалеку в раке. С одного конца до другого этого странного скопления духовных и светских зданий, из-за толстых стен домов, соборов и монастырей доносятся глухие звуки, сливающиеся в одну общую гармонию; монотонное чтение священников в церквях, песни запертых в теремах женщин, отзвук оргии, тайно совершающейся в каком-нибудь углу дворца, или громкий крик пытаемого в тюрьме заключенного. Но тишина царит над всем; все говорят шепотом, все едят осторожно, все наблюдают друг за другом. Это внутренность гробниц, гарема и тюрьмы. Кремль, таким образом, не представляет собой жилище исключительно царя. Вся Россия концентрируется там — Россия странная, существующая уже десять веков, но все еще наивная, хотя и имеющая за собой долгое историческое прошлое; Россия, отделенная от соседней Европы, которая игнорировала ее, несмотря на то, что в ее жилах текла чистая европейская кровь, что в ее летописях были традиции, а также и одинаковые судьбы, одинаковое счастье и несчастье, победы и поражения. В IX и X веках, когда первые короли Франции, Карл Толстый и Людовик Заика, с трудом защищали свои сокровища от норманнских хищников, другие морские короли высаживались на берег Балтийского моря. Там норманн Хрольф отнимал у Карла побережье, названное именем его народа; тут в обширной равнине, простирающейся от Балтийского моря до Черного, редко населенной финнами и славянами, норманны Рюрик и его товарищи основывали государство.

Полтора века спустя на трех окраинах Европы три другие героя победоносно устанавливают свою власть: в Италии дом Хотвилль, при Роберте Гвискаре, в Англии — Вильгельм, в России — Ярослав.

Но это еще не Московская Русь. Москва еще не существует. Столица Ярослава — в Киеве. Потомки Рюрика поддерживают связь с Грецией, Италией, Польшей и Германией. Византия им дает монахов, ученых и священников. Италия и Германия — архитекторов и ремесленников, купцов и элементарное знание римского права. Приблизительно около 1000 года Владимир — в былинах «Красное Сол-

Московский Кремль в начале XVIII столетия. Гравюра Бликланда

нышко» — издает закон, по которому все бояре должны были посылать своих детей в школы, устроенные им при церквях; он прокладывает дороги, и устанавливает в церквях меры веса и длины. Его сын Ярослав (1015—1054) чеканит монету, строит дворцы, украшает площади своей столицы греческими и римскими статуями и пишет свод законов. Пять картин, сохранившихся в Ватикане под названием коллекции Каппони, представляют собой образчики своеобразного русского искусства, которое процветало в Киеве в двенадцатом веке¹, картины эти нисколько не ниже лучших произведений одного из основных в то время итальянских художников — Andrea Ricodi Candia. Эти начатки культуры не были единичными в Киеве: в 1170 году в Смоленске князь Роман Ростиславович занимается науками, устраивает библиотеки, школы и семинарии, где обучают классическим языкам.

По всей России, от Дона до Карпат, от Волги до Двины, завязываются торговые сношения с югом и с севером Европы. Новгород первенствует на Балтийском море; в Киеве пестрые толпы купцов, норманнов, славян, венгерцев, венецианцев, генуэзцев, немцев, арабов и евреев наполняют улицы своими лавками и всевозможными продуктами. В 1028 году там насчитывают 12 рынков. Киевские князья не принуждены брать себе жен в теремах своих подданных. Ярослав женился на дочери шведского короля Олафа Ингигерде; он выдал свою сестру за короля Польши Казимира; один из его сыновей, Всеволод, взял себе в жены дочь византийского императора Константина Мономаха, другой, Вячеслав, графиню де Стад, Игорь — Кунегунду, графиню Орламюнде. Его старшая дочь Елизавета вышла замуж за норвежского короля Гарольда; третья, Анастасия, за венгерского короля Андрея I. В 1048 году три епископа: Готье де Мо, Госселеф де Шалиньяр и Роже де Шалон отправились в Киев просить руки второй дочери царя, Анны, для французского короля Генриха I.

К середине тринадцатого века все это рухнуло, исчезло бесследно. Россия не была тогда прочным государством, которое могло бы выдержать сильные удары судьбы. Хотя владельцы Киева, Новгорода и Смоленска, Рюриковичи, соединяли в себе, наряду с воинственными инстинктами, замечательные организаторские способности, они носили на себе печать своего происхождения: буйный дух беспорядка, только со временем смягчившийся под влиянием нравов просвещенного общества и законов организованного государства. Но они не успели окрепнуть. В 1224 году появление монгольских орд Батые нанесло им непоправимый удар. К этому времени — к началу двенадцатого столетия — после попытки объединить Россию в княжение Владимира Мономаха, среди шестидесяти князей, живших между Волгой и Бугом, происходила непрестанная борьба из-за власти и первенства. Батый и внук Чингиз-хана заставили их объединиться.

¹ Эта коллекция есть дар Петра Великого графу Каппони в благодарность за его участие при составлении торгового договора с Генуей.

Под копытами тысяч коней исчезают три века усиленного труда и попыток к цивилизации. От той древней России, заимствовавшей так много у Европы, но нисколько не потерявшей вследствие этого своего национального своеобразия, благодаря быстрому поглощению местным населением малочисленного норманнского элемента, не остается почти ничего. В следующем столетии, в 1319 и 1340 годах, Киев и прилегающие к нему страны становятся добычей литовских князей, будующих королей Польши. После Гедимины, Ягелло соединил под своим скипетром все остатки эфемерного государства Мономахов, Червонную Русь, Белую и Малую, — «всёя Россию», по выражению, сохранившемуся с того времени. Но он присоединил пустыню. Казалось, что история Рюриковичей прекратилась.

Но она продолжается на востоке того огромного пространства, предназначенного самой судьбой для многочисленного народа и создания неведомого будущего. В верхнем бассейне Волги, на берегах реки Москвы, среди редко населенного финского народа небольшое село становится с двенадцатого века жилищем и уделом одного из потомков Рюрика. Много раз уничтоженное во время беспрестанных войн с соседними князьями, почти стертое с лица земли татарским нашествием, оно поднималось снова, разрасталось и к началу XIV века стало центром торговли между норманнами, славянами и финнами. Смирясь под игом монголов, оно сумело извлечь выгоду из победителя, отдав ему роль внутренней полиции и внешней охраны. Действуя смиренно, терпеливо и ловко, оно брало на себя роль посредника между победителями и побежденными народами, которые соглашались на это: одним это было полезно, другим необходимо. Оно брало на себя унижительную роль сборщика податей для общего повелителя, роль полицейского и, если того требовали обстоятельства, не гнушалось даже быть и палачом. Оно подвигалось таким образом все вперед, расширяясь, укрепляя шаг за шагом завоеванный авторитет и полученное за заслуги главенство, до того долгожданного дня, когда почувствовало себя достаточно сильным, чтобы порвать оскорбительный договор, послуживший ему средством для возвышения.

Это продолжалось около двух веков, в течение которых соседние князья Переяславля, Рязани, Владимира, Углича, Галича, Ростова, Ярославля и Суздаля делались один за другим сперва вассалами, а затем и простыми подданными, боярами, необыкновенно усилившегося московского князя. В это же время монгольская гегемония, благодаря междоусобицам, стала ослабевать.

Наконец, приблизительно в 1480 году, время испытания, казалось, закончилось, и вся Европа, удивленная, узнала, что между ней и Азией существует новое государство, князь которого провозгласил свою независимость. Он прогнал Золотую Орду за пределы огромного пространства, подчиненного его власти, завоевал Новгород и Тверь; женился на греческой княжне, жившей в Риме, и сделал гербом дву-

главого орла. Этот князь назывался Иваном, и его народ дал ему имя «Ивана Великого».

Но это была уже не Киевская Русь, и кроме происхождения самого царя, у нее не было ничего общего с могуществом и славой Ярослава и Владимира. Европа ничем не была представлена в этом новом государстве. Хотя московский великий князь и назывался царем «всёя России», но на самом деле земли, которые он считал своими, принадлежали еще Польше. Монгольское течение оставило на славянской земле, как толстый слой ила, все, что оно имело в себе прочного: характер правления, нравы и наклонности, но не оставило никакой культуры. Кроме традиций византийско-русской церкви, охранявшейся греческими священниками и монахами, государство и общество, которые понемногу сорганизовались под вековой опекой преемников Батые, были главным образом азиатским и варварским. Феодализм, крестовые походы, рыцарство, учение римского права, — вся та высшая школа, в которой сформировалось умственное и моральное единство Запада, вся та великая борьба между мощью духа и временной властью, из которой родились иные свободы, остались чужды России.

Московская митрополия, основанная в 1325 или 1381 г., не захотела признать унию с Римом, выработанную на Флорентийском соборе, принятую Киевским митрополитом, и порвала таким образом с Западом. Папа сначала проклял ее, но потом, наскучив спорами с этим восточным расколом, предал его полному забвению.

Несмотря на всё, семена культуры произрастали, пробивая, хотя и медленно, толстую, азиатскую кору. Они приносились постоянно из Европы и главным образом через Польшу, через литовских князей, бывших когда-то русскими.

Прежде чем укрыться у своих соседей, Курбский переписывался с Чарторыйскими, оставшимися русскими и православными с головы до ног.

Возвратившись из Польши после удачного похода, Иван привез оттуда первую печатню, которую когда-либо видала Москва. Победа Новгорода (1475) привела в соприкосновение новое московское государство с Ганзой.

В 1553 году англичанами было открыто устье Двины, где в скором времени вырос Архангельск и завязалась торговля в северных морях. Но вот снова надвинулось нашествие, а с ним новая борьба за существование. К счастью оно шло с другой стороны. То был отлив из Европы. Польская армия тащила в своих фургонах все, что имело отношение к папскому Риму: иезуитов и бернардинцев, католическую пропаганду и схоластику. За учеными, красноречивыми и хитрыми иезуитами следовали элегантные и утонченные лже-цари польского происхождения. Двор Димитрия и Марины Мнишек содержался наподобие двора Сигизмунда. Польская светская музыка проникла в православные обряды. Даже в дни национальной победы и возрождения Москвы чувствовалось влияние Польши и Запада. За-

владев вновь Киевом, войска царя Алексея не нашли уже там следа прежнего блеска, но все же больше, чем в опустошенной Москве: несколько школ, основанных поляками, печатню, которая могла бы заменить прежнюю, но которую сейчас же предали анафеме и уничтожили; духовную Греко-латинскую академию — целую маленькую сокровищницу цивилизации.

III

С этой эпохи Москве был открыт прямой путь в Европу. Если Петр, изгнанный из Кремля враждебной политической партией, выброшенный, так сказать, на улицу, не пожалел о родном гнезде, то только потому, что нашел в близком соседстве иной, более привлекательный очаг. Присоединяя Новгород, этот республиканский и непокорный город, Иван поставил себе целью искоренить его буйный дух. Он решил переселить десять тысяч семей. В России сохранили секрет административных государственных переворотов, способных расшевелить целые народы. Новгородские изгнанники приехали в Москву, а на их места послали покорных и надежных подданных, наказанных таким образом за свою верность. Между переселенными в Москву находились ганзейцы, которые основали первую иностранную колонию на берегу Москвы. Но народ решил, что присутствие этих иностранцев оскверняло город. В своем патриотизме москвичи, да и вся Россия, считали этот город святым. Поэтому немцам, т. е. людям, не говорящим на местном языке, следовательно немым, было отведено место наподобие еврейского квартала в Риме, за воротами, замыкавшими столицу в северо-восточной ее части, между Басманной и Покровкой, где находится в настоящее время лютеранская церковь, на грязных берегах маленького притока Москвы — Яузы. В XVI веке царь Василий поместил там свою гвардию, состоявшую из поляков, литовцев и немцев.

Преемники Василия не довольствовались одними солдатами-иностранцами, они выписывали себе из-за границы ремесленников, художников и учителей. В любопытной книге Аделунга есть гравюра, показывающая вид предместья, где жили все эти эмигранты. Это было селение с деревянными домами, наскоро выстроенными из бревен, покрытых корой, с обширными огородами, окружавшими жилища. Этот вид быстро менялся, также как и само население. При Алексее от Немецкой слободы осталось только ее название в память первых ее обитателей германского происхождения. При нем же первое место занимают англичане и шотландцы. Между последними, вследствие изгнания сторонников Кромвеля из Англии, встречаются люди высокого происхождения: Друммоны, Гамильтоны, Дальзиели, Кроуфорды, Граамы, Лесли, а позднее Гордоны. Французов в то время еще нет. Их боятся, как католиков и янсенистов. Исключение составляют только приверженцы короля Иакова, которые, как изгнанники, кажутся безопасными. Позже, с отменой Нантского эдикта, это доверие распространяется и на подданных христианнейшего ко-

роля. Якобиты жили отдельно; они не были ни ремесленниками, ни купцами, но много содействовали процветанию слободы; своим происхождением и воспитанием они внушали уважение москвичам. Профессии купцов, учителей, врачей, аптекарей, ремесленников и художников принадлежали в то время голландцам. Немецкий контингент, примешивавшийся к ним, был самого лучшего качества. Те и другие приносили туда свои национальные добродетели: дух предприимчивости и постоянства, благочестия и семейственности, общее стремление к законности и порядку, домашнему миру и плодотворному труду. Немцы имели двух лютеранских пасторов, голландцы одного пастора-кальвиниста; но в соседстве с варварами все религиозные споры затихли; в слободе царила свобода; только католикам запрещалось иметь священника. Школ было много. Шотландец Патрик Гордон следил за работами лондонского *Royal Society*. Английские дамы выписывали целыми тюками романы и стихотворения национальных писателей, и велась оживленная корреспонденция со всей Европой. В немецких собраниях устраивались скромные развлечения, танец «гросфатер» считался проявлением самого большого веселья. Был театр, где Алексей слышал в первый раз Орфея. Значительную роль в колонии играла политика; члены дипломатического корпуса: англичане, голландцы, датчане, шведы, — последние тоже входившие в состав слободы, — представляли там интересы протестантских держав. Голландский резидент Ван Келлер, богатый, образованный, осторожный и ловкий, занимал особое положение, перед которым преклонялись сами москвичи. Отправляя сам каждый день огромную корреспонденцию, он получал все новости Запада, заставлявшие трепетать всю слободу при известиях, касавшихся европейской политической жизни.

Немецкий путешественник Таннер, посетивший слободу в 1678 году, вынес оттуда очень хорошее впечатление; о чем свидетельствует также гравюра начала восемнадцатого века: слобода казалась совсем изменившейся. С ее кирпичными комфортабельными домами, цветниками, прямыми аллеями, фонтанами на площадях, она представляла такой контраст с остальными русскими городами, не исключая и Москвы, что это поражало Петра. Несмотря на влияние и соседство Польши, которая была, так сказать, преддверием Европы, Москва осталась в общем такой же, какой ее сделали три века азиатского рабства. Некоторые признаки указывали все же на начало знакомства с интеллектуальным миром Запада.

Появились люди, снявшие смешной византийско-татарский наряд, имевшие новые идеи, новые намерения, в которых намечалась целая программа реформ, более обширных, чем исполненная впоследствии Петром¹. Занималась новая заря. К сожалению, все эти нарождающиеся

¹ Этот взгляд довел некоторых историков до парадоксальных преувеличений.

ся идеи разделял сравнительно небольшой круг избранного общества. Царь Алексей не выкалывал уже глаз художникам, как его предшественник Иван, чтобы помешать им воспроизводить их создания искусства в другом месте, но когда Михаил вознамерился пригласить к себе на службу знаменитого Олеария, при дворе и в городе поднялся целый бунт. Бунтовщики грозили утопить колдуна. На обеде у одного знатного иностранца русские вельможи, не стесняясь, набивали себе карманы разными яствами, к немалому удивлению хозяина.

Изгнание поляков и лже-царей нисколько не изменило Кремль, и Петр перед своим изгнанием оттуда не видел никого, кроме лиц свиты, окружавшей его по дороге в церковь или в баню, куда он шел между двумя рядами карликов, несших занавесы из красной материи, так что домашнее заключение продолжалось и на улице. Ребенок задыхался в такой атмосфере. В Преображенском он вздохнул свободно. Однажды, предоставленный самому себе, он попал на берег Яузы и в первый раз увидел Слободу. Он не хотел больше от нее удаляться, а, наоборот, звал туда всю Россию. Но его ждали еще тяжелые минуты окончательной борьбы с азиатским режимом.

IV

Федор, старший сын и наследник Алексея, умер в 1682 году бездетным. Кто же должен был наследовать ему? Со смерти последнего Рюриковича в 1598 году престол захватывался почти все время силой. Борис Годунов достиг его посредством целого ряда убийств; Димитрий — благодаря польским штыкам; Василий Шуйский был обязан своим избранием одним боярам, и наконец — Михаил Романов — народу. При этом последнем избрании было выработано нечто вроде династического права; но, несмотря на это, при восшествии на престол Алексею пришлось прибегнуть к всеобщему голосованию.

Один из младших братьев Федора, Иван, сын Милославской, которому в то время исполнилось 15 лет, был почти слепой и наполовину идиот. В письме, адресованном в 1684 году министрам Людовика XIV, говорится о болезни век царевича, благодаря чему он не может видеть, если их не поднимать искусственно. И бояре единогласно высказывались за избрание Петра, сына Нарышкиной, который был моложе своего брата на десять лет. Им противно было, говорили они, превращать свои обязанности в занятия сиделок. Вероятно также, что их привлекал более ранний возраст Петра, благодаря чему предвиделось более продолжительное междуцарствие, и власть должна была сохраниться в руках бояр на более долгое время.

Они привлекли на свою сторону бояр, присутствовавших при последних минутах Алексея, и патриарха Иоакима, соборовавшего его. В России, как в Польше, глава церкви пользовался временной властью во время междуцарствия. В 1598 году, например, патриарх Иов

решил победу Годунова. Во всяком случае, на этот раз избрание Петра было незаконно. Речь, сказанная «всяких чинов людям», случайно собравшимся в Кремле; призыв к голосованию, приведший к одобрению; появление импровизированных избирателей на Красном крыльце перед народом, привлеченном туда тревожными событиями; имя, брошенное в эту толпу — и дело было сделано: у России появился царь, которого звали Петром.

Об Иване не было сказано ни слова; оправдания этому нарушению закона и наследственных прав не было никаких. То была просто победа Нарышкиных над Милославскими, застигнутыми врасплох и лишенными возможности защищаться, благодаря скорости и неожиданности развязки. Но это было кратковременное торжество; оно продолжалось всего месяц. На другой день после своего поражения побежденная сторона снова выходит на сцену, а за ней неожиданно появляются два новых политических фактора, которые изменяют весь внешний вид борьбы: царевна Софья и стрельцы.

Глава II ЦАРЕВНА СОФЬЯ

I. Терем в Кремле. — Москва и Византия. — По стопам Пульхерии. — У изголовья умирающего царя. — Честолюбие и любовь. — Василий Голицын. II. Стрельцы. — Величие и падение. — Солдаты и купцы. — Признаки и причины восстания. — Народные движения. — Софья и Голицын пользуются восстанием для захвата власти. — Осажденный Кремль. — Трехдневная резня. — Софья берет власть окровавленными руками. — Неудача Петра. — Восшествие на престол Ивана. — Два царя. — Регентша. III. Регент. — Идиллия и семейная драма. — Мечты о будущем. — Препятствия. IV. Детство Петра. — Изгнание. — На воле. — Ученые и игры. — Самоучка. — Астролябия. — Английская шлюпка. — Солдат и моряк. — Преображенский лагерь и Переяславское озеро. — Товарищи. — Начало преобразований. — Армия, флот и кутежи. V. Юность. — Женидьба. — Евдокия Лопухина. — Раннее вдовство. — Петр возвращается к своим удовольствиям. — Увлеченный потомок. — Работа увлекает работника. — Орудие партии. — Аристократическая оппозиция. — Петр её глава. — Между двух цивилизаций. — Римская и протестантская Европа. — Выбор. — Приготовление к борьбе. — Перелом

I

У Алексея осталось пять дочерей, но имя только одной из них, Софьи, сохранилось в истории. Софья была родной сестрой Ивана, и ей шел уже двадцать шестой год. Я упомянул о ее красоте: некоторые историки во главе с Сумароковым и даже иностранцы, такие как Штраленберг и Перри, утверждают, что она была красива, но ни

Царевна Софья Алексеевна.
Литография XIX века

Венчание на царство царей Иоанна и Петра Алексеевичей.
25-го июня 1682 года

один из них не видел царевны. Свидетельство франко-польского дипломата Ла-Невиля, заслуживает большего доверия. Оно нарушает поэзию; но что делать? «Уродливое тело непомерной толщины, широкая, как котел, голова, покрытое волосами лицо и шишки на ногах». Вот его свидетельство. Историк Костомаров старается смягчить краски: «Некрасивая на взгляд иностранцев, Софья могла считаться привлекательной москвичам того времени, которые не считали тучность недостатком». Монах Медведев, доверенный царевны и преданный ей человек, красноречиво молчит о ее наружности и упорно превозносит ее душевные качества. Но в одном согласны все, не исключая и Ла-Невиля. «Насколько ее тело было коротко, широко и грубо, настолько же тонок и развит был ее политический ум; не читав никогда Макиавелли и не учившись, она от природы владела всеми его правилами».

До 1682 года жизнь Софьи была такою же, как жизнь всех русских девушек того времени, но усложненная по ее положению еще большими, почти монастырскими строгостями. Кремлевский терем превосходил все остальные в этом отношении: одиночество, строгое и мелочное исполнение обрядов, частые посты. Патриарх и самые ближние родственники были единственными посторонними посетителями терема. Даже врач допускался только в случаях очень серьезной болезни. Когда он входил, ставни затворялись, и он мог шупать пульс больной только через какую-нибудь ткань. Потайные ходы вели из терема в церковь, где царица и царевны скрывались за неизбежными красными занавесями от любопытства остальных молящихся. В 1674 году, сворачивая в один из внутренних дворов дворца, два молодых дворянина, Бутурлин и Дашков, случайно встретили карету, в которой царица отправлялась на богомолье в монастырь. Этот случай чуть не стоил им головы. Последовал строгий допрос в застенке. Место царевен не указывалось ни при одном торжестве, которые нарушали ужасное однообразие подчиненной неизменному и строгому этикету жизни всех остальных членов царской семьи и придворных. Они появлялись только на похоронах, следуя за гробом непременно в непроницаемых фатах. Народ знал о них только по именам, произносимых на ектеньях; а они, в свою очередь, ничего не знали, кроме того узкого круга, в котором они были замкнуты судьбой. Не имея возможности выйти замуж ни за простого смертного, благодаря своему высокому положению, ни за иностранного принца, благодаря своей религии, они не должны были знать ни любви, ни брака, ни материнства. Таков был закон. Не нарушая этих строгих правил, Софья не могла бы сыграть роль, в которой она вскоре появляется. Петр был провозглашен царем 27 апреля; 23-го следующего месяца стрельцы уничтожили его единовластие, присоединив к нему Ивана. Все свидетельства истории указывают на Софью, как на непосредственную вдохновительницу, даже как на главное действующее лицо этого государственного переворота.

Кремлевский терем должен был находиться под непосредственным влиянием византийских идей, — смеси аскетизма и интриг, наполнявших жизнь Восточной Римской империи.

У изголовья умирающего брата Софья и ее сестры напоминали Пульхерию, дочь Аркадия, захватившую в свои руки власть во время царствования малолетнего Феодосия, а, затем, после его смерти царствовавшую при помощи Марция, начальника императорской гвардии. Софья без сомнения видела в Кремле другие мужские лица, кроме патриарха и своих ближайших родственников Мирославских, энергичных, но ограниченных людей. Прикованный надолго к постели Федор нуждался в женском уходе. Среди близких ему лиц находился человек, который посоветовал ему нарушить правила терема и найти себе сиделку, указав при этом на Софью. Это был Василий Голицын, человек интересный во многих отношениях — личность выдающаяся. Он проявляет сильнее, чем Матвеев, в более выдающихся чертах ту нравственную и умственную эволюцию, которую потом может быть преувеличивали, но которая без сомнения предшествовала появлению великого реформатора и подготовила почву для его дела. Он является одним из тех передовых людей (Морозов, Ордынский, Нащокин, патриарх Никон), которые уже в предыдущие царствования предвещали новые времена и эру преобразований. В продолжение нескольких лет, он принимал участие в государственных делах; при его содействии произошла отмена местничества, — обычая чисто азиатского, согласно которому ни один из подданных царя не мог занимать по отношению к другому места более низкого, чем то, которое занимал хотя бы только несколько дней его предок по отношению к предку другого. Этот обычай был непреодолимым препятствием для целесообразного подбора способных людей и неиссякаемым источником споров, которые делали непроизводительными действия правительства. Голицын задумал учредить постоянную армию. По словам Ла-Невиля, его мечты шли даже дальше попыток Петра: он хотел освободить крестьян и сделать их собственниками, цивилизовать Сибирь и пересечь ее почтовыми дорогами. Отец Аврелий, задержанный в Москве и не допущенный в Китай в эпоху полновластия будущего регента, несмотря на это воздаст должное его либеральному уму. На его решение повлияли остальные бояре из ненависти к католицизму. Голицын бегло говорил и изысканно писал по-латыни; посещал Немецкую слободу, где у него были близкие друзья, принимал у себя шотландца Гордона и лечился у врача-немца Блуменроста; грек Спафарий, один из близких ему людей, занимавший благодаря ему видное положение в Посольском приказе, был вполне современным дипломатом и космополитом, объездившим всю Европу и побывавшим даже в Китае. Он составлял планы навигации по большим рекам Азии и переписывался с бургомистром Амстердама Витценом. Голицын жил во дворце, который ничем не отличался от европейских аристократических

жилищ; имел ценную мебель, гобелены, картины и большие зеркала. В его библиотеке были латинские, польские и немецкие книги; у него же оказалась рукопись серба Крыжанича, апостола реформ, вдохновившего Петра. Голицын приказал построить в Москве три тысячи домов и первый в Москве каменный мост, построенный по плану польского монаха. Он был страстным поклонником Франции, и сын его носил на себе портрет Людовика XIV. Его падение, последовавшее за воцарением Петра, совершенно искренне принимается Ла-Невилем за гибель культурных начинаний. Но Голицын был еще очень сильно привязан к тому, что он хотел разрушить. Он не был свободен от суеверия. Он пытал крестьянина, который был заподозрен в том, что хотел напустить на него порчу. Его обвиняли впоследствии в том, что, желая угодить Софье, он клал «для прилюдления» в кушанья, подносимые царевне, разные травы и корни, данные ему одним человеком, но велел сжечь этого человека.

Василий Васильевич Голицын родился в 1643 году. Ему было 39 лет, когда болезнь Федора сблизила его с Софьей. Он был женат и имел взрослых детей.

С ним вместе у изголовья умирающего появился и Симеон Полоцкий, человек очень образованный для своего времени, Сильвестр Медведев, ученый монах, библиограф и придворный поэт, и Хованский, военный, — любимец стрельцов. Таким образом формировалась политическая группа, члены которой уже раньше собирались и стоваривались втайне. Медведев был душой этой партии; но Голицын занимал в ней первое место: любовь Софьи давала ему в руки власть. Царевне было тогда 25 лет, но Ла-Невиль давал ей целых сорок. С ее горячей страстной натурой она еще не жила, и ее мысль и сердце, проснувшиеся разом, заставили ее броситься в жизнь без расчета, без страха и всецело отдаться потоку, который должен был унести ее. Влюбившись, она стала честолюбивой и совершенно естественно присоединяла к своим честолюбивым мечтаниям человека, без которого успех ни имел бы прелести. Она влекла его к высокой цели, которую они должны были достигнуть вдвоем. А он, по видимому, был застенчивым, неуверенным и нерешительным человеком, легко приходившим в уныние. Он отступил бы, может быть, в решительную минуту, если бы не Медведев и не Хованский. Медведев электризовал свою партию, вдыхал в нее свою страсть, свою боевую лихорадку. Хованский передал в ее руки страшное орудие, в котором она нуждалась для своих целей.

II

Создание Ивана Грозного и его товарища по оружию Адашева, стрельцы, имели за собой недолгое прошлое и уже омраченную славу; свободные люди, потомственные солдаты, они составляли среди всеобщего рабства привилегированную военную касту, приобрели в

силу этих привилегий важность, превышавшую их значение и заслуги. Государство давало им помещение, обмундировку и жалование даже в мирное время, тогда как другие свободные люди были принуждены служить без жалования и за собственный счет даже во время войны. У них была своя администрация и свой начальник, который всегда назначался из знатных бояр. В мирное время они исполняли обязанности уличной полиции, несли караульную и разведочную службу и служили почетной стражей, а также тушили пожары. Избранный «полк стрелянных» сопровождал царя на всех выездах за город. Во время войны они составляли передовой отряд и ядро его войска. В Москве было двадцать таких полков, от 800—1000 человек в каждом, отличавшихся цветом своей одежды, красными, синими и зелеными кафтанами с широкими красными поясами, желтыми сапогами и бархатными шапками, опущенными мехом. В провинции также было несколько таких полков. Так как их служба оставляла им много свободного времени, то они занимались ремеслами и торговлей; они легко богатели, потому, что не платили ни пошлин, ни налогов. Случалось нередко, что зажиточные граждане Москвы испрашивали милости быть зачисленными в ряды стрельцов, которые не легко допускали в свою среду посторонних. В свое время Борис Годунов был им обязан своими победами над татарами. В царствовании Михаила они взяли в плен Марину Мнишек и Заруцкого, ее последнего приверженца; в царствование Алексея отняли у поляков Смоленск, при Федоре защищали Чигирин от турок. Во время продолжительных внешних и внутренних неурядиц 17-го столетия они всегда были на стороне законной власти, победили восставшего казака Разина и спасли монархию. Но эта смутная эпоха дурно повлияла на них и внесла в их ряды дух непослушания, а праздная жизнь окончательно испортила их. Естественные защитники порядка, они с некоторых пор стали действовать заодно с мятежниками всякого рода и поднимали восстания, которые были обычным делом для людей низших сословий, возмущенных алчностью чиновников и их злоупотреблениями. Возведение Петра на престол также подготовлялось в этом распущенном обществе расстроенного государства. Стрельцы, вовсе не имевшие причины жаловаться, кричали громче всех. Ближайшее будущее показало, что они были очень посредственными солдатами, но очень опасными крикунами, а тревожное время превратило их в кроважидных бандитов.

Признаки тревоги проявлялись у них еще до кончины Федора. Стрельцы полка Семена Грибоедова восстали против своего начальника, обвиняя его во взяточничестве: он брал себе их жалование и заставлял работать по воскресеньям на постройке загородной дачи. Благодаря ослабевшей власти, переходившей от умирающего царя к малолетним наследникам, возмущение это широко распространилось. Овладев властью, Нарышкины застали уже шестнадцать возмущив-

шихся полков. Не зная, что делать, они вызвали Матвеева, творца их величия, и в ожидании этого спасителя выдавали начальников. К ним применялся «правеж», как к несостоятельным должникам. Перед собравшимися войсками обвиненных начальников били батогами по икрам до тех пор, пока они не отдавали все свое имущество, собранное хищениями, действительными или предполагаемыми. Пытка продолжалась несколько часов. Дисциплина была убита, и разнужданный зверь, проснувшийся в рядах этих диких преторианцев, ждал только добычи, чтобы броситься на нее и вонзить в нее свои когти. Софья и ее советчики указали им на Нарышкиных.

Восстание было подготовлено и организовано быстро, при барабанном бое и с циничной откровенностью. Дядя царевны Софьи, Иван Милославский, объявленный впоследствии главным зачинщиком и преследуемый до самой смерти неукротимым гневом Петра, усиленно хлопотал, агитируя и передавая ложные известия. Пустили слух, что Нарышкины отравили Федора, что они мучат старшего брата Петра, лишеного престола царевича, что один из них хочет даже завладеть престолом; говорили, будто Нарышкин в сопровождении вооруженных людей преследовал жену одного стрельца. Одна из подруг Софьи, Феодора Родиница, пробиралась в кварталы стрельцов, разнося всюду деньги и обещания.

Все ждали приезда Матвеева: это было условным знаком. Подученные стрельцы радостно встретили своего старого начальника и усыпили его подозрения. 11 мая 1682 года депутация от двадцати полков поднесла ему хлеб-соль, «меду на кончике ножа», как сказал впоследствии сын несчастного старика, приговоренного уже к смерти. Четыре дня спустя во всех кварталах забили тревогу, все двадцать полков взяли за оружие и осадили Кремль. На этот раз стрельцы сняли свои пестрые кафтаны, оделись в красные рубахи, с засученными до локтя рукавами, указывая таким образом на дело, за которое они принимались; это были уже не солдаты, а судьи и палачи. Опьянев от водки и готовясь опьянеть еще больше от крови, они кричали и дико размахивали своими саблями.

Они думали или притворялись, что думали, будто Петр и Иван зарезаны, и хотели отомстить за их смерть. Им показали с верху красного крыльца здоровых и невредимых царя и царевича; их старались успокоить; но они уже ничего не слышали и никого не узнавали. Они громко кричали: «Смерть убийцам!» Начальник их приказа, старик Долгорукий, вышел на крыльцо, чтобы призвать их к порядку. В ту же минуту несколько человек устремились на старика и сбросили его вниз, а другие, поднимая пики, кричали: «любо! любо!» И резня началась.

Она длилась три дня. Извлекаемые один за другим из дворца, соседних домов и даже церквей, друзья и родственники Натальи, Матвеев и Нарышкины, разделили участь Долгорукого. Некоторых му-

Стрелецкий бунт. Картина Н. Д. Дмитриева-Оренбургского

чили, тащили за волосы по площади, били кнутами, жгли раскаленным железом и рубили на куски саблями. Наталья отчаянно боролась, расставаясь со своим любимым братом Иваном, но ему пришлось-таки выйти к стрельцам, по совету старого князя Одоевского, и спасти остальных своей смертью. Причастившись в одной из церквей Кремля, он вышел к стрельцам с иконой, которая мгновенно была вырвана у него из рук, и он исчез в море ярости и крови, продолжавшем бушевать у стен старого дворца. Оно кипело и разливалось по соседним улицам, охватывая частные дома и общественные здания, везде разыскивая предполагаемых сообщников мнимого преступления, убивая и грабя всех. Мятежники бросились даже на архивы, как бы желая придать движению общенародный характер. Говорят, будто они хотели уничтожить документы, относящиеся к учреждению крепостного права.

Некоторые историки стараются снять всю ответственность с Софьи. Но это утверждение грешит против очевидности. Никогда еще случай так хорошо не подтверждал изречение: *Is fecit sicut prodest!* (Сделал тот, кому было надо.) В эти кровавые дни горя и несчастий, торжествовала одна Софья. Она крепко держала в руках движение и могла остановить его, когда хотела. Одному неизвестному до тех пор лицу, Циклеру, поручено было усмирить стрельцов и остановить резню. Он блестяще выполнил поручение и на другой же день очутился среди самых близких царевне людей. Высокие посты были распределены между вчерашними друзьями и родней: Хаванскими, Милославскими и Василием Голицыным. Начался дележ добычи, и Софья, конечно, взяла свою долю. Петр был покамест оставлен царем, но она была назначена правительницей и не собиралась останавливаться на этом. Стрельцы за свои труды получили по 10 рублей на душу. Они надеялись, что имущество их жертв будет разделено между ними, но действительность не вполне оправдала их надежды: им только было предоставлено преимущество перед другими покупателями во время распродажи конфискованного имущества убитых. Их ласкали, потому что в них еще нуждались. 23 мая они снова появились у стен Кремля, требуя провозглашения царем Ивана. И царская власть была разделена между братьями. В то время говорили много о блестящих примерах фараона и Иосифа, Аркадия и Гонория, Василия и Константина, но забывали Михаила и Филарета, двойное правление которых оставило по себе дурные воспоминания.

Но и этого партии Софье было мало. Она хотела, чтобы Иван, больной идиот, имел первенствующий титул. Новое восстание, новые мнимые выборы. На этот раз Софья окончательно сбросила маску: когда Иван был провозглашен первым царем, она устроила для мятежников пир, и сама угощала их. Их руки еще были красны от крови, а она уж опять давала им вина. И они отблагодарили ее тем, что потребовали для нее титула правительницы.

Князь Василий Васильевич Голицын.
 Гравюра Л. Тарасевича

III

И вот Софья на вершине своей славы. Но стремясь к власти ценой стольких преступлений, она хотела наслаждаться ею только вместе с избранником своего сердца. Все было покорно ей, а она хотела, чтобы он повелевал. Настоящим хозяином России в последовавшие 10 лет и действительным правителем был Василий Голицын.

Как политическая честность царевны, так и ее добродетель нашли себе среди историков горячих защитников. Но влюбленная царевна сама снабжает нас неоспоримыми документами. Прошло пять лет. Она царствовала в Кремле, а он заканчивал в Крыму неудачную кампанию, где по ее мнению, стяжал себе лавры. В ожидании его скорого возвращения она писала ему:

«Свет мой, батюшка, надежда моя, здравствуй на многие лета! Зело мне сей день радостен, что Господь Бог прославил имя Свое Святое, также и Матери Своей, Пресвятой Богородицы, над вами, свете мой! Чего от века не слыхано, ни отцы наши поведали нам такого милосердия Божия. Не хуже израильских людей вас Бог извел из земли Египетския: тогда чрез Моисея, угодника Своего, а ныне чрез тебя, душа моя. Слава Богу нашему, помиловавшему нас чрез тебя! Батюшка мой, чем платить за такие твои труды непочетные? Радость моя, свет очей моих? Мне не верится, сердце мое! Чтобы тебя, свет мой, видеть. Велик бы мне день тот был, когда ты, душа моя, ко мне будешь. Если бы мне возможно было, я бы единым днем тебя поставила перед собой. Письма твои, врученные Богу, к нам все дошли в целости, из-под Перекопу, из Каирки чрез сеунщиков, и с Московки; все приходили в приметные времена. Из-под Перекопу пришли отписки в пяток к 11 числа. Я брела пеша, из Воздвиженского: только подхожу к монастырю Сергия чудотворца, к самым святым воротам, а от вас отписки о боях. Я не помню, как взошла; чла идучи! Не ведаю, чем Его, Света, благодарить, за такую милость Его, и Матерь Его, пресвятую Богородицу и преподобного Сергия, чудотворца милостивого.

Сеунщик Змеов к нам еще не бывал. Что ты, батюшка мой, пишешь о посылке в монастыри, все то исполнила: по всем монастырям бродила сама, пеша. А с отпуском пошлю к вам вскоре Василия Нарбекова. А золотые не успели, не прикручиньтесь. За тем вас держать жаль. Тотчас поспеют, тотчас пришлю. А деньги собираю; стрельцам готовы; тотчас соберу, тотчас пришлю. Скажи им, будут присланы. А раденье твое, душа моя, делами окажется. Почты от нас свет мой, посланы три, четвертый Шошин. Порадей, батюшка мой, чтоб его окупить или на размену отдать. Что пишешь, батюшка мой, чтоб я помолилась: Бог, свет мой, ведает, как желаю тебя, душа моя, видеть, и надеюсь на милосердие Божие: велит мне тебя видеть, надежда моя. Как сам пишешь о ратных людях, так и учини?

А я, батюшка мой, здорова твоими молитвами и все мы здоровы. Когда, даст Бог, увижу тебя, свете мой, о всем своем житье скажу. И вы, свет мой, не стойте, подите помалу: и так вы утрудились. Чем вам платить за такую надежную службу, наипаче всех твои света моего, труды? Если бы ты так не трудился, никто б так не сделал».

По мнению Ла-Невиля, Софья не задумалась бы наградить своего героя так, как он того заслуживал, если бы одно препятствие не сдерживало порывов ее благодарности. Этим препятствием была жена Василия Голицына, с которой он, к сожалению, не хотел расставаться. «Он был честный человек, и у него было большое состояние и дети, бывшие дороже тех, которых ему дарила царевна. Он любил ее только за то, что она возвысила его. «Между тем», — продолжает хроникер, — «Софья, с чисто женской хитростью, убедила Голицына, чтобы он уговорил жену идти в монастырь, вследствие чего, по религии москвитян, муж, оправдываемый силой своего темперамента, не позволявшего ему вести холостую жизнь, получал разрешение снова жениться. Когда добрая женщина дала на это свое согласие, царевна уже не сомневалась в успехе».

Но она упустила из виду другое препятствие, которое внезапно встало между ней и осуществлением ее высших желаний.

IV

Среди ужасных волнений, которые не раз колебали на его молодом челе венец Ивана Грозного и мелькали перед его глазами кровавыми призраками, сын Натальи Нарышкиной играл, конечно, только роль пассивной жертвы. Предания говорят нам о его храбрости, удивлявшей свет, о неустрашимости перед убийцами, которых он заставил отступить огнем своего взгляда, о его раннем развитии, далеко оставившем за собой удалство Пико делла Мирандолы. Рассказывают, будто бы он трех лет командовал полком и отдавал рапорт отцу; в 11 лет под руководством шотландца Мензиеса углублялся в тайны военного искусства и высказывал новые и оригинальные мысли и взгляды. Я придаю большое значение преданиям, но оставляю за собой право опровергать те из них, которые кажутся мне неверными.

Поэтому, я утверждаю, напротив, что физическое и умственное развитие великого человека совершалось очень медленно. Этот колосс с трудом становился на ноги. В три года у него была еще кормилица, а в 11 лет он не умел ни читать, ни писать. Его детская стратегия и его «Петров полк», о которых историк говорит в довольно интересном этюде, наивны и притом недостоверны. Даже в более позднем возрасте Петр не проявлял никакой храбрости. Он был для этого слишком нервным и впечатлительным. Его первые дебюты на

жизненном поприще, которое ему суждено было наполнить шумом своей славы, вовсе не были геройскими. Смелость и знание пришли к нему позже: он добился их своей волей, закаленной в испытаниях. Ужас и отчаяние, которые он пережил в детстве, наложили на его характер неизгладимую печать, сделав его склонным к нарушению умственного и физического равновесия под влиянием малейшего удара, инстинктивно отступающим перед опасностью, способным теряться и легко приходящим в уныние. Воля впоследствии оказалась победительницей, и укрощенная натура стала повиноваться ей. Но в сущности Петр был именно таким. Он всю жизнь носил на себе эту уродливую печать, вьвешуюся в его тело, сжимавшую болезненной судорогой его гордое и суровое лицо, подчеркивая грозное выражение последнего. Возможно, что это было следствием попытки отравить его, но тот духовный яд, который стрельцы влили в сердце несчастного ребенка, кажется мне более вероятной причиной.

Он был напуган, как всякий другой ребенок был бы напуган на его месте; он наверное прижимался к матери, прятался за ней, и без сожаления покинул дворец, населенный ужасными кошмарами. Торжество Софьи обрекло его на одиночество и поставило если не вне закона, то вне общих правил, и это послужило к его благу. Изгнание для десятилетнего царя, — ребенка чрезвычайно подвижного и любознательного, было простором и чистым воздухом, которые вернули здоровье его телу и уму. Изгнание это — было свободой.

И он воспользовался ей. Он приезжал в Кремль только в самых торжественных случаях и садился на двойной престол, заказанный нарочно в Голландии и хранящийся теперь в Московской Оружейной палате. Все остальное время он проводил в Преображенском, избавленный от скучных обязанностей этикета и власти. Со стороны матери он принадлежал к среде сравнительно независимой. Въезжая в Кремль, Наталья Нарышкина привела всех в негодование своими полушотландскими манерами: она осмелилась поднять угол занавесок своей кареты. Происхождение связывало Петра с европейски-культурным обществом, но судьба оставила в стороне от греко-латинской и польской школы, влияние которой до сих пор преобладает в России. Представители этой школы, с Матвеевым во главе, принадлежали к партии Софьи. Воспитатель Петра, Зотов, принужден был бежать и не был никем заменен. Предоставленный самому себе, ребенок выбирает себе других руководителей по своему вкусу, проявляя инстинктивную склонность к иностранцам. Он узнает от них многое, но вряд ли что-нибудь, касающееся военного ремесла. Петр никогда не был великим полководцем: для этого он был слишком буржуазно-практичен. Он действительно опустошал Оружейную палату; но этот московский арсенал 17-го века только по имени был военным; он скорее походил на восточный базар. Петр посылал

туда за часами, забавляясь разбиранием их механизма, но брал оттуда и садовые инструменты.

Преувеличивали и его детскую любознательность. Представим себе любого ребенка, способного и любознательного, избавленного от обычной процедуры систематического обучения, свободного в удовлетворении всех потребностей ума и воображения: его жажда знаний непременно обратится к тысяче разнообразных предметов. Петр был «автодиактом» — самоучкой, как назвал его в своем письме к Лейбницу один из дипломатов, состоявший впоследствии на его службе.

Но из этого вовсе не следует, что он был развит не по летам. Из сохранившихся тетрадей видно, что он в шестнадцать лет писал очень неумело и изучал только два первых правила арифметики. Его преподаватель, Франц Тиммерман, сам с трудом производил умножение четырехзначных чисел. Правда, на этих уроках арифметические задачи чередовались с теоремами начертательной геометрии.

Нам, привыкшим к приемам систематичной и последовательной школьной тренировки, странно видеть перевернутый таким образом порядок умственного развития; хотя может быть этот порядок и не основателен.

Своей склонностью к наукам, редко захватывающей юные умы, Петр обязан случаю. В 1686 году его внимание случайно привлек рассказ о каком-то удивительном инструменте, привезенном из-за границы князем Яковом Долгоруким. Этим инструментом можно было измерять расстояние, не сдвигаясь с места! Ничего подобного не было в Оружейной палате. И Петр потребовал, чтобы ему принесли астролябию. Но Долгорукий вернулся с пустыми руками: чудесный инструмент был украден. К счастью, князь скоро собирался опять в страну чудес: Софья и Голицын посылали его ко двору Людовика XIV с поручением просить помощи против турецкого султана. Христианнейший король оказал послу прием, которого можно было ожидать, но астролябия была все-таки куплена. Когда она очутилась в руках Петра, он был в большом недоумении, и никто не умел научить его пользоваться ею. Кто-то рассказал ему про Тиммермана, и голландец, строивший дома в Немецкой слободе, был сделан преподавателем математики в Преображенском.

Но у Петра не было ни времени, ни желания, ни возможности делать успехи в этой науке с подобным преподавателем. Астролябия была просто проявлением детского любопытства, бросающегося с жадностью на все новое. Но род этого любопытства с одной стороны указывает на особенности характера, на склонность к серьезным знаниям, а с другой стороны — на среду, которая влияла на юного царя. Судьбе было угодно, чтобы предметы, которые главным образом привлекали его внимание, оказались и самыми полезными для него.

Неверно было бы предполагать, что в 10 или даже в 16 лет юный царь и будущий реформатор понимал, насколько будет полезно Рос-

сии иметь царя, владеющего 14-ю ремеслами. (Священное число!) Да Петр вовсе и не изучил их: он занимался некоторыми из них, например, токарным и зубоврачебным, без всякой пользы для кого бы то ни было. Как бы ни был велик размах его ума, разбрасываясь таким образом, он сделался поверхностным. Впоследствии, обратившись к серьезным знаниям, он убедился, что пример его лучше всяких увещаний послужит его подданным, этому ленивому, невежественному и неловкому народу. И тогда он уже из принципа, хотя и следуя своей природной склонности, начал неутомимо работать, собирая всякие сведения и изыскивая всякие способы применения своих десяти пальцев. Те же самые побудительные причины толкнули его на единственный путь, где он мог сделаться если и не мастером, то хорошим работником, где он нашел неиссякаемый источник наслаждений, если не положительной пользы для себя и своей родины.

Кто не знает изукрашенной вымыслами истории о старом английском боте, найденном среди хлама, принадлежавшего деду молодого героя, Никите Ивановичу Романову? Изобретательное предание говорит, что Петр ребенком имел такое отвращение к воде, что дрожал при виде малейшего ручейка. Это, может быть, не более как символическое выражение той трудности, с которой обитатель суши, далекий от берегов какого бы то ни было моря, вступает в общение с далекой, неизвестной, почти недостижимой для него стихией. Петр дал России флот прежде, чем дал ей море. Весь характер его великой деятельности, с его стремительностью и парадоксальностью, сказывается в этом. Старая шлюпка, найденная в Измайлове, побеждает будто бы его отвращение к воде и делает настоящим моряком.

Каким образом этот бот очутился в Измайлове, вдали от всякой воды? Когда впоследствии Петр устроил на Переяславском озере верфь, он и тут шел по следам, проложенным до него. Он создал эту странную вещь, морской флот, без моря, но не он выдумал ее. Из того, что он исполнил, он вообще ничего не выдумал сам. Все эти попытки уже делались до него: при Алексее Михайловича, в Дединове, на берегу Оки, была построена яхта «Орел» иностранными мастерами, приглашенными специально для этого. Струис говорит об этом в своих путешествиях.

Итак, идея уже до Петра носилась в воздухе, еще неясная, но направленная к видимой цели.

Как и астролябия, измайловская лодка показалась Петру предметом загадочным. Крестьяне рассказывали, что бот ходил когда-то против ветра. Новое чудо! Его немедленно спустили на воду в одном из соседних прудов. Но как заставить его идти? Тиммерман ничего не понимал в этом деле. К счастью, мастера, работавшие в Дединове, не все исчезли. И вот у Петра оказалось два новых учителя: Карштен-Бранд и Корт, плотники. Они посоветовали перевезти бот на

Царевич Петр (Франц Тиммерман объясняет молодому Петру употребление астрлябии, привезенной из-за границы).

Рис. К. В. Лебедева

Петр I в селе Измайлове (Франц Тиммерман объясняет юному Петру Алексеевичу устройство ботика, найденного в одном из амбаров села Измайлово). Гравюра Кезеберга и Эртеля с картины Г. Г. Мясоедова

Переяславское озеро, где было больше простора. Петр последовал их совету и с жаром принялся учиться у них.

Но много времени уходило у него и на пустыки. Приобретая кое-какие полезные сведения, он вырабатывал в себе привычки, однако, нередко очень печальные. Но все же он запасался здоровьем и силой, вырабатывал себе стальные мускулы и стойкий темперамент. Его ум был удивительно гибок и предприимчив.

Он приобретал и друзей, выбранных наудачу среди многочисленной прислуги, например, конюших, скакавших вместе с ним на неседланых лошадях. Он играл с ними в солдаты и, конечно, командовал ими. Таким образом создалось потешное войско, и другое огромное дело родилось из этой забавы — русская армия.

Псевдоморская забава на Переяславском озере и псевдovoенная на полях Преображенского привели к двум великим результатам: завоеванию Балтийского моря и Полтавской победе.

Но для того чтобы осуществить их, для того чтобы заполнить эти два расстояния от исходных точек до их завершения, нужно было многое. Не только нужен был переход от детского возраста к зрелому, как бы исключительно одарен ни был человек; не только необходимо развитие, в границах возможного, человеческого гения; понадобилась помощь огромных сил, присоединившихся к его усилию, подготовленных заранее, но неподвижных в ожидании благоприятной минуты и появления человека, способного применить их. Но пробил желанный час и явился желанный человек, который сумел воспользоваться ими, направить их и возбудить. Человек сам был продуктом этих скрытых сил, поэтому встреча их и была плодотворна. Он вышел из них и вырос вместе с ними и благодаря им.

Не только армия и флот, целое новое общество создавалось в этих бурных забавах пылкого юноши. Вся старая аристократия, вся обветшавшая иерархия Москвы скоро рушились под ногами его дерзких товарищей, выскочивших из кухонь и конюшен и превращенных им в князей и графов, министров и маршалов. Но и в этом он только следовал порвавшейся нити национальных традиций: он не выдумал этого сам, он только подражал своим предкам домонгольской эпохи; он делается, подобно русским князьям, начальником дружины, работает наравне с ними, пьет с ними по окончании работы и не хочет переходить в магометанство, потому что «Руси есть веселие пити».

Петр навсегда остался хорошим товарищем и веселым собутыльником; он навсегда сохранил на себе отпечаток, вынесенный им из общения с людьми низших классов; он передал этот отпечаток и своему делу и русской жизни, измененной им на свой лад.

Народный быт эпохи, предшествовавшей Петру, находил себе ревностных поклонников. Но в таком случае похвала должна будет простирается и на интимную жизнь Петра, а это рискованно. Дурные привычки, грубые манеры, пороки и циничный кабацкий дух, — все,

что в нем было отталкивающего, Петр впитал в себя с улицы, из ежедневной жизни своей дореформенной родины. Но, к сожалению, он сохранил свою привязанность к этим привычкам и хотел видеть то же и у своего народа.

V

Царица Наталья, по-видимому, поздно спохватилась о том, какой вред могло принести сыну подобное общество. У нее было свое, которое поглощало ее всецело и вряд ли было лучше подобрано. Происхождение потешных полков вероятнее всего относится к 1682 году, а это является вполне достаточным аргументом против того серьезного характера, который пытаются им придать. Петру было тогда всего 10 лет.

Но через 5 лет игры молодого царя начали принимать такие размеры, которые привлекали на них всеобщее внимание.

На берегу Яузы, в Преображенском, была построена крепость, в которой стреляли из пушек. В следующем году был открыт английский бот, и, разрываясь между водой и огнем, Петр ускользал от всякого надзора матери. Говорят, он не раз подвергал свою жизнь опасности, так как всевозможные несчастливые случайности были не редкостью. Чтобы положить этому конец, Наталья прибегла к средству, которое она считала самым действительным. «Женится — переменится», говорит русская пословица. И царица стала подыскивать сыну невесту. В противоположность своему будущему сопернику, суровому Карлу XII, Петр не чувствовал к прекрасному полу ни равнодушия, ни презрения. 27 января 1689 года он вел к алтарю Евдокию Лопухину, дочь одного знатного боярина. Но Петр не оправдал пословицы. Через три месяца молодые расстались: он вернулся к Переяславскому озеру, а она приучалась к вдовству, которое продолжалось всю ее жизнь.

Катанье по воде сделалось любимым делом молодого царя, его ревливой исключительной страстью. Темный пережиток, наследие древних варягов шевелилось в его душе. Он никогда не видел моря и целые дни мечтал о нем. Обратимся к истории: уже два века тому назад предпринимались войны, целью которых было завладеть морем — отнять его у Швеции или Турции.

Не расставаясь со своими «конюхами», Петр углублялся в стратегические соображения и строил планы, в которых играли роль сухопутные и морские силы. Эти силы выросли вместе с юношей, который тем временем стал великаном. Игрушка понемногу превращалась в оружие. В сентябре 1688 года Петр потребовал для своей военной забавы все барабаны и трубы лучшего стрелцкого полка. В ноябре, к великому неудовольствию князя Василия Голицына, он отнял у другого полка две трети его наличного состава и взял из складов Ко-

нюшенного приказа упряжь для своей потешной артиллерии. В Преображенском появляется настоящее рекрутское присутствие, куда приходят записываться уже не одни конюхи и повара. Среди рекрутов 1688 года записаны два представителя самых знатных московских фамилий: Бутурлин и Голицын.

Присутствие этих двух аристократов является впрочем абсурдом, одной из тех неожиданных ироний, которыми богата история. Бессознательный еще работник большого политического и общественного обновления, Петр, думая только о своем удовольствии, сделался орудием партии, преследовавшей совершенно иные цели. Его труд конфисковался в пользу диаметрально противоположных тенденций. Среди этих новых пришельцев, которые вскоре заставили молодого царя требовать возвращения отнятых у них прав, оказались впоследствии самые горячие противники реформ.

Средства, которыми пользовались Милославские и Софья для захвата власти (уничтожение местничества и призыв к народному восстанию), сблизили их интересы с интересами низших классов. Задевая в своих прерогативах, в своих вековых привычках, высшая аристократия, — по крайней мере наиболее ретроградная часть ее, — стремилась сгруппироваться сначала вокруг Матвеева и Натальи, потом вокруг Петра. И оружие, которым играл Петр, являлось в мыслях тех, кто помогал ему отточить его, оружием мести за погрязшие консервативных антиевропейских идей, против наиболее культурного человека, которого когда-либо видела Москва.

«Долой Василия Голицына!» было их военным кличем.

Преображенское стало служить местом сборища недовольных всякого рода, среди которых реакционеры, как самые знатные, занимали первое место. Обиженный сам тем временным правительством, конца которого они с нетерпением ожидали, Петр является их естественным предводителем и будущим отмстителем общих обид. Вот на что надеялись люди старого порядка.

Но Петр и не думал об этом; он продолжал играть на озере своими парусными лодками.

Между тихим Кремлем и шумным лагерем Преображенского зазвывается битва, но юношеский ум Петра еще не мог понять того, что будет результатом победы. Пройдет еще несколько лет, прежде чем он найдет свой настоящий путь; пока еще он же не ищет его сам и идет туда, куда ведут его эти случайные наставники. В назначенный ими день он возьмет приступом власть и предоставит им наслаждаться плодами победы.

Он входит в историю как бы пятясь задом, повернувшись спиной к своей судьбе и своей славе.

Переворот произошел в июле 1689 года.

Глава III ТРОИЦКИЙ МОНАСТЫРЬ

I. Правление регентства. Его заслуги. Причины слабости. — Неудачи и мечь. — В пространстве. — Отклонения. — Крымские походы. — Неудачи. — Возвращение Голицына. — Возмущение общественного мнения. — Партия Петра этим пользуется. — Кремль и Преображенский лагерь. — Софья противостоит грозе. — Конфликт. II. Ночь седьмого августа. — Покушение или военная хитрость. — Бегство Петра. — Троицкий монастырь. — Архимандрит Викентий. — Борис Голицын. — Организация борьбы. III. Переговоры и маневры. — На чьей стороне армия? — Храбрость Софьи. — Слабость Василия Голицына. — Измена. — Покорность регента. — Его приход в Троицу. — Изгнание. — Допрос и пытки. — Софья признает себя побежденной. — Монастырь. — Новый режим. — Друзья Петра у власти. — Реакция. — Будущее

I

В 1689 году Петр был еще несовершеннолетним, и регентство Софьи могло продолжаться на законном основании еще несколько лет. Петру шел восемнадцатый год, а политическая зрелость русских царей наступала не раньше, чем в остальных государствах, не раньше, чем во Франции при Карле V. Нетерпение и честолюбие союзников Петра ускорили события. Но Петр еще надолго остался безучастным. Правление Софьи, открывающее собой «царство женщин», продолжавшееся около века, не кажется мне заслуживающим той критики и тех похвал, которые о нем написаны. Ни Вольтер, сравнивающий ее с Лукрецией Борджиа, ни Карамзин, провозглашающий ее одной из величайших женщин мира, неправы.

Миллер в своей критике взглядов Вольтера, Болтин, один из старых русских историков, в своих «Заметках к истории Леклерка», Эмин, Аристов пробовали согласовать эти противоречивые крайности.

Я думаю, что ее правление носило византийский характер. В нем есть все: дворцовые интриги, борьба партий, бунт стрельцов, религиозные споры о том, как складывать пальцы, когда креститься, сколько раз повторять слово аллилуйя, не следовало ли бы святой Троице состоять из четырех лиц с отдельным престолом для Спасителя, и т. д. Но ко всему этому примешивались элементы, приподнимавшие уровень жизни. Экономические нововведения, начатые при Алексее, продолжались и при Софье; начиналось интеллектуальное развитие общества.

Голицын строил дома, а Софья писала пьесы для театра, которые ставились в Кремле. Говорят, будто она сама принимала в них участие. Политика регентства отличалась энергией и ловкостью. Оно

смело боролось с раскольниками и бунтовщиками, которые, как и стрельцы, шли во дворец, чтобы говорить с патриархом. Никита, глава раскольников, был казнен. Правительство Софьи энергично стояло за охрану порядка, и стрельцы, желавшие его нарушить, нашли в Софье, своей бывшей союзнице, неустрашимого врага. Она призывала народ против взбунтовавшихся войск и, почувствовав себя небезопасной в Кремле, искала защиты в Троицко-Сергиевом монастыре, куда прибыла с Голицыным в 1682 году.

Троицкий монастырь — это традиционное убежище царской семьи во время опасности, — сохранял в то время характер больших русских обителей: маленьких укрепленных городов с населением из монахов, послушников и прислужников, которых насчитывались тысячи. Тут были многочисленные церкви и мастерские различного рода. Там же нашел себе приют и Борис Годунов. До настоящего времени в Троице с гордостью показывают следы польских пуль, бессильных против стен святого города. В свое время Петр тоже придет туда просить помощи и покровительства. Призыв временного правительства был услышан, и армия стала на его сторону. Вовлеченный в ловушку в Воздвиженском, на полдороге из Москвы в Троицу, Хованский, враждебный теперь вождь стрельцов, сложил там свою голову. Сына его постигла та же участь, и восстание должно было положить оружие. Во внешней политике, по крайней мере на дипломатическом поприще, Голицын явился представителем традиционной политики территориального расширения, которая отодвинула на юг и на запад границы Московского царства.

Ловко пользуясь затруднительным положением, в которое продолжительная война с Турцией поставила поляков, несмотря на победы Собесского, он отнял у них Киев. В июне 1685 года новый митрополит, водворившийся в древней столице, согласился принять свой сан от московского патриарха: это был решительный шаг по дороге, которая должна была привести к возвращению малорусских земель и разделу республики. Эти успехи, к несчастью, встретили противодействие со стороны регентства. Подавляя сторонников беспорядка и анархии, Софья и Голицын восстали против зачинщиков. Между разочарованием, которое они вызвали с одной стороны и озлоблением с другой, их политика ничего не достигала. Недовольные бояре, казалось, подняли головы; на Лубянке, людной площади столицы, собралась толпа. Было поднято подметное письмо, в котором предлагалось народу бежать толпой в Казанский собор, где за иконой Божьей Матери было спрятано другое письмо, которое скажет, что надо делать. В бумаге нашли тетрадь с непристойными словами про Софью и воззвание к народу, требовавшее ее смерти. Это была провокация, автором которой был Шакловитый, новый советник, выбранный Софьей, представитель старой Москвы, — чисто византийский тип, жестокий и коварный интриган. Царевна притвори-

лась испуганной, и народ приветствовал ее радостными криками, предлагая избавить ее от врагов.

Но вот счастье изменяет ей. Обещав Польше, взамен Киева, содействие московских войск против турок, регент два раза ходил в Крым. Это тоже была традиционная дорога. Между Москвой и Константинополем крымские татары были барьером, преодолеть который Россия не могла целый век. Но Голицын не имел настоящих качеств воина; при каждой кампании он оставлял в степи армию, массу снарядов и остаток своей репутации. Когда он отправлялся во второй поход, он нашел перед дверью своего дворца гроб с угрожающей надписью: «Старайся быть счастливее». Когда он опять появился в Москве в июне 1689 года, его встретили ропотом, свистками и угрозами смерти, публично обвиняя в том, что он был подкуплен. Кто-то видел, как в его палатку ввозили бочки, наполненные французскими луидорами. Лагерь Преображенского увеличивался с каждым днем под наплывом новых рекрутов, и Софья видела, что ряды ее приверженцев пустеют. Она храбро шла навстречу грозе. Ее честолюбие, как и любовь, достигли в это время апогея. Она воспользовалась заключением мира с Польшей, чтобы объявить себя Самодержицей, наравне с братьями. Этот титул фигурировал во всех официальных документах, и в публичных церемониях Софья занимала место рядом со своими братьями, или вернее, рядом со старшим братом, так как Петр на этих церемониях не появлялся. Она заказала в Голландии свой портрет с шапкой Мономаха на голове. В то же время (если верить показаниям свидетелей), она хоть и заменила отсутствовавшего Голицына Шакловитым, однако все-таки горячо преследовала конечную цель своей первой мечты: замужество с регентом и занятие трона вместе с ним. Чтобы достигнуть этого, она разрабатывала очень сложный план, в котором сам папа был призван играть роль. Должны были женить Ивана и дать любовника его жене, чтобы у нее были дети. Петр был бы таким образом устранен. Потом посредством хотя бы только проектированного соединения православной церкви с Римом, папе предложили бы объявить незаконность детей Ивана, и тогда Софье и Голицыну оставалось бы только взять освободившееся таким образом место. Пока же царевна хотела брать храбростью.

В то время как Шакловитый, после возвращения регента занявший второстепенную роль сыщика и полицейского, преследовал редких сторонников Петра, осмелившихся снять маски, и истреблял их в отдаленном уголке леса в окрестностях Москвы, Софья завоевывала симпатии, назначив раздачу наград соратникам Голицына, которого она упорно называла «победителем».

Она писала ему:

«Свет мой, братец Васенька! Здравствуй, батюшка мой, на мно-
гия лета! И паки здравствуй, Божией и Пресвятой Богородицы ми-

лостью и твоим разумом и счастьем победив агарян! Подай тебе Господи и впредь врагов побеждать! А мне, свет мой, не верится, что ты к нам возвратишься; тогда поверю, как увижу в объятиях своих тебя, света моего. Что же, свет мой, пишешь, чтобы я помолилась: будто я верно грешна пред Богом и недостойна; однакож, хотя и грешная, дерзаю надеется на Его благоутробие. Ей! всегда прошу, чтобы света моего в радости видеть. Посем здравствуй, свет мой, на веки несчетные!»

По доброму совету окружающих, Петр на этот раз отказал в своей санкции. Софья обошлась без него: это был открытый конфликт. Осыпанные почестями и наградами начальники отправились в Преображенское благодарить царя; он отказался их принять: это уже был разрыв.

II

Наступила историческая ночь с 7 на 8 августа 1689 года, светлая летняя ночь, которую затемнили к несчастью противоречия истории и предания. Петр был внезапно разбужен перебежчиками из Кремля, которые предупредили его, что царевна собрала вооруженное войско, чтобы напасть и убить его в Преображенском. Существование этого покушения ничем не доказано, оно даже, пожалуй, невероятно. Из документов, собранных одним из наиболее осведомленных русских историков, Устряловым, кажется очевидным, что Софья не думала и не могла даже думать в это время о нападении на Преображенский лагерь. Она знала, что он хорошо охраняется, держится на военном положении, наготове ко всяким неожиданностям. Она боялась, или вернее делала вид, что боялась наступления Потешных полков, очень преданных, очень пылких, горящих желанием отличиться в смелой схватке. У нее была привычка делать вид, что она боится, чтобы возбудить в стрельцах и в населении Москвы желание защищать ее. Она так мало была подготовлена к действию, что до утра не знала о последствиях того, что брат был предупрежден. С давних пор Преображенское и Кремль был настороже один против другого, наблюдая один за другим, подозревая и обвиняя друг друга в воображаемых покушениях. За месяц перед тем, когда Софья приехала к Петру в лагерь по случаю водоосвящения в Яузе, ее сопровождали триста стрельцов; через несколько дней, когда Петр приехал в Кремль поздравить с праздником свою тетку, Анну Михайловну, Шакловитый поставил на Красном крыльце для наблюдения пятьдесят верных солдат.

В эту роковую ночь вооруженное войско было собрано в Кремле. С какой целью? — «Чтобы сопровождать царевну утром на богомолье», объясняла потом Софья. В рядах нескольких сот солдат, самых преданных царевне, нашлось человек 5, которые произносили угро-

Приезд Петра в Троице-Сергиеву обитель, 8 августа 1689 г.
Картина К. В. Лебедева

зы против Петра и его матери. Два другие, имена которых передались потомкам, Мельнов и Ладогин, воспользовались случаем, чтобы перебежать в Преображенский лагерь и поднять тревогу. Некоторые историки угадали в них подстрекателей, которые послушались приказа партии, побуждавшей Петра к действию. Это вполне возможно. Перейдем к неоспоримому результату.

Петр бежит. Не думая проверять опасность, которая ему угрожает, он соскакивает с постели, бежит прямо в конюшню, не одетый, вскакивает на лошадь и прячется в соседнем лесу. Несколько конюхов догоняют его, приносят ему одежду, за ними следуют несколько начальников и солдат. Как только он увидел себя окруженным достаточным эскортом, не дав знать матери, жене и другим своим друзьям, он поскакал по направлению к Троице. Он приехал туда в шесть часов утра с разбитым телом и истомленной душой. Ему предлагали лечь, но он не способен был отдыхать. Он залился слезами и, не переставая, спрашивал архимандрита Викентия, может ли он рассчитывать на его покровительство. Этот монах с давних пор был его преданным приверженцем, и даже в критические моменты, которые ему приходилось переживать из-за бережливости Софьи. Его ласковые и твердые слова успокоили молодого царя. Борис Голицын, двоюродный брат регента, Бутурлин и другие начальники Преображенского лагеря, присоединившись к беглецам в Троице, объявили, что ими были заранее приняты меры к борьбе, которая теперь началась; но Петр был неспособен взять на себя инициативу управления; он положился в этом на своих друзей и думал главным образом о своем Переяславском озере и о лодках, которые он спустит туда, спрашивая себя, когда будет в состоянии строить их вволю. Он оставлял своих врагов еще господами положения, созданного ими же.

Царицы Наталья и Евдокия, потешные и стрельцы Сухаревского полка, склонившиеся давно на сторону младшего царевича, прибывали один за другим в Троицкий монастырь. Очевидно все они заранее были подготовлены к этому. Как будто все исполнялось и комбинировалось по заранее обдуманному плану, и даже внезапное бегство царя кажется как бы предвиденным обстоятельством (а следовательно, может быть и подготовленным), сигналом, который должен показать открытие враждебных действий между обоими лагерями. О предмете борьбы никто не говорил; всякий знал, за что сражается.

III

Сначала велись переговоры между Петром и Софьей. Петр спрашивал о причине ночных вооружений Кремля, и царевна дала ему двусмысленный ответ. И с той и с другой стороны старались выиграть время. В этой борьбе не принимала участия ни армия местная,

ни иностранная, ни большая часть стрельцов и полков Гордона и Лефорта. Кто же привлечет их на свою сторону? 16-го августа Петр выступил первый: царская грамота призывала на следующий день отряды из всех этих войск, по десяти человек от полка. В ответ на это, эмиссары Софьи перехватили царских послов; в то же время другая грамота, подписанная правительницей, запрещала начальникам и солдатам покидать их слободы под страхом смерти. Сначала казалось, что мера подействовала: призываемые отряды не отвечали на призы; прошел слух, что грамота Петра была подложная. Но между тем, медленно, незаметно слободы пустели, и в то же время прилив солдат и офицеров всех родов оружия увеличивался в Троице. Даже у самых преданных царевне замечались признаки упадка духа. Василий Голицын первый подал пример. Думают, что он хотел пробраться в Польшу, чтобы вернуться с войском поляков, татар и казаков и предупредить таким образом события, но что Софья его отговорила от этого проекта, который разлучил бы ее с любовником. Тогда он покинул ее на произвол судьбы и сам удалился в свое имение Медведково в трех верстах от Москвы, не желая ни во что вмешиваться. Иностранным офицерам, которые приходили за приказаниями, он давал уклончивые ответы. Это было признаком неминуемого поражения. Но правительница не уступала еще поля сражения брату. Она знала, чего ей ждать от него. Уже восставшие раскольники кричали ей, наводняя Кремль: «Пора в монастырь!» Но это казалось ей хуже смерти, и она торопилась отправить в Троицу мирных послов, даже самого патриарха. Почтенный парламентар воспользовался случаем перейти на сторону царя и появился рядом с ним на торжественном приеме дезертировавших офицеров и солдат, число которых увеличивалось с каждым днем. Софья решилась на последний шаг и отправилась в Троицу сама. На полдороге, в селе Воздвиженском, где семь лет тому назад упала голова Хованского, ее остановил Бутурлин, запрещая идти дальше. У вооруженной армии, следовавшей за боярином, ружья были наготове. Софья отступила, но еще держалась, расточая ласки стрельцам, большую часть которых удерживало прошлое сообщничество, боязнь наказания и соблазн новых наград, и которые оставались верны ей. Они клялись умереть за нее, но, всегда легко возбуждаемые, не дисциплинированные, 6-го сентября появились перед Кремлем, требуя выдачи Шакловитого, доверенного, правую руку и заместителя любовника царевны. Они хотели сделать его козлом отпущения, искупительной жертвой, казнь которой утолит гнев царя и водворит общее согласие. После упорного сопротивления Софья уступила — и признала, что ей больше не на кого и не на что рассчитывать. Шакловитый в руках Петра оказался страшным оружием. Допрошенный под кнутом, он дал желательные показания, которые нужны были сторонникам Петра против Софьи и ее приверженцев. Отголосок его пока-

заний заставил самого Василия Голицына покинуть свое убежище и привел его в Троицу, покорного и раскаявшегося. Это конец. Петр отказался видеть его; но благодаря заступничеству Бориса он согласился не быть слишком строгим. Бывшего регента сослали в Каргополь, по дороге в Архангельск, потом в Яренск, дальше на восток, в глухую деревню, где, после конфискации имущества, он получал 1 рубль в день на жизнь с семьей, состоявшей из пяти человек. Там он протянул до 1715 года. Но полуснисхождение царя остановилось только на нем. Шакловитый же и его сообщники, настоящие и предполагаемые, были осуждены на смерть. Медведев, заключенный сначала в монастырь и испытывавший жесточайшие пытки, кончил тем же.

Софья, как она и предполагала, была отправлена в монастырь с некоторыми мерами предосторожности, которая увеличивали строгость наказания. Петр установил отношения со своим братом. Он написал ему следующее письмо:

«Братец, государь царь Иоанн Алексеевич, с невестушкою, а с своею супругою, и с рождением своим в милости Божией, здравствуйте! Известно тебе, государю, чиню, купно же и соизволения твоего прошу о сем: что милостию Божиею вручен нам, двум особам, скипетр правления прародительского нашего Российского царствия, якоже о сем свидетельствует матери нашей восточные церкви соборное действие 190 году: также и братием нашим окрестным государем о государствовании нашем известно; а о третьей особе, чтоб быть с нами в равенственном правлении, отнюдь не вспоминалось. А как сестра наша царевна Софья Алексеевна государством нашим учала владеть своею волею, и в том владении что явилось особам нашим противное, и на роду тягость и наше терпение о том тебе, государь, известно. А ныне злодеи наши Федька Шакловитый с товарищи, не удоволья милостию нашею, преступя обещание свое, умышляли с иными ворами о убийстве над нашим и матери нашей здоровьем, и в том по розыску и с пытки винулись. А теперь, государь братец, настает время нашим обоим особам Богом врученное нам царствие править самим, понеже пришли есьми в меру возраста своего, а третьему зазорному лицу, сестре нашей (ц. С. А.) с нашими двумя мужескими особами в титулах и в росправе дел быти не изволяем; на то б и твоя б, государя моего брата, воля склонилася, потому, что учала она в дела вступать и в титулах писаться собою без нашего изволения; к тому же еще и царским венцом, для конечной нашей обиды, хотела венчаться. Срамно, государь, при нашем совершенном возрасте, тому зазорному лицу государством владеть мимо нас? Тебе же, государю брату, объявляю и прошу: поволь, государь, мне отеческим своим изволением, для лучшие пользы нашей и для народного успокоения, не обсылаясь к тебе, государь, учинить по приказам правдивых судей, а неприличных переменить, чтоб тем государство наше успокоить и обрадовать вскоре. И как, государь братец, случимся вместе и тогда

Царевна Софья Алексеевна в Новодевичьем монастыре.
Картина И. Е. Репина

поставим все на мере, а я тебя, государя брата, яко отца, почитать готов. А о ином к тебе, государю, приказано словесно донести верному нашему боярину, князю Петру Ивановичу Прозоровскому. И против сего моего писания и словесного приказу учинить мне отповедь. — Писавый в печалех брат ваш царь Петр здравия вашего желаю и челом быю».

Ивану Проскурову поручено было предложить царевне поскорее выбрать себе монастырь. После недолгого колебания она подчинилась и назначила недавно построенный Новодевичий монастырь около Москвы.

Но это было лишь временное правление. От Ивана, молча принимающего совершившиеся факты и выступающего только в парадных церемониях, и Петра, который по окончании кризиса возвратился к своим развлечениям и затем стусевался, власть попадала к настоящим героям момента. Большую часть ее получил сначала Борис Голицын, коренной москвич, живая противоположность своему двоюродному брату Василию; потом, когда скомпрометировавшая его помощь виновному родственнику возбудила гнев Нарышкиных, власть перешла к самим Нарышкиным и другим родственникам царицы-матери. Но для будущего великого человека еще не пробил час. Серьезная борьба, в которую его временно вовлекли, еще не заставила его выйти из юношеского возраста. Но эта борьба все-таки имела большое влияние на его судьбу, на развитие его характера и наклонностей. Молодой царь оставляет своих прежних товарищей, находит себе других, которые быстро занимают в его сердце место старых и которые призваны если не создать вместе с ним историю великого царствования, то по крайней мере указать ему дорогу и направить его шаги.

ЦАРСТВО ЖЕНЩИН

ПРЕДИСЛОВИЕ

Порядок, в котором эти исследования являются на суд публики, не имеет в себе ничего произвольного, хотя так и кажется так на первый взгляд. Я откровенно признаю, что мною руководило предполагаемое в публике любопытство, которому автор не может навязывать ни своего таланта, ни предмета, занимающего его. В малознакомых странах прежде всего внимание путешественника привлекают на себя наиболее близкие, а также наиболее возвышенные точки. Задача этой книги — заняться промежуточным пространством. Но последуют ли за проводником?

Советую моим читателям припомнить русскую пословицу: *«Громада, т. е. толпа, — великий человек»*. Сам Петр I, — как я пытался доказать, — был только выражением коллективного целого массы собранных воедино энергий, развитие которых не сохранило после него той головокружительной быстроты, но характер и внутренняя сила которых выяснилась именно тогда. Поглощая эти элементы в своей могучей личности, он подавлял и маскировал их. Впоследствии же они вырвались наружу, и с какой силой! С точки зрения политического и общественного движения, эпоха, которой мы намерены заняться, соответствует одному из периодов застоя, даже как бы отступлений назад, по-видимому, представляющих постоянный закон в развитии русского народа. Однако жизнь трепещет и во время таких остановок, под хаотической, странной, иногда чудовищной внешностью.

Мне уже делали упрек в слишком большом пристрастии к живописной стороне исторических событий. На этот раз рискую навлечь на себя этот упрек еще в большей степени. Но я убежден, что в этом отношении между мною и моими критиками существует простое недоразумение и смешение следствия с причиной. Этот спор похож на упрек, который обитатель равнины мог бы сделать обитателю Бернского кантона: *«Вы показываете мне одни только горы!»* И притом история России в XVIII веке не швейцарский пейзаж. Скорее это пейзаж из эпохи Мироздания. Вы присутствуете при возникновении мира. Все здесь выдвигается вдруг, внезапно, все полно резких противоположностей. Редкая глава этой книги не послужит сюжетом для драмы или романа. И один недостаток последних — это то, что в них внесли вымысел — совершенно излишний! Неприкрашенная

действительность этой эпохи оставляет позади себя воображение всех Дюма.

Царство женщин должно было наложить романтический отпечаток на эпоху, продолжавшуюся почти три четверти века, что тем более за все это время никакой закон о престолонаследии не вмешался для ее установления или поддержания. Страна самовольно установила у себя это царство женщин. И точно так же она поступала с ними.

Освободившись от деспотизма создателя народного величия, дух анархии и искания приключений, лежащий в основании всякого образующегося общества, предъявил свои права под различными формами. Царство женщин был одной из них, а правление фаворитов — другой.

И то и другое замечательным образом способствовало возникновению тех преданий и анекдотов, в пристрастии к которым меня обвиняли. Я люблю их, когда они забавны, но считаю своей обязанностью относиться к ним, как они того заслуживают, если они ложны. Но и тогда я считаю возможным истолковать их в правильном смысле. Каким образом? Я уже говорил об этом в другом месте. Сопоставляя имеющийся материал и согласуя его. Мне делали на это возражение, что в таком случае количество заменяет мне качество. Это возражение не убедило меня. Спросите двух людей, бегущих по улице, куда они бегут. Один ответит вам, что пожарные проехали к театру; другой — что загорелась городская дума. Вы ошибетесь немногим, заключив, что они увидели где-то дым. Вряд ли я сочту безупречной женщину, которой приписывают двадцать любовников, но я не стану искать в этом еще каких-либо указаний. А подобных фактов масса даже в истории.

По мнению других критиков, я вообще слишком осторожен в своих заключениях. Действительно, я не считаю торговцем непреложными истинами. Нетрудно ухватить один звук, слушая один только колокол. Я же стараюсь ввести как можно больше колоколов в мой звон.

Среди документов, которыми я пользовался, есть немного совершенно неизданных, я постарался проверить прочие по источникам, и эта предосторожность не оказалась бесполезной для меня. Приношу благодарность моему молодому другу Зихель-Дюлону, оказавшему мне помощь в моих поисках в Дрезденском архиве, а также его светлости князю Гогенлоэ, германскому канцлеру, и г. Козер, директору Государственного берлинского архива, доставивших мне доступ и возможность пользоваться этими драгоценными хранилищами, где я нашел несколько указаний и документов, значение и интерес которых для этой книги, а еще больше для последующей — читатель, конечно, оценит.

Часть первая

ЖЕНА И ВНУК

Глава 1

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПЕРЕВОРОТЫ, ВОЗВЕДЕННЫЕ В ПРАВИЛО. ЕКАТЕРИНА I

I. Наследие Петра Великого. — Никаких указаний. — Ни завещания, ни династии, ни закона о престолонаследии. — Партии. — Екатерина, руководимая умными советниками, действует ловко. — День 28 января 1725 г. — Наскоро созванное избирательное собрание. — Вмешательство гвардии. — Избрание Екатерины. —

II. Периодические государственные перевороты. — Военная диктатура. — Политические и общественные последствия. — Свобода сословий. — Правление женищин. — Его исторические элементы. — Женщина в славянской старине. — Русские женские типы. — III. Нравственный облик новой государыни. — Окружающие и двор. — Приближенные. — Семья. — Голицинский дом. — Герцогиня Курляндская. — Наперсники и любовники. — Искатели приключений — немцы и польские перебежчики. — Левенвольд. — Сапега. — Интимные нравы. — Непрерывные оргии. — Видимое отсутствие правительства. — Ключ к загадке

I

Легендарный проект революционного декрета в двух статьях: «Ст. 1. Не следует делать ничего. Ст. 2. Исполнение сего декрета не возлагается ни на кого» — нашел себе буквальное применение в России после смерти ее великого руководителя. Не стало государя в стране, где вся власть сосредоточивалась в его руках, и не было никого, кто бы мог заменить его. Не было ни наследника, ни закона о престолонаследии. Закон воплощался в нескольких словах, написанных самим Петром уже костенеющей рукой в минуты агонии: «Отдайте все...» Он не мог кончить, и от его воли, бывшей всем, не осталось ничего.

В древней Москве этот вопрос решался на основании обычая. Последний был склонен следовать естественному закону наследования в нисходящей линии, и в конце XVI века этот принцип, по-видимому, упрочился. Но в 1598 г., после смерти последнего сына Ивана Грозного, он не мог примениться: дом Рюриковичей прекратился. Первый из Романовых (1613) занял престол по избранию. Он был избран всей страной — или, как тогда говорили, «всем народом» — в собрании местных бояр. Принцип, по-видимому, снова вошел в си-

лу, когда Алексей наследовал своему отцу, Михаилу Федоровичу, а Федор Алексеевич, в свою очередь — отцу Алексею Михайловичу. Но после смерти Федора снова оказался перерыв и наступил произвол. Был избран Петр I, но он разделил трон со старшим братом Иваном, и в продолжение некоторого времени существенную часть наследия у них отнимала сестра, Софья. В 1722 г. Петру, в свою очередь, вздумалось внести в этот закон, столько раз нарушаемый, новый принцип: право государя назначать себе преемника. Говорят, что он сам воспользовался этим правом, назначив в завещании, оставленном им при отправлении в Персидскую кампанию, себе преемницей Екатерину. Но тут случилось дело Монса¹, и завещание было уничтожено. Следовательно — опять ничего.

Здесь, для объяснения, каким образом был найден выход из этого тупика, мы должны были бы обратиться к теории эволюционистов о создании органов исполняемыми ими функциями. Судя по донесению посла Рабутина², в то время в Петербурге существовало три главных партии. Кроме дочерей, рожденных Екатериной (Анны и Елизаветы), у Петра были двоюродные сестры — дочери его старшего брата Ивана (герцогиня Мекленбургская, герцогиня Курляндская и Прасковья Ивановна), права которых могли казаться большими, и внук — сын несчастного Алексея, рожденного первой женой императора, Евдокией. Ребенку было всего девять лет, и он не был в состоянии управлять государством. Но тем не менее завязалась борьба между партией этих наследников и мачехой — второй женой Петра. Знать, вообще, стояла на стороне малолетнего Петра Алексеевича, видя в нем возможность отомстить реформатору и вооружиться против его реформ. К несчастью, Петр разрядил ряды этой именной знати вокруг трона. Осталось только несколько Голицыных и Долгоруких, да два старых военных — князь Репнин и Борис Шереметев. Самый отважный из Голицыных — Михаил — был в это время с войском в Украине. Прочий персонал, управлявший делами, состоял из выскочек, креатур преобразователя, которых исчезновение его грозило повергнуть обратно в ту неизвестность, откуда он извлек их. Единственным спасением для них было продлить царствование в прежнем духе. Естественно, что их взгляды обратились на подругу царя, с которой — они это чувствовали — их связывали общие интересы и стремления. Она была их поля ягода — такая же выскочка и креатура, как они. Особенно Меншиков имел причины считать ее своей союзницей. Но также и Девьер, и Ягужинский имели повод отдать ей

¹ См. *Валишевский*. Петр Великий. Депеша датского посла Вестфаля, Москва, 24 апреля (5 мая) 1729 г. в Сборнике Императорского Русского Исторического Общества, LXVI. То же свидетельство о завещании в записках Кампредона. (1724). Архив французского Министерства иностранных дел — Россия. Т. XIX.

² *Büschings Magazin*. XI.

преимущество. За неимением завещания, они приводили слова Петра — которым можно было придать двоякое толкование — будто бы сказанные им накануне коронации его жены, во время пирушки у одного голландца¹.

Иных доводов у них не было.

Третья партия мечтала об ограничении самодержавия во вкусе шведской конституции и готова была высказаться за того из кандидатов, который охотнее всего согласился бы на подобную реформу. Но Петр поставил всех в тупик своею смертью: умерши так же, как жил и действовал — с молниеносной быстротой. Ни у одной партии не было ничего подготовлено. Ни следа какой-либо организации. У одной только Екатерины было действительное оружие в руках. За нее, кроме того, стояли все иностранцы, опасавшиеся возвращения к прежним московским традициям, которым, казалось, угрожал им сын Алексей. То же самое было во всех *коллегиях*, где большинство членов были также иностранцами. За Екатерину же стоял Синод — плод реформы Петра, — а из сотрудников Петра — наиболее энергичные и влиятельные. Даже некоторые представители знати: Толстой, как палач Алексея, контр-адмирал Апраксин, как друг Толстого и Меншикова². На ее же стороне стоял герцог Голштинский, жених одной из ее дочерей, а благодаря ему и провинции, завоеванный у Швеции — Ливония, Эстония, Карелия, питавшие смутную надежду, что она возвратит их матери. Наконец, в ее руках находилась государственная казна.

Найдя хороших советников, Екатерина сумела благоразумно воспользоваться их указаниями. В сутки, предшествовавшие катастрофе, она часто уходила от постели умирающего и, запершись у себя, вела искусный торг. В это время у нее перебивали гвардейские майоры и капитаны — и уходили, унося с собой обещания и задатки: немедленную уплату жалования, не выдававшегося полтора года; выдача каждому солдату по тридцати рублей награды.

Одним из подполковников был Меншиков. Другой — Иван Бутурлин, принадлежавший по всем своим семейным связям к противоположной партии; но он был в ссоре с князем Репниным, президентом Военной коллегии, и также посетил Екатерину.

Таким образом готовился день 28 января 1725 года. Петр умер в 5 часов. В 8 часов Сенат, Синод и так называемый *генералитет* — чиновники, принадлежавшие к первым четырем классам по табели о рангах, учрежденной Петром — собрались в Зимнем дворце. Кто их созвал? Никто. Вошло уже в обычай, что в критические моменты лица, составлявшие естественную опору трона, немедленно отправля-

¹ *Германн*. Geschichte des russ. Staats, со слов Бассевича. Также Büschings Magazin. XI.

² *Соловьев*. История России. Т. XVIII; *Германн*, IV. Соловьев основывается главным образом на переписке французского посла Кампредона.

лись в место пребывания правительства. Тотчас же начались ссоры о престолонаследии и самые бурные. Первым заговорил Дмитрий Голицын, предлагая преемником малолетнего Петра Алексеевича при регентстве императрицы и Сената. Собственным почином это импровизированное собрание превратилось в избирательное. Толстой горячо возражал. Регентство Софьи оставило плохие воспоминания. За Екатерину говорили ее способности, добродетели и желание самого Петра, чтобы корона перешла к ней. Во время речи Толстого одобрителный ропот, донесшийся из одного угла залы, обратил внимание на группу гвардейских офицеров, собравшихся там, собственно не имея никакого права присутствовать в столь высоком собрании. Репнин вскочил, резко крикнув на них. Вместо всякого ответа Бутурлин подошел к окну и сделал знак рукой. В ответ послышался барабанный бой. Внутренние дворы и все входы во дворец были заняты войсками. Здесь находились полностью оба гвардейских полка. — Кто осмелился... без моего приказа?.. — начал было Репнин. — У меня приказ императрицы, — невозмутимо ответил Бутурлин.

После этого дебаты продолжали только для формы. Для формы Апраксин запросил статс-секретаря Макарова, существует ли завещание. Когда последовал ответ, что «ничего нет», адмирал предложил отправиться «заявить верноподданнические чувства царствующей императрице». И все пошли. Екатерина вступила на престол.

По какому праву? Опубликованный в то же утро манифест также ссылался на коронацию 1724 года, как на факт, указавший новую государыню. Но все понимали, что она была обязана властью выбору некоторых из своих подданных, опиравшемся на военную демонстрацию, которая и положила конец всем спорам. По-видимому, Репин, Дмитрий Голицын и Долгорукий, желая, чтобы начатое так дело получило санкцию коллективного выбора, в котором приняли бы участие все сословия. Но гвардейские офицеры и слышать об этом не хотели. Они заявили, что изрубят в куски всякого, кто осмелится не признавать *их императрицы*¹. Несколько отдельных личностей протестовали. Два раскольника отказались принести присягу: «Раз баба стала царем, пусть бабы ей и крест целуют». Но после двух допросов в застенке² их упрямство рукой сняло. Масса оказалась вполне покорной.

II

Таким образом создан новый способ передачи верховной власти. Он сохранился с небольшими вариантами до восшествия на престол Павла I в 1796 г. Екатерина I, правда, оставила завещание, в

¹ Брикнер. «Вестник Европы», 1894. На основании донесений венского резидента Гогенгольца.

² Костомаров. «Монография» и «Исторические изыскания».

Императрица Екатерина I.
Литография XIX века

котором назначала Петра Алексеевича своим преемником; но, снова нарушая закон 1722 года, она пожелала установить вечный порядок престолонаследия, возвращаясь к старому принципу престолонаследия по нисходящей линии. Когда Петр Алексеевич умер после четырех лет царствования, никто и не вспомнил об исполнении этого завещания. — Анна I, Иоанн VI, Елизавета и Екатерина II были обязаны своим воцарением последовательно государственным переворотам, подобным описанному мною, причем гвардия постоянно играла в этих переворотах роль древнего хора. Лица, произведшие переворот 1762 г., не руководились даже тенью какого-либо принципа, и Орловы с женой Петра III пошли кратчайшим путем — тем, которым всегда идут военные, чувствуя за собой силу¹.

Эта военная диктатура была сначала только орудием в руках некоторых начальников. Впоследствии, в корпорации, из которой она произошла, проснулись идеи независимости, на которых отразилось ее возникновение. В гвардии даже простыми солдатами служил цвет дворянства. И это повело к важным последствиям в политическом и общественном отношениях. Роль, выпавшая в долю одной из ее фракций, дала всему дворянству сознание, что оно правящей класс в стране. Хотя попыткам олигархии и затем конституционных реформ, самонадеянно предпринятых ею, было суждено окончиться быстрой неудачей, однако, гоняясь за этим призраком, она имела удачу не остаться с пустыми руками. Характеристичной чертой всей эпохи со смерти Петра Великого и до восшествия Александра I является постепенное освобождение сословий от всевозможных тормозов, которыми их опутывала организация древней Москвы, да и Россия позднейшего времени. Первым освободилось дворянство. Петр Великий подчинил его значение, как владельца главного государственного капитала — земли — его значению как слуги государства. Мир при его преемниках отодвинул на второй план это значение, но вместе с тем важность, приобретенная правящим классом, побуждала само правительство поддерживать экономические интересы этого класса. Не теряя ничего из своих прав и даже приобретая новые, дворянство мало-помалу освободилось от военной службы, самой тяжелой из всех повинностей. Это пало сначала тяжестью на прочие сословия, затем, по естественной игре общественного сцепления, и эти сословия воспользовались выгодами, приобретенными таким освобождением. Мы проследим успех этой эволюции.

С помощью государственных переворотов царство женщин продержалось целых 70 лет. Явление это не представляет ничего выходящего из ряда вон для славянской земли. В России, также как в Чехии и даже Польше, женщина в древности часто проявляла черты ама-

¹ *Дитятин*. Этюды к русскому государственному праву.

зонки. Козьма Пражский говорит об основании женского города Девина на скале близ столицы. Легендарная служанка знаменитой Любуши, Власта, мечтала подчинить все правительство Чехии женщинам, с помощью крайне жестоких мер. Предполагалось выкалывать всем младенцам мужского пола правый глаз и отрубать большие пальцы на обеих руках. Но применение этих мер встретило сопротивление, и Власта погибла в борьбе. В русских былинах один из богатырей Киевского цикла, Добрыня, попадает в плен к поленице, которая, схватив его за русые кудри, приподнимает с земли. Иногда победенные мстят за поражение — любовью. Но измены в этом отношении не допускаются! Тогда к изменнику обращаются с такою речью: «У меня два меча, два кинжала; насыду на твои рученьки-ноженьки, наварю пива из твоей крови, намокаю свечей из твоего сала». И обманутая героиня держит слово. Она приглашает на пир родителей изменника и предлагает загадку: «Сижу на любимом, пью его и свечу им себе». Сам непобедимый Илья Муромец находит себе достойную соперницу в Палке, дочери Соловья-разбойника. С женою Дуная не может сравняться ни один киевский стрелок.

Такое превосходство зависит не от одной только физической силы или ловкости. Древние славяне склонны были видеть в женщине колдунью, имеющую сношения со сверхъестественным миром и обладающую могучими чарами. Даже вселяемая женщиной любовь приписывалась колдовству. В действительности же первыми могущественными князьями, законодателями, судьями, организаторами славянских земель были женщины: Любуша в Чехии, Ольга — в России, как впоследствии великим человеком своего века стала жена Петра III — Екатерина Великая¹.

Народная традиция сломилась только под влиянием Византии и татарского ига. И, наконец, патриархальная организация нанесла ей решительный удар, создав новый порядок вещей, сущность которого прекрасно передается народной поговоркой: «Кому воду носить? — Бабе. — Кому битую быть? — Бабе. — А за что? — За то, что баба». У алтайских племен презрение к женщине составляло основание общественного строя, и на родине Ольги, несмотря на все предшествовавшее, патриархальный строй нашел такую благоприятную почву для своего развития, что русское общество XVI и XVII вв. кажется близким к Японии, Китаю или Риму времен патрициев. Личность нигде не играет никакой роли.

Однако традиция сохраняла свои глубокие корни. В Новгороде, несмотря на византийское влияние, женщины еще появлялись на народных собраниях. Марфа Борецкая в Новгороде, великая княгиня Евдокия и Софья в Москве, Евдокия и Анастасия в Твери, Анна в

¹ Так называл Екатерину II Вольтер.

Византии, Елена в Суздали, принимали участие в общественной жизни, давали аудиенции послам, появлялись в торжественных обедах. Кое-какие остатки всего этого сохранились и до позднейшего времени, несмотря на явный шаг назад. Убегая от домашнего гнета, женщины XVII века организовывали вооруженные шайки. Древние поленицы имели до последнего времени преемниц, вошедших в историю. Во главе одной из шаек, следовавших за Стенькой Разиным (1671 г.), Григорий Долгорукий встретил женщину, которую любезно распорядился сжечь.

Но даже в тереме допетровских преобразований женщина не приняла вполне восточного характера. Ее, правда, держали взаперти, ценили ее красоту на вес — причем только пять пудов считалось допустимым минимумом. Любили ли ее? Только физически и грубо, на что указывают и поэтические произведения того времени, где грубая чувственность занимает место отсутствующего чувства. Тургенев сказал: «Наша так называемая эпическая литература одна между всеми другими, европейскими и азиатскими, одна, заметьте, не представляет никакой типической пары любящих существ»¹. Вспомним предание о князе Петре и жене его Февронии. Изгнанные из Москвы, они едут вниз по реке в лодке. Одному из спутников царя приходит мысль поухаживать за княгиней. Она велит ему зачерпнуть воды сначала справа от лодки, потом слева и выпить ее. «— Сладше ли вода с одной стороны, чем с другой? — Одинакова. — Ну вот, и женщина одинакова, где бы вы ее ни взяли».

Но при всей тирании и унижении, женщина отчасти царит в домашней жизни. Закон и обычай единогласно отводят ей здесь в некотором смысле привилегированное положение. Она управляет домом. Она может наравне с мужчиной и вполне самостоятельно владеть имением, крепостными и распоряжаться ими по своему усмотрению. Это обстоятельство заставляет выдвинуться тип *барыни-хозяйки*. И этот тип ясно обозначается, когда женское влияние торжествует и женщина призывается к почестям и тягостям высшего сана. Мы видим такой тип с начала героической эпохи и до рубежа XIX века. Анна и Елизавета, после Екатерины I, являются именно представительницами этого типа на престоле, проявляя такую же патриархальную простоту, как любая дворянка, управлявшая своей *вотчиной* во времена Алексея Михайловича. И такую же суровость. Очень ясное представление о такой личности может дать нам герцогиня Мекленбургская, Екатерина Ивановна, которая, присутствуя однажды на представлении одной трагикомедии, заметила, улыбаясь, своему соседу, иностранному дипломату (Бергхольцу), что актер, игравший

¹ Дым.

царя — один из ее «холопов» — перед выходом на сцену получил двести палочных ударов.

С сестрой Петра Великого, Наталией Алексеевной, появляется новый тип — тип артистки, писательницы, провозвестницы женщины-доктора будущего. И в быстром развитии последнего типа в наши дни нельзя не признать исторической преемственности. Но вообще, истории, как и традиции, были скорее неблагоприятны для развития части интеллектуальных способностей в этой сфере. Из пятисот портретов, собранных в словаре Бантыш-Каменского, начиная с Баяна, только двенадцать женских, да и те сомнительного достоинства. И не в такого рода качествах надо искать секрета необыкновенного счастья, выпавшего на долю *мариенбургской пленницы*.

III

«Допетровская Русь прошла к новой России через публичный дом», — сказал Герцен. Это преувеличение; однако, уже из того, что сообщено мною о происхождении и правах этой необычайной наследницы¹, призванной продолжать царствование Петра, уже ясно, что нельзя совершенно отрицать некоторой справедливости в словах ядовитого публициста. Было высказано сомнение в ценности некоторых приведенных мною свидетельств. Но вот одно, которое уже недоступно никаким сомнениям. Я заимствую его из официального сочинения, содержащего в себе избранные выдержки из переписки русских государей. Само собой разумеется, что выдержки не могли быть заведомо доброжелательными. 18 июня 1717 г. Петр пишет жене из Спа, где он лечился, и поручает отвезти письмо любовнице, которую отсылает от себя по совету докторов, запретивших ему до поры до времени «всякую домашнюю забаву»². Вот ответ Екатерины:

«Что же изволите писать, что вы метресишку свою отпустили сюда для своего воздержания, что при водах, невозможно с нею веселится и тому верю; однако ж больше мню, что вы оную изволили отпустить за ее болезнью, в которой она ныне пребывает, и для лечения изволила поехать в Гагу, и не желала бы я (о чем Боже сохрани!) чтоб и галан³ той метресишки таков здоров приехал, какова она приехала». Довольно ядовито сказано, но Екатерина не злопамятна, что показывают заключительные строки письма: «А что изволите в другом

¹ См. Петр Великий.

² «А понеже во время питья вод домашней забавы дохтуры употреблять запрещают, того ради я метрессу свою отпустил к вам, ибо не мог бы удержаться, ежели бы при мне была». Из Спа в 18 день июня 1717. (Письма русских государей. Изд. Комиссии печатания государственных грамот, состоящей при Московском архиве Министерства иностранных дел.)

³ Возлюбленный — galant.

своем писании поздравлять имянинами старика¹ и шишечкиными², и я чаю, что ежели бы мой старик был здесь, то б и другая шишечка на будущий год поспела»³.

Мы, очевидно, далеки от Людовика XIV и Марии-Терезии, даже от мадемуазель ла Вальер и наименее наставительных образов, завещанных любовными приключениями тех времен Западу. И я остаюсь при убеждении, что подошел насколько возможно ближе к истине в портрете этой невероятнейшей из императриц, который пытался нарисовать и к которому уже не думаю возвращаться. К сожалению, полагаю, что пробелы и неясные точки останутся в нем всегда. Герцен упоминает еще о лубочной картине, виденной им в гостинице и наводящей на размышления. Она представляет Петра, сидящего за столом, уставленным яствами и бутылками, и Меншикова, приводящего ему «на закуску» дебелую красавицу. Внизу подпись: «Верный подданный уступает любимому им царю самое что у него ни на есть драгоценное». Эта картина, если она существует, заключает в себе все, что есть достоверного в прошлом Екатерины *Первой* до ее возвышения на степень супруги и государыни.

В 1702 г. ее звали Марфой, и от дома пастора Глюка до лагеря завоевателя Ливонии она исполняла обязанности девушки, приученной к самым грубым домашним работам, а вместе с тем не отказывавшей в услугах более интимного свойства, в которых никогда не отказывали особы ее положения. К концу следующего года Петр привез ее в Москву, где у нее, вне брака, родились дочери Анна и Елизавета, и где ее перевел в православие поп Василий, впоследствии архимандрит Варлаам. Только тогда она приняла имя Екатерины. С Петром она была обвенчана в 1712 г. Здесь я буду говорить о том, что она представляла из себя, уже будучи самодержицей всероссийской.

По словам Кампредона, она не умела ни читать, ни писать, но после трех месяцев упражнения научилась прилично подписывать государственные бумаги⁴. К дипломатическим свидетельствам можно отнести с сомнением и не без причины. Но вот еще свидетельство, уже неопровержимое: это книга приходно-расходная комнатных денег императрицы Екатерины — за время от 1722 до 1725 г.⁵ Из нее перед нами встает целый нравственный облик. В этой записи можно с удовольствием прочесть о поощрении, оказываемом науке:

¹ Самого Петра.

² Сын Петра и Екатерины, тоже Петр, умерший по второму году.

³ Письма русских государей и других особ царской семьи. Изд. Комиссии печатания государственных грамот, состоящей при Московском архиве Министерства иностранных дел.

⁴ Документ от августа 1726 г. Архив французского Министерства иностранных дел. *Mémoires et documents* — Россия. Т. V.

⁵ «Русский Архив», 1847, т. I.

один преображенец, пожелавший ехать учиться в Амстердам, получил двадцать червонных, и столько же выдано составителю французской грамматики. Но и только. Большинство же императорских щедрот относятся к писарям, садовникам, подносящим какой-нибудь особенный салат или взращивающим редкие, ранние овощи, паяцам... Один из них, ходящий на голове, получил тридцать червонных, между тем как царевна Наталья Алексеевна в свои именины получила всего двадцать, в новом кошельке. В марте 1724 г. княжне Голицыной оказана почти такая же щедрость, как паяцу: двадцать три червонных, чтоб плакала о сестре¹. Кое-где несколько проявлений жалости и сострадания. Русская женщина XVIII века была сострадательна к несчастным и охотно помогала им. В «Всякой всячине» Екатерины II очень поучительна в этом отношении одна сцена: посещение тетки племянником, желающим получить наследство. Чтобы добраться до нее, ему приходится пробраться через целый ряд нищих, слепых, калек. Передние Екатерины I — когда они завелись у нее — представляли подобное же зрелище. Солдаты, матросы, ремесленники приходили туда ежедневно просить: кто помощи, кто царицу быть у него кумой. Она никогда не отказывала и давала по несколько червонных каждому из своих крестников. Она назначала приданое сиротам, выдавала пенсии ветеранам Шведской войны, раздавала подавания священникам, монахам, певчим, приходившим с рождественскими песнями. Находим два червонных, выданных мужику, который не мог заплатить подушной подати; но столько же получал другой, оказавшийся способным в восемьдесят лет взлезть на дерево.

Вы понимаете разницу! Одна только крупная трата — Екатерина располагала тогда еще очень небольшими средствами — на уплату в

¹ Декабря 5. Дано Ивану Семенову сыну Горецкому, который поднес ее величеству книгу, грамматику французскую в день тезоименитства ее величества... 20 червонных.

Марта 14. Изволила ее Императорское величество пожаловать княгине Наталье Петровне Голицыной 23 червонных, для того, чтобы она плакала по сестре, и она плакала того же числа.

21 декабря. Дано садовнику Матису за поднос огурцов ее величеству 2 червонных.

24 декабря. Изволила ее величество быть в своем огороде: Дано садовнику Ивану Яковлеву 5 червонных, да садовникам же 6-ти человекам, которые при нем в науке, по 1 червонному. Садовнику Якубу Трифонову, что у него жена родила двух сыновей, дано 2 червонных.

16 января. Изволила их величество быть в зимнем доме и смотреть суки Левины детей и дано псарю Исаю 7 червонных.

16-го же. Садовнику Улфу Уффельт 5 червонных, который из Дубков привез салат и редьку в дом ее величества.

20-го же. Дано в Царском селе садовнику Якубу Кашперту 10 червонных за принос овощей и т. д.

1724 г. за груз водки из Данцига. Еще красноречивое прибавление 25 сентября 1725 г. — уже после смерти Петра: изволила ее Императорское Величество пожаловать княгине Анастасии Петровне Голицыной (*княгине-игуменьи* оргий предшествовавшего царствования) десять червонных за то, что она выпила при столе ее величества два кубка пива английского. Октября 12-го величество императрица изволила пожаловать светлейшей Анастасии Петровне двадцать червонных, за которые выпила два бокала вина виноградного красного. Неделю спустя, 19 октября: в вечернее кушанье указала, вероятно, ее величество государыня императрица пожаловать светлейшей княгине Голицыной 15 червонных, за кои червонные выпила она большой кубок виноградного вина. В то же число положено в другой кубок 5 червонных, который она не выпила, и оные червонные отданы мундшенку Григорию Будакову; итого обошлось 20 червонных.

Где мы? Все это напоминает как бы притон разврата. Дипломаты и собиратели анекдотов тут не при чем. Но и у них множество указов в том же духе. Секретарь саксонского посольства, Френсдорф, описывает утренние визиты Меншикова своей бывшей служанке, которую он застаёт еще в постели. Разговор неизменно начинается вопросом: «Чего бы там выпить?» После того осушают несколько стаканчиков водки, и круговая идет до вечера; вино чередуется с *простой* и иностранными наливками¹. А Кампредон вводит в свои «Мемуары» 1726 г. следующий характерный рассказ: «Несколько дней тому назад после ужина разговор, обыкновенно не серьезный, перешел на маленькую княжну Наталью, умершую через несколько дней после царя. Царица заплакала. Ее горе вызвало тяжелое молчание всего общества. Тотчас после ужина, прежде чем еще удалились не приглашенные, предоставив полную свободу небольшому числу гостей, остающихся на ночную вечеринку, продолжающуюся обыкновенно в последние шесть месяцев до девяти часов утра, граф Сапега, порядочный ветреник, всегда гонявшийся за весельем, взял стакан и крикнул громко: «Кто скажет «масса»². Царица ответила «Топ!» и, отерев слезы, осушила стакан вина».

О том, каковы были эти «вечеринки» и каковы были участвовавшие в них, «Мемуары» вдаются в большие подробности. «Меншиков только для совета. Ягужинский на все руки, и всякому приходит черед... Барон Левенвольд, кажется, пользуется наибольшим влиянием... Девьер принадлежит к явным фаворитам... У графа Сапеги тоже свое место. Это красивый малый, хорошо сложенный, в полной силе молодости. Ему часто посылают букеты и драгоценные вещи...

¹ Hermann.

² При игре в кости начинали партию, говоря, например: «Масса десять пистолей».

Есть еще фавориты второго класса, но их знает только фрейлейн Иоганна, старая горничная царицы, ведающая ее развлечениями».

Записки таким образом только резюмируют переписку, относящуюся к периоду от 1725 до 1727 года и изобилующую подобными чертами:

«14 октября 1725 г. — Царица (Екатерина I) продолжает с некоторым излишеством предаваться удовольствиям, до такой степени, что это отзывается на ее здоровье.

22 декабря. — Царице было довольно плохо после кутежа в день св. Андрея... Кровопускание принесло ей облегчение; но так как она чрезвычайно полна и ведет жизнь очень неправильную, то думают, что какой-нибудь непредвиденный случай сократит ее дни»¹.

Датский посол Вестфаль, со своей стороны, высчитал количество венгерского вина и данцигской водки, потребленных за два года царствования, и получил сумму около миллиона рублей² — недурная цифра для государства, общие доходы которого составляли всего около десяти миллионов.

Это свидетели пристрастные? Может быть. А расходная книга? Я согласен руководствоваться исключительно ею. Хотя и Кампредона никак нельзя назвать неприязненным соглядатаем. Он в это время мечтал о франко-русском соглашении и примешивал к своим рапортам самые лестные отзывы о «талантах» и «уме русской государыни», прибавляя в то же время, как она собственноручно пыталась одну из своих женщин, виновную в том, «что та разболтала, как заставила вылезти из-под ее (императрицей) постели камергера, притворившегося пьяным и намеревавшегося дожидаться там часа, удобного для любовников». Кампредон отдавал справедливость мужеству и самообладанию храброй подружки, которой Петр приписывал свое спасение в роковой день при Пруте. Он рисовал ее производящей смотр своим гвардейцам и даже не вздрогнувшей при залпе, — по случайности или нарочно, — убившем человека в четырех шагах от нее. «Пуля была не для того бедняка», — просто сказала она, подзвав начальника маневров и вырывая у него шпагу³. Но на французского посла, также как на всех его товарищей, общий строй жизни при новом царствовании производил впечатление вечного праздника, превращаемого, благодаря склонностям императрицы и традициям предыдущего царствования, в оргию.

Приближенных императрицы, старых и новых, уже было бы достаточно, чтобы придать ее царствованию именно такой характер. Началось с камер-фрау. Их было три немки, во главе с Анной Кра-

¹ Архив французского Министерства иностранных дел.

² Корсаков. Воспарение Анны I.

³ 12 февраля 1726. Архив французского Министерства иностранных дел.

мер, плененной, как ее госпожа, при взятии Нарвы и посланной с семьей в Казань. Местный губернатор, «оценив ее», по выражению князя Долгорукова в его «Записках»¹, последовал примеру Меншикова, уступив ее Петру, который сначала поместил ее при девице Гамильтон (одной из своих любовниц), затем при самой Екатерине, сделав ее фрейлиной; потом она стала его домоправительницей и, наконец, перешла гофмейстериной ко двору великой княжны Наталии Алексеевны. Юстина Грюнвальд и Иоганна Петрова, немецкого имени которой, скрытого под этой русской фамилией, мне не удалось узнать, довершали в 1725 году трио. Два года спустя Крамер в обществе четвертой немки, Каро, как говорили, бежавшей из гамбургского публичного дома — вот почти буквальное подтверждение слов Герцена — попала в тюрьму за кражу бриллиантов. По смерти великой княжны Наталии один из ее перстней очутился на пальце секретаря — немца молодого князя Долгорукова, фаворита Петра II².

Из русских только две были близки к императрице: девица Толстая и вышеупомянутая княгиня Голицына, подвиги которой мы видели.

Нечего сказать, хорошая компания! Но и сама семья стоила своих слуг. 21 мая 1725 г. была свадьба старшей дочери императрицы, Анны Петровны, с герцогом Голштинским, Карлом-Фридрихом. Три дня спустя саксонский резидент доносил своему двору:

«Меня уверяют, что после свадьбы герцог Голштинский три раза не ночевал дома — или по нежеланию жены, или из-за московской гризетки, которая здесь. Мать в отчаянии, что пожертвовала дочерью». Впрочем, сама принесенная в жертву дочь вовсе не приходила в отчаяние. На следующий год тот же дипломат писал, что она вознаграждает себя, ночуя «то у одного, то у другого», в обществе своей двоюродной сестры, будущей императрицы Анны I³.

Введение этой голштинской ветви в дом Романовых и в русскую историю было последнею мыслью Петра Великого. Единственный сын старшей сестры Карла XII, Гедвиги-Софии и Фридриха IV, герцога Голштинского, мужа Анны Петровны, по-видимому, ждал со временем наследие дяди. Победенный при Полтаве Карл увлек и несчастного принца в своем падении. Собственные владения его сделались добычей Дании, так что, не зная куда податься, герцог, наконец, решился искать приюта в России, где его ждало неожиданное счастье. Болезненный, некрасивый, не умный, он не имел ничего, чем мог бы понравиться. Однако он настолько понравился Екатерине, что она пожелала иметь его зятем, и Петр одобрил ее выбор. Как

¹ 1867—71 г.

² Сборник. V. См. *Есупов*. Горничная Екатерины I. «Исторический Вестник».

³ Hermann.

претендент на шведскую корону и законный владетель земли, захваченной Данией, молодой человек соглашался на различные комбинации высшей политики. Екатерина, не занимавшаяся политикой, унесла с собой тайну своего предпочтения; но можно догадываться о его причинах. Симпатии между пороками — одна из самых неизменных законов природы. Анна Петровна не сразу согласилась. Она, по-видимому, заслуживала лучшей партии. Даже Шантро, которого нельзя заподозрить в лести, говорит, что она была «красавицей», а передаваемый им анекдот о графе Апраксине, навязчивое ухаживание которого она отвергла, показывает, что княжна была не глупа. Когда этот слишком предприимчивый ловелас подал ей шпагу, прося смерти от ее руки, если она отвергает его, она сделала вид, что хочет действительно пустить в ход оружие, и обратила нахала в бегство¹. После замужества, только несколько отсроченного смертью Петра, она, как мы видели, не отказывала себе в развлечениях, между тем как восшествие на престол Екатерины выдвинуло герцога в первый ряд и сделало из него ближайшего советника и доверенного тещи. Через несколько месяцев он вместе со своим министром Бассевичем был как бы чем-то вроде регента.

Подругой ночных развлечений его жены была Анна Курляндская, дочь старшего брата Петра, Ивана, овдовевшая в 1710 г., т. е. на второй день своего брака. Петр устроил эту свадьбу между двумя поездками по Германии, действуя также не без задней мысли, оказавшейся гениальной идеей. Вассальная связь, соединявшая Курляндию с Польшей, ослабела с течением времени, и герцогство уже давно являлось лакомым кусочком для других, более сильных соседей. Герцог Курляндский не успел отвезти жену домой: он умер дорогой, упившись на своей свадьбе. Я рискую еще раз навлечь на себя обвинение, что рассказываю сказки! Петр, тем не менее, пожелал, чтобы Анна Ивановна жила в Митаве. Она там скучала и под различными предложениями часто являлась на берега Невы, где тоже находила себе утешения. Ее агентом в Петербурге был Рейнгольд Левенвольд.

Левенвольд принадлежал к семье, происходившей из Люнебурга, но поселившейся с тринадцатого века в Ливонии; он служил в шведской армии, а после Полтавы перешел на сторону победителя. Очень способный к интриге, он воспользовался герцогиней Курляндской, чтобы приблизиться ко двору, и служил ей, составив целую приверженную ей партию, центром которой была очень живая и влиятельная особа, княгиня Волконская, урожденная Бестужева. Анна Иоанновна, которую ее Курляндское герцогство кормило плохо, постоянно² и сильно нуждалась в деньгах, и ее друзья удовлетворяли ее

¹ *Chantreau. Voyage en Russie. 1794.*

² *Хмыров. Графиня Головкина и ее время.*

требованиям, обирая ее сестер, кричавших «караул». Получив за эти услуги право являться ко двору запросто, ловкий придворный сумел воспользоваться им для своей выгоды. Типичный представитель немцев, державшихся «тише воды, ниже травы», а при последующих царствованиях заявивших такие громкие притязания, Левенвольд старался всеми силами устроить свою карьеру. Красивого, но ничтожного при его прекрасных манерах, тратившего на игру и другие прихоти большие суммы денег, получаемые от женщин, искусного устроителя праздников и интимных пирушек, его принял с распростертыми объятиями кружок, среди которого Екатерина вознаграждала себя за лишения минувших дней. Он сделался ее возлюбленным наравне с Петром Сапегой. С последним, принадлежавшим к одной из знаменитейших польских семей, в России появляется новый вид авантюриста-перебежчика, которые при катастрофе, постигшей в недалеком будущем их родину, должны были заботиться о спасении своего достояния ценой, обыкновенно уплачиваемой за подобные компромиссы. Отец его, бывший кандидатом на высшую военную должность в республике, умер русским фельдмаршалом и секретным агентом на жаловании своих новых государей¹. Судьба, еще более выгодная, но еще менее славная, ожидала его сына. Рассказывали, что Екатерина была крепостной двум дворян; этим объясняется их прибытие в Петербург после возвышения их бывшей «хлопки».

Вот из кого состоял двор! Не извинительно ли, что дипломатический корпус, знавший только его и, видя, что он предавался своим естественным наклонностям, судил о правительстве по лицам, как бы составлявшим его? Лефорт, например, писал:

«14 июля 1725 г. Нет возможности определить поведение этого двора. День превращается в ночь, он не в состоянии позаботиться обо всем. Все стоит; ничего не делается... Никто не хочет взять на себя никакого дела... Дворец становится недоступным; всюду интриги, искательство, распад...

25 мая 1726. — Боюсь прослыть за вряля, если опишу придворную жизнь... Кто поверит, что ужасные попойки превращают здесь день в ночь... О делах позабыли; все стоит и погибает...

15 марта 1727. — Казна пуста; денег не поступает, никому не платят... Одним словом, не нахожу красок, чтобы описать этот хаос»².

Но так было только по видимости. Без сомнения, Екатерина была неспособна заботиться об обширном хозяйстве, выпавшем на ее долю и не походившем на те, в которых ей приходилось блистать в

¹ Архив французского Министерства иностранных дел — Россия. Переписка Маньяна, а позднее Берниса с Лопиталем. Письма от 20 декабря 1728 г. и от 1 октября 1758 г.

² Сборник. III.

ту пору, когда она стирала белье Меншикова, или позднее, когда готовила своему новому хозяину его любимые блюда. Она была в состоянии присутствовать на учении какого-нибудь полка и находить удовольствие в подобном зрелище. Она снова жила лагерной жизнью, привычной ей в течение стольких лет. А кроме того, там можно было видеть красивых молодцов и сделать выбор между ними. Но, между двумя чарками водки, заботы императрицы, также как и способности ее, не шли дальше этого. Очевидно, она вовсе и не помышляла о том, чтобы управлять. А правительство, между тем, существовало. Оно, правда, не знало, в какую сторону броситься среди хаоса, описываемого саксонским агентом, но все же не погибло в нем, без чего это царствование и последующие, немногим отличавшиеся от него, наверное были бы гибелью России. Царству женщин противостояло в России, как и в других странах, естественная противоположная партия, одновременно гибельная и спасительная: фаворитизм, историческое значение которого и физиономию я постараюсь обрисовать. Это явление не вполне разрешает загадку, сбивавшую с толку всех современных наблюдателей: поддержание и развитие огромной державы при условиях, по всей видимости, способных привести ее к гибели.

Россия имела другие причины для жизни и роста, и я также постараюсь выяснить их. Но участие во власти Меншикова и Потемкина было одним из необходимых факторов этой столь изумительной судьбы.

Глава II ФАВОРИТИЗМ. МЕНШИКОВ

I. — Историческое происхождение фаворитизма. — Борьба Меншикова с его соперниками. — Острое столкновение. — Учреждение Верховного Совета. — Характер и последствие реформы. — Периодический упадок самодержавия. — Екатерина не имеет никакого значения. — Самодержавие и фаворитизм в опасности. — Месть Меншикова. — II. Вопрос о престолонаследии. — Агитация в пользу Петра Алексеевича. — Проект замужества. — Вмешательство Дании и Австрии. — Граф Рабутин. — Девица Крамер. — Петр Алексеевич, жених Меншиковой. — Торжество фаворита. — Смерть Екатерины. — Ее завещание. — Восшествие на престол Петра II. — III. Общие итоги царствования. — Участие Екатерины. — Ничтожество и глечь. — Почему Россия не последовала за ней в этом падении. — Страна и ее естественные богатства. — Задатки силы и причины слабости. — Преобразование без преобразователя. — Бессилие страны продолжать. — Финансовые затруднения. — Экономия поневоле. — Спасают внешность. — Академия наук. — Внешний престиж. —

Дипломатия Петра Великого. — Положение Европы. — Союз с Францией. — Причины его неудачи. — Людовик XV и Елизавета. — Угрозы войны. — Союз с Австрией. — Присоединение Пруссии. — Первый тройственный союз. — Основание его и виды в будущем. — Итог. — Внутреннее и внешнее развитие задержались, но не прекратились. — Развитие продолжается

I

Естественное дополнение к окончательной форме женского правления — фаворитизм — имеет в России две стороны. Левенвольды и Сапеги представляют одну из них — наиболее неприглядную. С Меншиковым и Потемкиным, впоследствии, тип фаворита поднимается до степени политической общественной силы и делается одним из необходимых колес правительственной машины. Уже самодержавие клонилось к созданию подобного колеса. Я показал¹, как Петр — частью по личному капризу, а частью по необходимости — создал так сказать подобие себе, назначая то Ромодановского, то Меншикова, своими заместителями в некоторых основных обязанностях самодержавия. Не имея государственного учреждения, способного снять с него долю бремени разнообразных обязанностей, державших на нем, обособленное и сосредоточенное в самом себе самодержавие рушилось под тяжестью этих обязанностей, даже в том случае, если его представителем являлась личность исключительной мощи. Екатерина I и ее ближайшие преемники даже не помышляли о том, чтобы нести тяжесть, и она сама собой скатывалась на плечи стоявших вблизи. После смерти Петра, Меншикову оставалось делать только то, что он делал десятки раз прежде, когда царь отсутствовал или предавался развлечениям. И на другой день после смерти, так же, как накануне, административные органы — Сенат, коллегии, различные канцелярии — оказывались неспособными ни на какую инициативу. Меншиков заменял ее и продолжал управлять по-прежнему. Он сделался повелителем.

По какому праву? Как постоянный заместитель царского авторитета, хотя подобное исполнение неограниченной власти и не было обусловлено никаким законом. Такова неотъемлемая черта фаворитизма, где бы он ни проявлялся.

Применение на практике такого режима не обошлось без затруднений. При жизни Петра, когда фаворит исполнял обязанности государя, последний стоял позади его, давая свои согласия на временные распоряжения своего *второго я*. Екатерина желала подражать своему супругу; но у нее не было железной руки реформатора, и среди окружающих императрицу Меншиков нашел себе соперников. Герцог

¹ Петр Великий.

Голштинский с первых дней проявил намерение потягаться с ним и не подчиняться высокомерию, все усиливавшемуся в этом бывшем пирожнике. Бассевич старался еще раззадорить честолюбие и подозрительность своего герцога. У Меншикова не было ни гибкости, ни такта, чтобы устранить последствие этого. Однажды, когда он представил принцу своего восьмилетнего сына, мальчик вздумал встать во время приема, и все придворные последовали его примеру; а Меншиков и не подумал найти излишним подобное выражение почтения. Этот инцидент вызвал скандал. Появились и другие недовольные. Побежденные 28 января, но не примирившиеся, Голицыны и Долгорукие не расставались с мыслью о конституционной олигархии. Внутренняя жизнь страны частично зависела от хода этой борьбы.

В конце 1725 г. она повела к острому столкновению. Один из немцев — сотрудник Петра, отысканный им незадолго до смерти и предназначенный в будущем к великой роли, инженер Миних, был занят в это время скромной работой: постройкой Ладожского канала. За недостатком других рабочих, ему давали солдат, и в 1726 г. он потребовал их 15 000. Сенат намеревался удовлетворить его просьбу, когда Меншиков взял на себя доложить высокому собранию, что оно не может располагать ни одним человеком, каково бы ни было его постановление. Подобный способ решения вопросов был совершен в господствующем духе, но Петра уже не существовало, чтобы санкционировать его, и результат получился иной. Сенат выказал недовольство. Некоторые его члены выразили намерение не ездить более на заседания, и распространился слух, что возникшее недовольствие этим не ограничится. Кампредон ждал революции. Он видел в перспективе правительство, «приблизительно вроде английского», и слышал, что подобный проект уже составлен и тайно послан в украинскую армию, откуда и «начнется движение». Действительно, идея подобного конституционного преобразования носилась в воздухе, и голштинская и олигархическая партии старались осуществить его, каждая по-своему. Даже в Сенате остатки старой знати, ослабленной реформами, сходились с людьми, недавно возвысившимися, вроде Ягужинского, находя невыносимым деспотизм фаворита.

Меншиков испугался и довольно ловко пошел на компромисс, отразившийся, подобно большинству такого рода перемен, прежде всего на собрании, первоначально вызвавшем столкновение. 3 февраля 1726 года вышел указ об учреждении *Верховного Тайного Совета* из девяти членов, в руки которых должны были перейти важнейшие, как внутренние, так и внешние, государственные дела. Иностранцы не сразу поняли смысл подобного учреждения. Кампредон видел в нем дело самого Меншикова и Толстого, имевшее целью утвердить поколебавшийся авторитет Екатерины и собственную власть, но не без некоторых противоречий; а также он упорно продолжал видеть в новом учреждении переход к английскому или шведскому образу

правления¹. Это был только переходный компромисс². Старая знать получила с Апраксиным и Дмитрием Голицыным представительство в Совете, дававшее возможность удовлетворять ее стремления и неприязни, а герцог Голштинский заседал в Совете рядом с Толстым и Меншиковым. Власть разделили между собой, не позаботившись, однако, определенно разграничить ее. Это послужило, отчасти, причиной неуверенности общественного мнения того времени, находящему еще и теперь отголосок в ученых спорах. Но в сущности произошла только замена одних лиц и имен другими. Учреждением нового органа у Сената отнимались три функции — законодательная, исполнительная и судебная, которые до того времени принадлежали ему. Теперь ему остались одни крохи. Таким образом реформа получила характер простой замены. В организации, полученной им от Петра, Сенат уже представлял собой скорее Совет, чем Палату. В нем заседало всего одиннадцать членов, большинство которых имело еще другие должности, так что в действительности присутствовало всего трое или пятеро³. Он и теперь еще сохранял теоретически, некоторую инициативу в делах законодательства; но ему приходилось уже предлагать свои проекты на рассмотрение Совета, вместо того, как то делалось прежде, чтобы подавать их на утверждение императрицы. Точно также в области администрации и административной юстиции, где его полномочия оставались, в сущности, очень обширными, совет отнимал у него только главенство в этой обширной компетенции. Однако никаким текстом не было урегулировано распределение, так что в первые минуты возникло, даже среди прямо заинтересованных, сомнение в действительности уменьшения этого главенства — *diminutio capitis*. Последующий указ от 9 февраля еще увеличил неуверенность, приказав Сенату «прерываться в прежнем состоянии и достоинстве», и сохранить в официальной переписке за ним наименование «Правительствующего Сената». Переход совершался постепенно, мало-помалу: указом от 7 июля 1727 г. уменьшалась сфера деятельности сенаторов в делах уголовных: указ 27 июля 1727 г. отнял у них управление Малороссией. И так далее.

В обстоятельствах, предшествовавших возникновению и развитию нового органа, действительно крылся зародыш реформы, важной в другом отношении, и почти революции. При более близком взгляде, Совет и его деятельность являются следствием внутренней работы, происходившей в продолжение веков в автократическом режиме под двойным влиянием его теоретического всемогущества и

¹ Деша от 26 февраля 1726. Архив французского Министерства иностранных дел.

² Трачевский. История России; Ключевский. Лекции по русской истории.

³ Филиппов. История Сената.

действительной слабости — антагонизма между личной властью и принципом представительства, вызвавшего в нем самом постепенное разложение. Рассмотренное нами столкновение с его исходом может послужить только примером такого антагонизма, точно так же, как образование в прошлом различных специальных советов, во все времена заступавших место абсолютизма в эпохи его периодических ослаблений¹. И абсолютизму Екатерины I грозила окончательная гибель в этой многовековой борьбе. Протоколы заседаний нового Совета содержат в этом отношении весьма назидательные указания. 23 декабря 1725 г. члены Совета после заседания в отсутствие ее величества перешли в апартаменты императрицы, и... прежде послушали, как играют куранты недавно купленных часов, а затем государыня соблаговолила принять доклад, чтение которого продолжалось полчаса. После того она отправилась обедать, пригласив и советников к столу. Она отдала делам все внимание, на какое была способна. В следующем году, с 1-го января по 6 мая, день ее смерти, она ни разу не присутствовала в заседаниях Совета².

Таким образом применяемое, самодержавие превращалось в совершенную фикцию. И скоро Совет ограничил эту фикцию даже в том, что, дольше всего сохраняется из всех внешних проявлений власти, обреченных на погибель: ни в формуле присяги, приносимой советниками; ни в указах, исходивших из Совета, — нигде Екатерина не называется *самодержицей*. Потому что они, эти советники, имели — или присвоили себе — право законодательной деятельности *motu proprio*. Вопрос этот спорный и не решен окончательно и до сих пор; но указ от 4-го августа 1756 г., *измененный* Советом уже после подписания его императрицей, по-видимому, решает спор. Мера была принята в отсутствие Меншикова и направлялась против него, а именно против обычая устных распоряжений, имевших силу закона, давать которые фаворит присвоил себе привилегию. Тем более знаменателен поступок Совета. По букве, указы Совета всегда бывали *именные*, от имени императрицы, так как предполагалось, что она председательствовала на всех собраниях. Мы видели, как оправдалось это предположение³.

Захват власти, осуществленный таким образом, получил, наконец, вполне законное и неопровержимое признание в завещании Екатерины, которым во время малолетства великого князя Петра

¹ Сергиевич. Лекции по истории русского права.

² Протоколы Совета, опубликованные в «Сборнике». Сравн. Филиппова.

³ Взгляды Г. Филиппова, которых я придерживаюсь, оспаривались М. Алексеевым, вначале как бы разделявшим их в «Истории русского политического права», но затем ставшего на сторону противоположного мнения. См. брошюру: «Легенда об олигархических стремлениях Верховного Совета». — *Валишевский*.

Алексеевича за регентством признавались все права самодержавного государя¹.

Первым, для чего советники воспользовались этими правами, было: не обращать никакого внимания на последнюю волю императрицы в других отношениях. Но со временем борьба, склонявшаяся как будто к поражению самого фаворитизма, как прямого продукта единодержавия, и к исключению его из будущих судеб страны, доставила Меншикову самый блестящий случай взять реванш; так что он одно время был в состоянии составить противовес судьбе своих противников и направить им во вред все свои прежние преступления.

II

Выбор, сделанный партизанами Екатерины, вручившими ей власть самодержицы, скоро являлся перед ними в своем настоящем свете, т. е. в свете поступка очень необдуманного. Екатерине шел пятидесятилетний год, и ее здоровье, уже сильно пошатнувшееся, требовало осторожности, о которой она и думать не хотела, предаваясь удовольствиям и кутежам во всех видах. Скоро стало ясно, что она долго так не протянет, и возможность ее близкой смерти ставила творцов ее карьеры в очень затруднительное положение. Если бы наследником оказался сын Алексей или одна из дочерей Петра, Меншикову и Толстому грозила бы одинаковая опасность. От мужа герцогини Голштинской им не стоило ждать ничего хорошего. Сестра ее, Елизавета, которую тщетно старались пристроить во Францию — мы еще вернемся к этому эпизоду — нашла в 1726 г. партию гораздо менее блестящую, и также в голштинской семье. Ее жених, двоюродный брат ее деверя, брат одного из многочисленных претендентов на курляндский престол, а пока что епископ (Любекский), умер до свадьбы, и задача осталась прежней. Человек, за которого Елизавета могла выйти, со временем мог также оказаться врагом. Остерман, будущий государственный человек, уже начинавший выдвигаться, встревожил было фаворита и его друзей своим предложением соединить обе соперничавшие ветви потомства Петра браком между теткой и племянником, между Елизаветой и сыном Алексеем. Церковь не дозволяла такого союза, но уже само возникновение подобного проекта при всей его невыполнимости указывало, что все убеждены в невозможности, чтобы молодой великий князь был обойден вто-

¹ Великий князь Петр Алексеевич имеет быть сукцессором... 3) Во время малолетства имеют администрацию нести обе цесаревны, герцоги и прочие члены Верховного Совета, который обще из 9 персон состоять имеет... 5) И сим имеет полную власть правительствующего самодержавного государя, такого определения о сукцессии ни в чем не отменять. — Из завещания Екатерины.

рично. И духовенство, и народ видели в нем законного наследника. Архимандрит нижегородского монастыря Исаия поминал на ектеньях «Благочестивейшего великого государя нашего Петра Алексеевича», и когда ему возражали, отвечал: «Хотя мне голову отсекут, буду так поминать, а против присланной формы (Благодарного великого князя) поминать не буду, потому что он наш государь и наследник». В тайную канцелярию то и дело доставляли мужчин и женщин, виновных в том, что они высказывали подобные же взгляды¹.

Предписание церквям поминать на ектеньях цесаревен прежде царевича, первенство, отданное герцогу Голштинскому перед маленьким Петром в официальных церемониях, только раздражали общественное мнение, которому постоянно чудилось вмешательство вооруженной силы. Опять пошли толки об украинской армии. Говорили, что она уже на пути.

Без сомнения, неожиданное выступление, посредством которого Меншиков в 1726 г. вздумал бороться с Морицом Саксонским в Курляндии и водвориться там вместо его, было следствием подобного тревожного положения вещей. Я ниже коснусь того, как авантюра окончилась неудачей для обоих претендентов. Но Меншиков не замедлил подыскать себе исход гораздо более выгодный.

Возможность восшествия на престол одной из дочерей Екатерины угрожала также Дании из-за шлезвигского спора. Сознывая свое бессилие устранить опасность одними собственными силами, датский министр Вестфаль обратился к своему коллеге, австрийскому послу. Петр Алексеевич приходился племянником германской императрице, что создавало для представителя Германии привилегированное положение. Принадлежавший к древней бургундской фамилии родственной по матери голштинскому дому (она была принцессой Голштин-Визенбургской и происходила от ветви этой фамилии, поселившейся в Саксонии и Силезии) граф Рабутин имел связи в обоих лагерях и поэтому пользовался большим влиянием. Он придумал, чтобы уладить все, исход еще более своеобразный, чем план Остермана.

У Меншикова было две дочери, для которых он метил очень высоко. Он отказал принцу Ангальт-Дессаускому, сватавшемуся за одну, под предлогом, что мать принца слишком низкого происхождения. Говорили, что она была дочерью аптекаря. Старшая, красивая, грациозная и скромная, по словам современников — Мария Александровна с 1727 г. была невестой Петра Сапеги. Она обожала своего жениха, что было вовсе не по душе Екатерине, которая все отсрочивала свадьбу.

¹ Соловьев. История России. Т. XIX. Ссылка на «Дела Тайной канцелярии» в Государственном архиве.

ДОЧЬ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

ПРЕДИСЛОВИЕ

Она была дочерью Петра Великого. Родившись вдали от трона, она была вознесена на него, потому что в ее жилах текла кровь величайшего из русских и одного из самых замечательных людей, когда-либо существовавших. Если бы она даже не имела никаких других прав на наше внимание, все-таки было бы удивительно, что ни в России, ни в других странах ей до сих пор не было воздвигнуто исторического памятника, где была бы освещена вполне роль, сыгранная ею в истории ее отечества.

Но ее судьба и личность интересны и в других отношениях. В силу своего происхождения от Петра Великого и несмотря на выдающееся участие иностранцев в ее восшествии на престол, ее царствование ознаменовалось, между регентством Бирона или Анны Леопольдовны и правлением Екатерины Ангальт-Цербстской, таким расцветом национального чувства, какое России не скоро еще пришлось пережить.

Елизавета ни своим нравом, от природы беспечным и причудливым, ни небрежным воспитанием, полученным ею, не была подготовлена к занятию престола. Но в качестве дочери полтавского героя ей все же удалось вознести славу русского оружия, впервые сражавшегося с грознейшим из противников в сердце Западной Европы, на высоту, едва ли превзойденную им с той поры.

Наконец, если она в недобрый час и взяла себе в наследники Петра III, то ее счастливая звезда — или счастливая звезда России — внушила ей мысль выбрать ему в подруги несравненную принцессу, ставшую впоследствии Екатериной Великой.

А какими словами обрисовать картинную и романическую сторону ее судьбы и царствования, не имеющих, может быть, равных себе в современной истории и своими причудливым рисунком и резкими противоположностями сбивавших с толку то недовольную, то очарованную, то негодующую, то восхищенную Европу! Безумная роскошь и ужасающая нищета; мягкость и жестокость; косность и героизм; грубый разврат и ревностное благочестие; в течение двадцати лет Россия являла миру эти противоположности, сохранив и до наших дней глубокий след нравов, образа мыслей и чувств, выработавшихся в те времена.

Меня упрекали прежде в чрезмерном пристрастии к этим прихотливым картинам прошлого. С тех пор моим критикам нетрудно

было убедиться, что я не искал их преднамеренно, но и не отстранял их, когда они представлялись наблюдению историка и настойчиво внедрились в его сознание. Впрочем, я убежден, что между моими критиками и мною произошло лишь недоразумение и смешение причины со следствием. Эту распрю можно сравнить с упреком, брошенным степным жителем кавказскому горцу: «Вы мне показываете одни только горы!» Но история России XVIII века вовсе не походит на альпийский пейзаж; она напоминает скорей земной рельеф в космогонический период. Мы присутствуем здесь при рождении нового мира. Не один роман и драма были написаны на основании материала многих глав, вошедших в состав этой книги. К сожалению, авторы напрасно изукрасили их чертами совершенно ненужного вымысла, хотя и неприкрашенная действительность далеко превосходит здесь все, что могло бы измыслить воображение всех Дюма, взятых вместе.

Продолжительное владычество женского элемента само по себе должно было наложить *романический* отпечаток на эту эпоху; Елизавета приняла скипетр, уже пятнадцать лет находившийся в женских руках и так и оставшийся в них до конца столетия, хотя не существовало закона, устанавливавшего или охранявшего женодержавие. Страна самовольно создала эту теорию престолонаследия по женской линии и подчинилась власти целой серии государынь. Но она так же самовольно и свергла их. Освободившись от гнета создателя народного величия, дух анархии и страсть к приключениям, свойственные славянскому темпераменту или, скорей, лежащие в основе всякого нарождающегося общества, предъявили свои права к существованию под различными видами. Одним из них было женодержавие, другим господство фаворитов.

Оба эти обстоятельства чрезвычайно благоприятствовали возникновению различных легенд и анекдотов, прельстивших, по мнению моих критиков, и меня. Но я нахожу в них удовольствие, когда они занимательны, и не уклоняюсь от обязанности воздать им должное, когда они ложны. Последнее случается девять раз из десяти. Но и в этом случае я считаю возможным вылущить из них зерно истины. Каким образом? Я уже это объяснял в другом месте и от своих слов не отказываюсь. Путем сопоставления и согласования.

«Неужели количество их может служить ручательством за их качество?» — таково было сделанное мне возражение. Оно меня не поколебало. Если вы обратитесь к двум людям, бегущим по улице, с вопросом, куда они спешат, то один из них скажет, что горит театр, другой, — что пожарные поскакали в Думу. Вы не будете далеки от истины, предположив, что действительно где-нибудь показался дым.

Женщину, имевшую, согласно преданию, двадцать фаворитов, мне трудно считать безупречной, хотя бы я не собирался делать из

этого факта никакого другого вывода. Не достаточно ли и того, что история указывает подобные явления?

По мнению некоторых критиков, я слишком сдержан в своих заключениях. Действительно, я не считаю себя торговцем достоверными сведениями, и хотя один из самых блестящих моих собратьев и считает возможным утверждать, что Юлий Цезарь чихнул три раза, переходя в известный час известный ручеек в Галлии, я все же не принадлежу к этой школе.

Но вот перед нами пирожник, превращающийся в регента могущественной империи и обручающий свою дочь с императором; вот императрица, бывшая прачкой или маркитанткой; вот другая императрица, захватывающая власть, проникнув ночью во дворец, где спит едва отнятый от груди ребенок, мнимо-законный государь, и выкрадывающая его с помощью горсти сопровождающих ее гренадеров: все это, конечно, сказки и мне пришлось бы краснеть за себя, если бы я их сочинил. Но разве я могу не считаться с ними, когда неопровержимая действительность записала их в историю многострадального стомиллионного народа? Они составляют существенную часть его жизни и его исторической эволюции в эпоху, требующую изучения всех этих подробностей и малейших изгибов чудесной судьбы этого народа, — изучения, необходимого для понимания его настоящего облика.

Сознавая долг, налагаемый на меня этим положением вещей, и стараясь выполнить его по мере сил, мне неизбежно пришлось вызвать другого рода споры и довольно резкие, хотя и противоречивые, укоры. С одной стороны, меня обвиняли в том, что я поношу Россию; даже клевету на нее, с другой — считали меня низким льстецом. Эти маленькие злоключения меня также не смутили. Я их ожидал; скажу больше: я надеялся, что они возникнут. Я вижу в них доказательство того, что я приблизился, по крайней мере, — не рассчитывая на достижение его, — к идеалу беспристрастия, являющемуся нашей общей целью, высокой вершиной, куда должны устремляться наши усилия. Доступ к ней усеян шипами и терниями; я не жалуясь на выпавшие на мою долю уколы. Но мне сдается, что уязвленные моими исследованиями чувства коренятся, главным образом, в ложном понимании как цели, преследуемой мною, так и предмета всякого исторического изыскания.

Один русский критик не побоялся даже утверждать, что если я взял на себя роль толкователя двух различных миров, то мне по необходимости приходилось жертвовать одним из них, и что пожертвованным должен был оказаться тот, где говорят на языке Пушкина.

Почему, скажите, жертва эта обязательна? Истина — богиня, не требующая принесения жертв на ее алтарь. Ей нужны только беспристрастные умы и искренние сердца.

Более полувека тому назад Чаадаев рисковал пожизненным

заточением за то, что высказал своим соотечественникам несколько жестоких истин, признанных впоследствии многими из них справедливыми. Меня уж никто не собирался заключать в тюрьму. Нетерпимость, обрушившаяся на мой труд, стояла, кажется, в связи лишь с моим происхождением, в подражание своенравной вспышке великого национального поэта, справедливо составляющего гордость России и сказавшего, что хоть он и презирает свое отечество с головы до ног, но не терпит, чтобы иностранец раздирать это чувство. Мне крайне неприятно касаться здесь личного вопроса, но он, к сожалению, занимает слишком большое место, даже вне России, в критике моих книг, чтобы я мог считать его, как бы мне того ни хотелось, не заслуживающим внимания. Иностранец ли я? В качестве поляка, пишущего на французском языке главы русской истории, я могу считать себя принадлежащим к некоторой исторической общине народов, еще недавно казавшейся парадоксальной, но силою обстоятельств превратившейся в живую действительность. А чтобы жить общою жизнью, необходимо друг друга узнать.

Руководствуясь этим чувством, я принялся за изучение прошлого одного из членов этой общины, изучение, свободное от всяких побочных соображений, и повел его безусловно самостоятельно и в духе неизменной искренности, наложившей, я полагаю, свою печать на мои труды. Если вследствие заблуждений, неизбежных во всяком человеческом деле, оно и отклонилось от начертанного пути, то происхождение мое тут ни при чем. Я искал лишь истины. Но я хотел, не скрою, обрести ее во всей ее полноте и раскрыть ее без ограничений и без покрывал, такую, какую предание и пластические искусства изображают ее, выходящую из колодца.

В рамках, избранных мною, как более всего отвечающих не только моим наклонностям и способностям, но и вкусам и потребностям читающей публики, я, кажется, не упустил ни одного из серьезных элементов научного исследования. Но я, каюсь, старался использовать их, не нагоняя ту скуку, которая, оказывается, является теперь обязательной, согласно требованиям профессиональной этики. Основательны ли эти требования? Соответствуют ли они славным традициям ремесла? Хотелось бы мне сослаться на Светония, а то и на Тацита. Но помимо этих старинных образцов, другие, более современные и, следовательно, более авторитетные, оказались отвергнутыми большинством моих собратьев, находящихся под влиянием нового и упорного веяния, побуждающего их подражать суровости точных наук. Если бы по крайней мере ими эта цель была достигнута! Но какое это заблуждение! Какое смешение совершенно различных областей! Возьмите берлинское или лейпцигское издание полного собрания сочинений математика или химика: я убежден, что в нем не будет выпущена ни одна запятая. А чего только не хватает в переписке Фридриха Великого, изданной там же! И для кого

же эта наука? Те времена далеки, когда Тьер увлекал читателей «*Constitutionnel*» своей «Историей Французской революции». Если бы «*Constitutionnel*» еще существовал, то его подписчики искали бы тех же впечатлений в чтении сенсационного романа. История сделалась постепенно областью, доступною исключительно все более и более суживающемуся кругу избранных. Но не равносильно ли это крушению ее настоящей цели? Не является ли она *magistra vitae*? А кем создается умственная, экономическая, даже политическая жизнь в наши дни? Учеными? Конечно, нет. Все в ней принимая участие, вплоть до рассыльного, стоящего на перекрестке улиц. Следовательно, всех и надо просвещать, на всех проливать лучезарный свет, идущий из глубины нашего прошлого. А вы хотите запереть его в академию!

Один русский историк, перед знанием и талантом его я во всяком случае преклоняюсь и до сих пор оплакиваю его смерть, В. А. Бильбасов, назвал мои книги романами. Я готов принять это за похвалу. Да, излагая перед читателями содержание хотя бы и дипломатических документов, я считаю возможным делать чтение их не менее привлекательным, чем фельетон. Это достижимо при условии устранения из них всего того, что не представляет действительного интереса, т. е. девяти десятых большинства текстов, и введения в них того, что составляет прелесть всего человеческого: жизни. Если это мне не удалось, то лишь за недостатком таланта, за отсутствием также некоторых умственных навыков, утерянных ныне большой публикой. Тут приходится воспитывать или перевоспитывать ее. Некоторые писатели во Франции уже приступили к этому делу, вкладывая в него искусство, недостижимое для меня; но в их начинании я черпаю оправдание, поощрение и надежду.

Ведь произведения Генриха Гуссе, Фредерика Массона, несмотря на обилие в них документальных данных, и Лависса и Лампрехта, не взирая на точность их изысканий, не уступают по живости и прелести языка излюбленным авторам читающей публики.

Но и на этом пути встают препятствия и попадаются камни преткновения. Одним из них было бы смешение видов научных работ, указанное одним выдающимся критиком. Я действительно высказывал мнение, что труд историка стоит в более тесной связи с искусством, чем с наукой, не утверждая, конечно, что он не научен. Но ограничить не значит исключить. Я все же полагаю, что в силу своих естественных пределов и специального назначения, исторический труд ничем не походит ни на труд математика, ни на труд химика; за отсутствием непосредственного наблюдения, картины, воскрешаемые историей в зеркале с потертой амальгамой, со стеклом, отбитым во многих местах, не могут хвалиться безусловной точностью; к тому же польза истории мне понятна лишь в том случае, когда она, наполняя зрение масс отражением прошлого, тем самым обостряет

в них видение настоящего и предвидение будущего; таким образом, исторический труд не только самонадеян, но и лжив, если считает себя непогрешимым, и бесполезен, и не оправдывает своего существования, если он не популярен. Для того чтобы построить мост, установить электрическую батарею, привести в движение паровоз, достаточно одного ученого и известного количества рабочих; для того, чтобы создать один час человеческой жизни, нужен целый народ.

С Елизаветой прямое потомство Петра Великого привилось через сестру императрицы к иноземному стволу. Я не преувеличиваю значения этого события. И на троне, и в других областях жизни большинство великих исторических имен продолжают существовать лишь путем передачи по боковой линии. Женская наследственность считалась в некоторых странах более целесообразной в силу того, что ее можно более точно установить.

Как историк, я не могу, однако, отрицать значения традиций, олицетворенных дочерью Петра Великого, и упадка, постигшего их после ее смерти. Петр III родился в Киле и до 13 лет воспитывался в лютеранской вере и в поклонении перед своей немецкой родиной: мы знаем, чем он стал и по какому пути направил политику России.

Будучи немкой по отцу и по матери, Екатерина, в противоположность своему мужу, приложила все старания к тому, чтобы вместе с языком и нравами усвоить и дух своего нового отечества. Удалось ли ей это? В значительной мере удалось. Она сумела сделаться настоящей русской *матушкой-царицей*, и это и составляет, может быть, самый прекрасный луч ее славы. «Ни в одной истории не встречается ни лучших, ни более великих людей, чем в *нашей*», писала она про русских немцу Гримму. Но вместе с тем, ей случалось писать ему же: «*Das ist unmöglich, dass ich mir sollte auf der Nase spielen lassen ...* Ни один *немец* этого не потерпит».

В этих словах она выдала тайну своего внутреннего «я» с роковой двойственностью, вытекавшей из ее происхождения, обнаружив умственное и нравственное сродство, тысячью невидимых нитей связывавшее ее с ее домашним очагом, с первоначальным воспитанием, с ее расой; распространяясь от ее ума и сердца на ее управление, проникая в самую душу народа, который великая государыня лепила по своему образу и подобию, оно наложило на это управление и на эту душу печать, неизгладимую и по сию пору.

Если мы от внешней политики этого ослепительного царствования перейдем к внутренней, то увидим, что она отчеканена по тому же образцу. Сравните национальную литературу, современную Елизавете, с литературными памятниками, оставленными нам последовавшим за нею так называемым «золотым веком»; поставьте рядом Ломоносова и Державина, и разница станет ясна. В этом-то и состоит значение и особая прелесть предшествовавшего Екатерине царствования, вызванного мною к жизни на предлагаемых страницах.

Менее пышное, оно кажется более самобытным и потому более симпатичным.

Образ Елизаветы, гораздо менее яркий, тоже не лишен очарования. В рамке, окружающей ее, она даже с известной точки зрения интереснее своей преемницы, потому что она здесь совершенно на месте. Она представляет собой чисто русский и чрезвычайно любопытный тип.

Еще любопытнее рамка сама по себе. Являя сначала взору пятнадцать лет внутреннего и внешнего мира, между революционными грозами прошлого и грядущими бурями, этот фазис национальной жизни дает нам возможность изучить ее черты в состоянии сравнительного покоя и впервые при пленительной обстановке, — праздничной, безмятежной, чарующей, неизвестной стране Иоанна Грозного и долгое время к ней не возвращавшейся. Одновременно возникают зачатки умственной жизни, художественной культуры, общественной. Затем настает внезапное оживление дипломатических сношений, вовлекшее страну в близкое общение с европейскими дворами.

Наконец, разражается Семилетняя война — великолепная военная эпопея, обнаружившая не только перед турками и шведами, но перед всей Европой военную доблесть русского народа. Гросс-Егерсдорф и Кунерсдорф, Фридрих, доведенный до отчаяния, нарождающийся имперский орел Гогенцоллернов, едва не раздавленный «расходившимся медведем», — торжество, какого России впоследствии не пришлось уж пережить!

Стоило оно, конечно, дорого, и я укажу ниже, ценой каких несчастий, каких бед покупались эти внешние победы. Но и эта сторона картины не менее достойна нашего внимания.

Внутренняя история этого царствования еще не написана даже в России. Один английский историк утверждает, что ее вовсе не существует. Постараюсь доказать противное, не надеясь, однако, совершенно заполнить этот пробел. В связи с историей всех европейских стран, историческое описание внешней стороны царствования Елизаветы предпринималось не раз. Мне придется внести в него некоторые поправки. В архивах министерства иностранных дел во Франции мне удалось разыскать несколько документов, ускользнувших от внимания моих предшественников и проливающих новый свет на некоторые эпизоды, между прочим, на первые попытки сближения между Россией и Францией и на роль, сыгранную при этом секретной дипломатией. В тайных архивах в Берлине мне еще более посчастливилось. Политическая переписка Фридриха, изученная мною отчасти в оригиналах, дала мне возможность установить; не без некоторого изумления, что ученые издатели ее¹ поторопились,

¹ Politische Correspondenz Friedrichs des Grossen. Изд. Драйзена, Дункера и фон Зибея, Берлин, 1879—1898.

заявив, что ими не оставлено без внимания ни одного значительно-го текста. Предоставлю судить об этом моим читателям.

Явление это не заключает в себе, однако, ничего особенного. Переписка Наполеона I выдержала в Париже три издания; первое из них было объявлено полным; между тем, два остальных были предназначены для пополнения его. Французское военное министерство готовит в настоящее время четвертое издание. Взятые из того же хранилища, что и прежде опубликованные документы, и вместе с ними побывавшие в руках предыдущих издателей, документы, предназначенные для нового издания, достигают цифры шести тысяч из тридцати тысяч их, составляющих литературное наследие Наполеона.

Хотя Венский архив и был тщательно изучен во всем, что касается Елизаветинской эпохи, г. д'Арнетом и другими историками, мне все же удалось почерпнуть в нем неизданные еще сведения.

В заключение позволю себе выразить еще раз мою глубокую благодарность всем тем лицам, которые как в частных, так и в общественных хранилищах, изученных мною; облегчили мою задачу; руководили моими изысканиями и открыли мне доступ к сокровищам, вверенным их попечению, помогая мне своими мудрыми советами.

Гг. Козер, директор Государственного архива в Берлине, доктор Густав Винтер и г. Арпад де Кароли, директор и вице-директор Императорского архива в Вене, и г. Фарж, начальник отдела исторических изысканий в архиве Министерства иностранных дел в Париже да соблаговолят принять от меня особую дань почтительной признательности!

Часть первая

ВНУТРЕННЯЯ ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА

Глава 1

НОЯБРЬСКИЙ ПЕРЕВОРОТ 1741 г.

I. Первые годы. — Первые испытания. — «Подрезанные крылья». — Первые любовные увлечения. — «Венера» и «Минерва». — Первые честолюбивые порывы. — Уединение. — Темные связи. — Предполагаемый брак. — Алексей Разумовский. — II. Движение в казармах в пользу цесаревны. — Ее побуждения. — Ее агенты. — Салтыков. — Преобладание иностранцев в организации заговора. — Роль хирурга Лестока. — Тайны Цитера — Переписка Мардефельда с Фридрихом II по этому поводу. — III. Отношение Елизаветы к Франции и Швеции. — Обращение к содействию Франции. — Уклончивый ответ Шетарди, одобренный его двором. — Предложения Нолькена. — Перемена намерений в Версале, вызванная проектом коалиции против Австрии. — Приказания Шетарди содействовать заговору. — Нолькен требует от Елизаветы письменного обязательства и отказа от земель, завоеванных Петров Великим. — Колебания Цесаревны. — Отказ. — Отъезд Нолькена. — Швеция внезапно объявляет войну России. — Ни плана, ни руководства. — Скупость Шетарди. — Елизавета считает себя оставленной всеми. — Матримониальные планы принца Конти. — Отказ Елизаветы. — IV. Неожиданное стечение обстоятельств ускоряет развязку заговора. — Бурное свидание в Зимнем дворце. — Елизавета выдает Лестока. — Приказание выступления, отданное гвардейским полкам. — Решительные действия. — Новая просьба о пособии, обращенная к Шетарди. — Отказ. — Революция без участия Франции. — V. Ночь 24 ноября. — Собрание в доме Елизаветы. — В казармах преображенцев. — Шествие к Зимнему дворцу. — переворот. — Бывший император увезен на коленях новой императрицы. — Выводы

I

Она родилась 19 декабря 1709 года; год этот достаточно красноречиво говорит уму и сердцу каждого русского человека.

В это время отец Елизаветы не был еще повенчан с ее матерью, в чем впоследствии жестоко упрекали обеих дочерей, Анну и Елизавету, родившихся от этого союза, столь странно возникшего и испытывавшего такие необычайные переживания. Но в это же время Петр вернулся в Москву после Полтавы в сопровождении целого поезда

шведских пленников, и эта слава окружила даже его новое потомство таким сиянием, что, невзирая на страшные потрясения и мучительные испытания, судьба великой империи оказалась неразрывно связанной с участью смиренной ливонской пленницы и ее дочерей.

Как известно, после неожиданного возвышения Екатерины I и преждевременной смерти Петра II наследие Полтавского героя сделалось предметом спора между тремя ветвями царствующей династии. Елизавете сперва как будто вовсе и не суждено было принять участие в этом соперничестве. Вступив на престол, ее мать возымела относительно нее весьма честолюбивые замыслы, направленные совершенно в другую сторону. Это отразилось на детстве и на воспитании Елизаветы. Старшая дочь императрицы, Анна, заключила более или менее подходящий брак в Германии, и Екатерина «по важным соображениям» желала, чтобы младшая дочь ее умела говорить по-французски и хорошо танцевала менуэт. «Соображения» эти известны. Менуэт должен был произвести впечатление в Версале: императрица думала, что большего и нельзя было требовать от благовоспитанной принцессы.

Поэтому, за исключением учителей французского языка и учителей танцев, воспитание цесаревны было предоставлено ее собственному усмотрению. Неудивительно, что оно не было особенно мудро направлено. Елизавета не любила ни читать, ни учиться. Она заполняла время верховой ездой, охотой, греблей и уходом за своей несомненной, хотя и не очень тонкой красотой.

Черты ее лица были неправильны, нос короткий, толстый и приплюснутый, но великолепные глаза украшали и освещали ее лицо. Впоследствии, имея или воображая, что она имеет власть над зрением художников, она не допускала правдивого изображения своего носа на портретах, и знаменитому граверу Шмидту пришлось переделывать его на портрете Токе¹.

По той же причине она никогда не позволяла изображать себя в профиль. Но она была хорошо сложена; у нее были красивые ноги, белоснежное свежее тело и ослепительный от природы цвет лица. Несмотря на пристрастие к французским модам, она никогда не пудрила волосы; они были того красивого рыжего цвета, что так ценится любителями венецианской красоты. И от всего ее существа веяло любовью и сладострастьем.

В первой молодости, в костюме итальянской рыбачки, в бархатном лифе, красной коротенькой юбке, с маленькой шапочкой на голове и парой крыльев за плечами — в те времена девушки носили их до 18 лет, — а впоследствии в мужском костюме, особенно любимом ею, потому что он обрисовывал ее красивые, хотя и пышные фор-

¹ *Ровинский*. Словарь русских гравированных портретов. IV, 377.

Портрет императрицы Елизаветы Петровны.
Картина Л. Токке

мы, она была неотразима. Она сильно возбуждала мужчин, чаруя их вместе с тем своею живостью, веселостью, резвостью. «Всегда легкая на подъем», как говорил про нее саксонский агент Лефорт, она была легкомысленна, шаловлива, насмешлива. «Она как будто создана для Франции, — писал он, — и любит лишь блеск остроумия».

В январе 1722 г., объявляя ее, согласно обычаю, совершеннолетней в присутствии многолюдного собрания, Петр ножницами обреза ей крылья¹. Ангел превратился в женщину.

Однако Екатерина I не оставляла своей мысли, и в 1725 г. она более или менее осторожно предложила Елизавету в жены Людовику XV. В то время уже подготавливался франко-русский союз, но после Петра I, задумавшего его, Екатерина хотела положить в основание его это совершенно неприемлемое условие. Ясно было, что даже такой ценою не оправдывалось принесение в жертву естественных интересов России везде, где они в то время соприкасались с интересами Франции — в Турции, Дании, Швеции, Польше. В этом направлении один вопрос об обладании Шлезвигом открывал уж целую пропасть. Франция гарантировала Дании владение им, между тем как на него предъявлял права Голштинский дом, состоявший уже в родстве с российским царствующим домом.

К тому же было чистым безумием предполагать, что в Версале согласятся серьезно обсуждать вопрос о браке французского короля с одной из принцесс, рожденных до брака.

И действительно, вопрос этот вовсе и не подвергался обсуждению. Подлинные документы, относящиеся к начатым по этому поводу переговорам, не оставляют на этот счет ни тени сомнения. 11 апреля 1725 г., принимая в аудиенции французского посланника Кампредона и разговаривая с ним по-шведски, чтобы не быть понятой окружающими, Екатерина объявила, что «дружба и союз с Францией были бы ей приятнее дружественных отношений всех остальных европейских держав». В тот же день императрица, не желая входить лично в дальнейшие объяснения, послала к Кампредону Меншикова, открыто предложившего на рассмотрение вопрос о браке Елизаветы с Людовиком XV. Он выказал себя весьма сговорчивым относительно условий брака и от себя сделал предложение, впоследствии считавшееся всегда совершенно недопустимым в России: о переходе Елизаветы в католическую веру.

Кампредон объявил себя весьма польщенным сделанным предложением, но попросил дать срок для сообщения его в Версаль и получения оттуда ответа. И не успел еще курьер вернуться из Франции, как в Петербурге разнесся слух о предстоящем браке Людовика XV с английской принцессой.

¹ *Weber. Moritz Graf von Sachsen. 1863, стр. 92.*

Екатерина все же не сдалась. На этот раз она выбрала посредником своего зятя, герцога Голштинского, и сообщила через него Кампредону, что, движимая желанием выдать Елизавету замуж во Францию, она удовлетворится и герцогом Орлеанским.

Во Францию вновь поскакал курьер. Но ответ из Версаля, отправленный 21 мая, окончательно разбил упорные надежды императрицы. Выражения безграничной благодарности сопровождали самый решительный отказ, едва смягченный несколькими вежливыми формулами: в Версале «опасались, что императрице оказалось бы слишком неудобным перед своими подданными согласиться на переход цесаревны в другую веру». Затем выражалось крайнее сожаление, что «герцог Орлеанский принял уже другие обязательства»...

Это положило конец мечтам и отсрочило на долгие годы союз с Францией. Несколько месяцев спустя Россия стала во враждебные отношения с Данией, и франко-русская война казалась неизбежной¹.

При посредстве саксонского посланника Лефорта Елизавета чуть было не вышла затем замуж за побочного сына Августа II, несчастного кандидата на курляндский престол, красивого, мужественного, но слишком уж предприимчивого Морица. Какое падение! Лефорт послал этому странствующему рыцарю портрет цесаревны, снабдив его заманчивыми комментариями: «хорошо сложена, прекрасного роста; прелестное круглое лицо, глаза, полные воробьиного сока (sic), свежий цвет лица и красивая грудь».

Мориц был обольщен скорей курляндским престолом, чем возможностью разделить его со столь прекрасной подругой. По словам Лефорта, она ждала его «с величайшим нетерпением» (*avec déman-gaison*)². Но в то время место в Митаве было занято Анной Иоанновной, племянницей Екатерины I и вдовой Фридриха-Вильгельма, герцога Курляндского, менее привлекательной, чем Елизавета, но в данную минуту обладавшей лучшим приданым. Мориц не колебался в выборе между богатством одной из предполагаемых невест и прелестями другой. Герцогиня Курляндская также не замедлила благосклонно принять предложение жениха, тем более, что Лефорт предупредительно описал все его качества «вплоть до самых сокровенных».

Однако Елизавета одно время как будто одержала верх над своей соперницей. Мориц убедился, что, благодаря деятельности своего агента, французского полковника де Фонтенэ, он имел более шансов получить герцогскую корону вместе с рукой красивой цесаревны. Но когда Курляндия, а за нею вся Польша восстали против этой

¹ Переписка Кампредона. Архив франц. Министерства иностр. дел. Россия. За 1725—6 гг.

² *Weber*. Moritz Graf von Sachaen. Стр. 93 и след.

сделки, то и Саксония отступила от своего плана, и в конце концов Мориц остался без герцогства, а Елизавета без мужа.

Вскоре после этого ей пришлось, за неимением лучшего, изъять согласие на брак с епископом Любской епархии, Карлом-Августом Голштинским, младшим братом правящего герцога. Партии эта была более чем скромная, но злой рок или, скорей, счастливая звезда цесаревны не допустили этого брака. Жених умер, не дойдя до алтаря. Не предвидя лучшей партии в будущем, Елизавета глубоко опечалилась его смертью.

В утешение ей, великий государственный деятель следующего царствования, Остерман, облюбовал другой план. Соперничество разрозненных ветвей потомства Петра Великого становилось тягостным. За отсутствием какого бы то ни было династического закона, престолонаследие, после Екатерины, находившейся на одре смерти, вовсе не было обеспечено за сыном Алексея Петровича. На официальных торжествах и общественных богослужениях имена цесаревен Анны и Елизаветы провозглашались раньше имени маленького Петра Алексеевича, отпрыска наследника, отвергнутого своим отцом. Но это дело могло уладиться путем брака. Если бы Елизавета стала женой своего племянника, то престолонаследие не было бы оспариваемо по крайней мере с этой стороны.

На этот раз осуществлению плана воспрепятствовала церковь и, опираясь на ее голос, тогдашний властный хозяин страны, — а перед ним Остерман, в ожидании будущих благ, был еще весьма мелкой сошкой, — Меншиков не желал брака Елизаветы с Петром, потому что готовил для будущего императора другую невесту в лице своей собственной дочери.

Всем известна развязка этой интриги, — опала и ссылка всемогущего временщика и несчастной Марии Меншиковой вслед за воцарением Петра Алексеевича.

Елизавета не сумела воспользоваться этим поворотом счастья, хотя сделать это было вполне в ее власти. Под влиянием Остермана Петр II влюбился в свою красивую тетку, и от нее зависело направить это весьма горячее чувство к цели, указанной честолюбию будущей императрицы тонким немецким политиком. Но в 17 лет это честолюбие еще недостаточно окрепло и не приняло определенной формы. Петр II сам еще был ребенком — ему шел тринадцатый год, — следовательно любовь, — как ни склонна была Елизавета подчиняться ее велениям, — также не могла руководить ею в данном вопросе.

Таким образом она упустила случай и потеряла время.

Она не обольщала своего племянника, но принялась усердно будить в нем жизненные инстинкты. Она оторвала его от серьезных занятий и учебников с одной только целью делить с ним самые невинные из тех удовольствий, которым она склонна была предавать-

ся по свойству своего темперамента, хотя они и не всегда соответствовали достоинству государя. Она развила в нем охоту, даже страсть к физическим упражнениям, будучи бесстрашной наездницей и неутомимым охотником, она увлекала его с собой на долгие прогулки верхом и на охоту. Во время этих поездок молодой император любовался прекрасными глазами, полными, по выражению Лефорта, «воробьиного сока», вздыхал у ног своей спутницы и слагал в ее честь плохие стихи: но, по возвращении домой, он вместе с Иваном Долгоруким ускользал по ночам из дворца в поисках более доступных наслаждений: его роман возбуждал в нем желание их отведать, не давая ему вместе с тем никакого удовлетворения.

Но и этот роман, едва начатый, встречает вскоре препятствие, остановившее его дальнейшее развитие. Опять-таки против него вооружается Меншиков. Он дерзает даже отнимать у цесаревны, уже тогда очень расточительной, кошельки с золотом, которые ей дарит щедрый Петр II.

Тут уже Елизавета, глубоко уязвленная, сопротивляется и берет верх над врагом. Несчастную Марию Александровну заставляют вернуть кольцо, служившее залогом лучезарной будущности. Молодой государь теперь свободен располагать собой, и Елизавета на этот раз как будто готова использовать это обстоятельство.

Ей удается ввести в круг приближенных Петра нового фаворита, Александра Борисовича Бутурлина, «министра священных тайн развлечений императора», как называет его Лефорт, а впоследствии фаворита цесаревны. Она сближается с Остерманом, все еще не отказавшимся от своего плана. Следуя советам своего руководителя или собственным наклонностям, она возбуждает ревность Петра, кокетничая с Иваном Долгоруким¹.

Но она заходит слишком далеко. Неокрепшее чувство, которое она старается насильственно развить этим путем, блекнет под давлением таких осложнений, и среди непрерывных охотничьих развлечений в Горенках, куда Долгорукие постоянно приглашают государя, любовь устраивает западню слишком предприимчивой цесаревне.

Пока она увлечена зародившейся страстью к Бутурлину, Петр II противопоставляет ей соперницу, молодую девушку, раскрывшую перед ним всю прелесть целомудренной и чистой привязанности.

Он обручается с Екатериной Алексеевной Долгорукой, «она ве-

¹ Дешеш герцога Лирия, испанского посла при Русском дворе. «Осьмнадцатый век», II, 59. Извлечения из этой переписки были помещены в «Русской Старине», 1873, II. Другие отрывки ее находятся в журнале, составленном из тех же депеш, в Архиве франц. Министерства иностранных дел. «Mémoires et documents. Россия», т. VIII. Ср. депешы Лефорта в «Diplomatische Beiträge» Hermann'a, 1870—1871, I, 3 и след. и в «Сборнике Исторического Общества», III, 510 и след. См. также «Исторический Вестник», LXXI, 192 (*Бюшинг*).

ликолепного роста, цвет лица у нее ослепительной белизны, глаза огненные»¹.

Идиллия эта имела трагическую развязку, и у смертного одра Петра II наследственные права дочерей Петра не подвергались даже обсуждению. Другое потомство взяло верх; в царствование Анны Иоанновны и во время регентства Бирона судьба Елизаветы претерпела долгое и полное затмение.

При жизни Петра II ее звали «Венерой», в противоположность сестре царя, серьезной и долгое время безупречной Наталье Алексеевне, носившей прозвище «Минервы». Елизавета и осталась «Венерой», «допуская без стеснения», писал испанский посол, герцог Лирия, «вещи, заставлявшие краснеть наименее скромных людей»². Она собирала у себя в Александровской слободе самое легкомысленное общество; когда Анна Иоанновна заставила ее последовать за собой в Петербург, она продолжала тот же образ жизни и здесь в доме, стоявшем на окраине города и приобретшем весьма дурную славу.

Она жила в нем серо, почти бедно, билась в постоянных денежных затруднениях и находилась под неослабным надзором. В 1735 г. одну из ее горничных заключили в тюрьму, обвинив ее в непочтительных отзывах о Бироне, затем подвергли допросу, высекли и сослали в монастырь. Возник было вопрос о заточении в обитель самой цесаревны³. Она носила простенькие платья из белой тафты, подбитые черным гризетом, «дабы не входить в долги, — рассказывала она впоследствии Екатерине II, — и тем не погубить своей души; если бы она умерла в то время, оставив после себя долги, то никто их не заплатил бы и ее душа пошла бы в ад; а этого она не хотела». Но белая тафта и черный гризет должны были вместе с тем производить впечатление вечного траура и служили своего рода знаменем. Ее семья, — несчастная семья литовских крестьян, трое детей, две тетки, получившие аристократические имена и титулы, но бедные и испытывавшие самое презрительное обхождение со стороны Анны Иоанновны, — доставляли ей также немало хлопот и вводили в большие расходы. Она воспитывала на свой счет двух дочерей Карла Скавронского, старшего брата Екатерины I, и старалась выдать их замуж⁴.

Знать пренебрегала ею как за ее рождение, так и за характер ее любовных увлечений. Таким образом ей пришлось, чтобы составить себе общество, спускаться все ниже и ниже.

В Александровской слободе она обходилась с крестьянскими де-

¹ Сказания о роде князей Долгоруковых. Изд. 1840 г., стр. 112. Об этом обречении см. секретные донесения Гогенгольца, «Вестник Европы», 1896, III.

² Осьмнадцатый Век. II, 163.

³ *Есинов*. Исторический Вестник. 1880, март. Ср. Schmidt-Phisedeck. Materialien za der russischen Geschichte. 1772, II, 57.

⁴ Архив кн. Воронцова. I, 27.

вушками почти как с равными, катаясь с ними на санях или угощая их изюмом, орехами и пряниками и принимая участие в их играх и плясках. В Петербурге она наполнила свой дом гвардейскими солдатами. Она раздавала им маленькие подарки, крестила их детей и очаровывала их улыбками и взглядами. «В тебе течет кровь Петра Великого», — говорили они.

Она показывалась публично весьма редко, лишь в торжественных случаях, и держалась серьезно и грустно, принимая протестующий вид, доказывавший, что она ни от чего не отреклась. То же самое угадывалось и в некоторых поступках, совершенных ею по внушению приближенных лиц; у нее самой никогда не было инициативы. Она навестила несчастного тверского епископа Лопатинского, выпущенного Анной Леопольдовной из тюрьмы, куда его заточила Анна Иоанновна.

— Узнаешь ли ты меня? — спросила она его. Надломленный многолетним заключением, старик долго искал в своих воспоминаниях; наконец он вострепнулся и радостно воскликнул:

— Ты искра Петра Великого!

Она оставила ему триста рублей, и об этом случае заговорили в церквях и монастырях ¹.

Тем не менее, она казалась одинокой и почти забытой. Она оставалась красивой, но становилась слишком полной, и, подобно шекспировскому Цезарю, питавшему недоверие к художавым людям с ввалившимися глазами, английский посланник Финч говорил, что она была «слишком толста, чтобы быть заговорщицей»².

Ее считали обвенчанной с Алексеем Разумовским, малороссийским крестьянином, обратившим на себя ее внимание в церкви Анны Иоанновны, где он был певчим. Он, по-видимому, не принадлежал к числу мужчин, способных пробудить ее от нравственной спячки, охватившей ее вследствие злоупотребления различными удовольствиями, и заставить ее стряхнуть безропотную и ленивую неподвижность, по свидетельству французского посла Шетарди, делавшую ее «робкой в самых обыкновенных поступках»³.

Разумовский был просто красивым мужчиной, иногда буйного характера, после хорошей пирушки. В числе приближенных цесаревны находились оба Шуваловы, Александр и Иван, — тоже люди ничтожные, — и Михаил Воронцов, женатый на Скавронской, человек крайне сдержанный и осторожный.

Бирон, уже на высоте своего могущества, обнаружил было наме-

¹ С. М. Соловьев. История России. XXI, 54, 122—124; Чистович. Феофан Прокопович и его время. 1868.

² Сборник Исторического Общества. ХСІ, 107.

³ Деша 28 октября/9 ноября 1740 г. Архив франц. Министерства иностранных дел.

рение озарить своим сиянием померкшее светило, что произвело переполох среди друзей и врагов цесаревны. Позднее, в правление Анны Леопольдовны, ее заподозрили в сношениях с опальным женихом, и клеветы Антона-Ульриха Брауншвейгского получили приказание арестовать его, если он отправится к Елизавете. Впрочем, в былое время Миних советовал Бирону заточить цесаревну, и она этого не забыла; все знали и поняли, что с этой стороны нечего было бояться и не на что надеяться. Тем временем событие, опрокинувшее эти предположения, подготовлялось — только не в кабинете маркиза Шетарди.

II

Это событие является одним из самых известных и тщательно изученных в истории. Малейшие подробности его были установлены по таким достоверным источникам и так талантливо изображены, что мое намерение повторить описание его на последующих страницах может показаться самонадеянным и бесполезным, тем более, что я не могу представить новых данных, во всяком случае ни одного документа, опровергающего те, что послужили первоначальными источниками. Берлинский архив, исследованный впервые по этому вопросу мною, оказался в полном согласии с парижским, где другие историки черпали сведения до меня. Но извинением мне может служить то обстоятельство, что, как хорошо ни были осведомлены мои предшественники, они не использовали своих знаний во всей их полноте. По крайней мере мне сдается, что в двух вопросах, касающихся с одной стороны участия Франции и ее представителя в Петербурге, маркиза Шетарди, в перевороте, положившем в ноябре 1741 г. конец царствованию Иоанна VI и возведшем на престол дочь Петра Великого, с другой — роли, сыгранной национальным элементом в этом событии, они впали в глубокое заблуждение.

Откуда рождаются все легенды? Как незаконные дочери, они большею частью происходят от неизвестных отцов и матерей. В данном случае, однако, неразрешимый обыкновенно вопрос о происхождении позволяет зародиться некоторым догадкам. Лицу, в чью пользу этот переворот совершился, было несомненно выгодно создать обманчивую картину, которая в блеске еще не померкшего престижа Франции и под покровом патриотического чувства преобразала самый заурядный заговор, придавая ему подобие величия. Некоторые из современников поверили этой сказке; другие помогли ее распространить, и легенда родилась. Она прибила себе сторогу, приобрела вполне законные права гражданства, и с моей стороны, конечно, странно подвергать ее нескромному рассмотрению. Легенда эта так привлекательна: молодая, красивая цесаревна, вознесенная на вершину власти народным течением при содействии тридцатилетнего посла и восьмидесятилетнего старца. Какая богатая тема!

Легенды очень живучи. Эту легенду я, вероятно, и не убью. Тем легче простят мне мои читатели мое усилие противопоставить ей некоторую долю действительности.

Среди приближенных к цесаревне лиц не было человека, способного дать ей, вместе с сознанием роли, которую она могла играть, возможность отстоять свои права; но в более далеких от нее кругах было несколько тысяч лиц, нетерпеливо и с раздражением относившихся к ее бездействию. Это являлось следствием ужасного и невыносимого режима, водворившегося в России после смерти Петра Великого, в силу отсутствия закона о престолонаследии, периодических переворотов, заменивших его, и произвола русской олигархии, чередовавшегося с грубостью немецкой диктатуры. После лифляндки Екатерины воцарилась по браку немка Анна Иоанновна; после Меншикова власть перешла в руки Бирона; одновременно началось настоящее нашествие других иностранцев, вроде Брауншвейг-Вольфенбюттель-Бревернов, Мекленбург-Шверинон, целой армии экзотических принцев и принцесс, солдат, авантюристов, двинувшихся на Россию со всех концов Европы и деливших между собою, как добычу, должности, почести, доходные места, высасывая все соки из страны для удовлетворения своих appetitов. А единственная надежда в будущем воплощалась в лице императора, имевшего несколько месяцев отроду, несчастного Иоанна Антоновича; над колыбелью его склонялась мать-регентша, но русского в ней было лишь полунемецкое имя — Анна Леопольдовна — полученное ею, когда она откачалась от лютеранской веры и приняла православие.

Чаша была переполнена. Не имея права голоса, народ переносил все терпеливо и бессознательно, как и многие последующие испытания. Но Россия уже обладала в иных кругах сознательной и деятельной душой. На следующий же день после смерти Анны Иоанновны прусский посланник, Мардефельд, писал:

«Все чрезвычайно восстанавлены против узурпатора (Бирона), и гвардейские солдаты открыто говорят, что они будут терпеть его правление только до погребения их дорогой матушки (Анны I); некоторые говорят, что лучше всего было бы передать власть цесаревне Елизавете, прямому отпрыску Петра Великого, ввиду того, что большинство солдат принимает ее сторону»¹.

Позднее Бирон последовал за Меншиковым в Сибирь. Но между Линаром и Минихом, Остерманом и Антоном-Ульрихом, ввергавшими страну во все возраставшую анархию, увлекавшими ее в опасные внешние предприятия, регентство Анны Леопольдовны почти заставляло жалеть о ссыльном регенте и ужасной бироновщине.

¹ Дешеша 19 ноября 1740 г. Тайный архив в Берлине. Написана по-французски.

Следовательно, уже несколько месяцев военные круги и в особенности гвардейские казармы находились в состоянии брожения. Уже много лет зачинщики государственных переворотов обращались к этому элементу, находя в его среде ждущих применения своей удали бесстрашных охотников, пробуждая в них вместе с тем честолюбие и аппетиты, все более и более нетерпеливо и властно требовавшие удовлетворения.

Гвардейцы, использованные поочередно то тем, то другим из временных победителей, возносившие их на вершину власти и восторженно приветствовавшие их сегодня с тем, чтобы завтра бросить в кибитку и с бранью отправить в Пелым, все более и более сознающие свою силу, недовольные и отважные, шли на эти дела, потому что они им нравились сами по себе, поднимая их значение и давая им возможность требовать вознаграждения; но они каждый раз чувствовали, что им было бы несравненно приятнее, если бы от их помощи выигрывали не Бирон, не Миних, не Антон-Ульрих. Нельзя сказать, чтобы национальное чувство было у них очень развито. Многие из рядовых солдат были даже иностранцы. Но те, другие чужеземцы, ожесточенно враждовавшие друг с другом, командовавшие ими и управлявшие к тому же Россией, не были в их глазах ни симпатичными, ни авторитетными. Бирон попался в ловушку как глупец, Миниха прогнали как лакея, и, между Юлией Менгден и Линаром, сам Антон-Ульрих, отец императора и генералиссимус, покрыл себя позором и сделался общим посмешищем. Анна Леопольдовна была, пожалуй, добра; они бы охотно простили ей ее личный образ жизни; но ее никогда не было видно. Она запиралась со своей фавориткой и со своим фаворитом. А если в то время повелителей меняли как рубашку, они готовы были отдать предпочтение Елизавете, не столько оттого, что она была «искрой Петра Великого», сколько потому, что она была доступна всем, любезна, мила; с нею угрюмая жизнь, устраиваемая России теми иностранцами, стала бы улыбающейся и приветливой, как глаза цесаревны — не говоря уже о том, как много эти глаза обещали смельчакам. Воспоминание о Шубине разжигало воображение, и вокруг красавца-гренадера сложилась в казармах легенда, сильно способствовавшая торжеству дочери Петра.

Мало-помалу разгорался очаг страстных вожелений и горячих пожеланий, сообщившихся и армейским полкам. Слышались крики: «Разве никто не хочет предводительствовать нами на пользу матушки Елизаветы Петровны!»¹.

Одна из подруг цесаревны, Салтыкова, рожденная княжна Голицына, служила по своему делу Елизаветы в той же среде. Ее дом был рядом с казармами Преображенского полка, и она, по свидетельству

¹ Соловьев. История России. XXI, 126.

Мардефельда, так часто их посещала, что ей случалось уносить с собой жгучие воспоминания¹.

Таким образом зародился заговор, если этим именем можно назвать совпадение желаний, одинаково необдуманно как с той, так и с другой стороны и стремившихся соединиться для общей цели, не вступив в точное соглашение и не установив ни ясного плана, ни определенного образа действия. Два темных агента, принадлежавших один к челяди цесаревны, другой к армии, принялись в последнюю минуту распределять роли; но по ним можно судить о национальном и политическом характере, придаваемом и теперь еще некоторыми историками делу, исполненному ими: и тот и другой были опять-таки иностранцами.

Сама Елизавета, по-видимому, также не была всецело проникнута приписываемыми ей чувствами. В сентябре 1727 г., ведя переговоры о ее браке с маркграфом Карлом Бранденбургским, Мардефельд писал: «Она совершенная немка по духу и только и жаждет отсюда уехать»². Оба эти посредника не имели, следовательно, ни малейшей связи с французским посольством. Елизавета говорила с Шетарди на языке Расина, вследствие чего ее сношения с ним принимали поневоле в глазах окружающих оттенок интимности. Анну Леопольдовну поддерживала Австрия; не ясно ли было, что Елизавета, соперничавшая с ней, должна была опираться на Францию? С тонкостью и тактом, прилагаемыми и менее одаренными женщинами к такого рода интригам, цесаревна поддерживала и укрепляла это впечатление, прикрываясь им как декорацией и щитом. Установленный за нею надзор и ее робость, преувеличивавшая опасности его, помешали ей, как мы увидим ниже, развить эти отношения; с другой стороны, вполне законные сомнения и недоверие самого Шетарди не позволяли ей извлечь из них наибольшую выгоду. Гораздо более значительную и энергичную роль в подготовке государственного переворота сыграли Шварц и Лесток. А во время осуществления его на первый план выдвинулось третье лицо, — еврей, родом из Дрездена, бывший торговец ювелирными предметами, превратившийся в гвардейского солдата. Его звали Грюнштейн.

Шварц был немец, пехотный капитан, поступивший на русскую службу; он выдавал себя за инженера и получил место на корабельных верфях³. Лесток давно уже принадлежал к штату Елизаветы, исполняя обязанности хирурга. Его отец, родом из Шампаньи, сказывался дворянином l'Estocq l'Helvétique. Покинув Францию после от-

¹ Делеша королю 6 февраля 1742 г. Тайный архив в Берлине.

² Сборник Исторического Общества. XV, 383.

³ «Mémoires sur la révolution de 1741». Архив франц. Минист. иностр. дел — Россия. «Mémoires et documents», т. IX, фол. 120.

мены Нантского эдикта, он поселился в Германии, в Целле, где был сначала цирюльником, а затем хирургом при дворе Георга-Вильгельма, последнего Брауншвейг-Целльского герцога. Сын его родился в 1692 году и приехал искать счастья в Россию в 1713 г. Он обратил на себя внимание Петра Великого ловкостью, с какою орудовал хирургическим ножом, и живостью ума, но имел несчастье не понравиться знаменитой горничной Екатерины I, Крамер, приписавшей ему неприязненные суждения об отношениях царя со своим денщиком Бутурлиным. Он счастливо отделался лишь ссылкой в Казань, откуда Екатерина поспешила вернуть его; и хотя она знала, что он был глубоко безнравственный человек, она все же приставила его к особе Елизаветы, которой было в то время шестнадцать лет.

Перехожу к организации заговора, поскольку таковой существовал, пользуясь для восстановления истинных фактов донесениями самого маркиза Шетарди, проверенными теми депешами, которые Версальский кабинет получал одновременно из Стокгольма и остававшимися до сих пор без рассмотрения. Они совершенно ясно восстанавливают факты и доказывают, что участие Франции в этом событии оставалось лишь в виде предположения, и что этот план, в противоположность принятой всеми версии, не исходил из инициативы молодого представителя французской дипломатии в Петербурге.

III

Маркиз Шетарди занял свой пост в 1739 г., играя чисто представительную роль, чрезвычайно ему подходившую. Ограничиваясь сначала лишь обменом любезностей, его сношения с Елизаветой приняли более интимный характер лишь в ноябре 1740 г., после падения Бирона, принесшего еще новое разочарование Елизавете. Она втайне послала к нему Лестока, чтобы выразить ему ее сожаление по поводу прекращения его посещений. Она и лица, выдавшиеся с нею, были в подозрении. Шетарди ответил ей уклончиво. Он не доверял цесаревне, полагая, что она находится в хороших отношениях с Анной Леопольдовной и, следовательно, является сторонницей Австрии. Но, к его изумлению, Лесток заговорил с сожалением о падении Бирона. Лишившись его поддержки, цесаревна потеряла все. Тут же Лесток сообщил Шетарди, какие надежды можно было возлагать на могущественную партию, преданную дочери Петра Великого и ее племяннику, герцогу Голштинскому. Маркиза это не убедило, и он даже не поспешил узнать мнение Версальского двора относительно этих намеков. Он не послал курьера и не выразил желания поговорить с самой Елизаветой об этом щекотливом вопросе¹. Он отпра-

¹Ср. Vandal. Louis XV et Elisabeth. Стр. 138 и след.

вил свое донесение обыкновенным путем и стал ждать дальнейших событий, полагая, что они далеко не оправдают смелых предположений Лестока и его повелительницы.

Через месяц шведский посланник Нолькен поставил его в тупик новым, еще более необычным предложением. Ему было приказано, объявил он, поддержать, по своему выбору, партию герцога Курляндского, Анны Леопольдовны или Елизаветы; на это ему было дано сто тысяч талеров. Он намеревался истратить их в пользу цесаревны и рассчитывал, что его французский коллега укажет ему, как целесообразнее всего потратить их в дело.

Тут Шетарди испугался. Речь шла уж не о неопределенных надеждах, а о настоящем заговоре, и Нолькен видел залог его успеха в переговорах цесаревны с несколькими гвардейскими солдатами и несколькими темными лицами, находящимися у нее в услужении. И ему, представителю короля Людовика XV, предлагали принять в этом участие. Это было безумием! Однако сто тысяч талеров заставили его призадуматься. Швеция не имела возможности производить такие расходы.

Откуда же шли эти деньги? Суммы, расходуемые в Стокгольме на внешнюю политику, нередко черпались во французской казне. Ввиду обычных приемов тогдашней дипломатии, предположение о поддержке, оказываемой какой-нибудь интриге Версальским кабинетом окольными путями, без ведома его прямого представителя, не заключало в себе ничего невероятного. Взвесив все это, маркиз решил ответить уклончиво, попросить инструкций и опять-таки ждать дальнейших событий.

Чтобы заставить его посетить Елизавету, понадобился еще месяц времени и очень настойчивое приглашение с ее стороны; во время свидания он был настороже и не проронил ни одного лишнего слова.

Впрочем, цесаревна и не поставила его в затруднительное положение; она ограничилась лишь тем, что со скорбью отозвалась о существующем положении вещей, которое «огорчило бы Петра Великого», и упомянула с умилением о преданности гвардии «памяти Императора и его потомству». Имя Людовика XV, вопреки мнению историков, *ни разу не было произнесено* в этой беседе; равным образом не были затронуты унижительные для цесаревны воспоминания о матримониальных планах, где отказ исходил не с ее стороны. По крайней мере в депешах Шетарди об этом не говорится ни слова, и ему, конечно, не простили бы в Версале слишком смелых намеков на чувства, которые могли бы польстить королю своим постоянством, если бы Елизавета, будучи равнодушна к красавцу Шубину, не поставила бы тем самым Людовика XV на одну доску с последним. Историки, вопреки всякой справедливости, обвинили в данном случае кардинала Флёри в нерешительности, а его агента в любви к приключениям. Ла Шетарди не обнаружил ни малейшего наме-

рения принять участие в замыслах, сообщенных ему Нолькеном; он считал их безрассудными, и французское правительство не замедлило одобрить его осмотрительность. В ответ на первые же полученные от него известия статс-секретарь Амело писал ему: «Надо думать, что, пока император жив, не может быть и речи об ее (Елизаветы) претензиях на российский престол. Поэтому всякие рассуждения об этом в настоящее время излишни».

Это был безусловный и решительный отказ во вмешательстве.

Но Нолькен продолжал упорствовать, и в январе Шетарди узнал, что при его содействии заговор начинал принимать определенную форму. Возник уж вопрос о вооруженном вмешательстве Швеции; ее войска должны были поддерживать гвардию в случае военного бунта в пользу дочери Петра Великого.

Дело принимало серьезный оборот. Все еще не веря в его успех, Шетарди уклонился от совместного со своим коллегой свидания, предложенного Елизаветой, но на следующий день ему пришлось явиться к цесаревне, в ответ на ее настойчивый зов; она на этот раз высказалась более определенно; она объявила, что «дело зашло так далеко, что долгие ждать не представлялось возможности», заговорила о безусловной преданности гвардии, о нетерпении заговорщиков и приступила было к самому щекотливому вопросу, выразив уверенность «в дружбе Франции», когда ей доложили о приезде английского посла. Елизавета знаком пригласила ла Шетарди остаться и дожидаться отъезда непрошеного гостя. Финч почувствовал себя лишним и сократил свое посещение. «Наконец-то мы от него избавились», облегченно вздохнула цесаревна после его ухода. Но тотчас же ла Шетарди пресек дальнейшие излияния, поставив ей на вид, что продолжительность их свидания может возбудить подозрения. Она лишь успела сказать ему, что ввиду того, что ей «нечего более стеснять себя, он может приходить к ней, когда ему заблагорассудится»¹.

Он твердо решил не злоупотреблять данным ему разрешением. Между тем, в Версале нашли его осторожность чрезмерною. Согласно сведениям, полученным французским правительством из Стокгольма, замысел принимал более определенный характер, чем тот, что выяснился из донесения Шетарди из Петербурга; вместе с тем, в Версале и Берлине вырабатывался план коалиции против Австрии, и комбинация, лишавшая Вену ее единственного союзника, становилась крайне желательной. В силу этих соображений маркизу Шетарди были доставлены решительные указания, выясняющие, что та роль, которую приписывает легенда кардиналу Флёрю и его агенту, не соответствует деятельности того и другого. Шетарди не уговаривал министра принять участие в заговоре; наоборот, кардинал все время

¹ Шетарди 3/14 января 1741. Арх. Мин. ин. дел во Франции.

побуждал к тому Шетарди, приказав ему поддерживать, не колеблясь, проект переворота, и сказать Елизавете, что если король может быть ей полезен, и она даст ему возможность оказать ей услугу, она может рассчитывать, что его величество почтет себя счастливым способствовать осуществлению ее желаний»¹.

Таким образом, вслед за Швецией, на арену собиралась выступить и Франция. Но в эту минуту предприятие встретило со стороны первой из упомянутых держав препятствия, чуть не повлекшие за собой его гибель.

Перед тем как пустить в ход главный рычаг заговора, Нолькен вдрут обнаружил его тайную пружину. Он предложил немедленно ввести на русскую территорию сильный отряд шведских войск, но требовал от цесаревны письменного обязательства возратить Швеции земли, завоеванные Петром Великим. Он опирался на обещания, данные будто бы Елизаветой, но она впоследствии оспаривала их подлинность, и они действительно оказались весьма неопределенными. В своей переписке с французским послом Нолькен утверждал, что цесаревна сама признала права Швеции на возвращение ей части потерянных ею земель в виде награды за услугу, оказываемую ею дочери Петра Великого, и что она почти обещала дать на то обязательство². Но сам Амело нашел эти требования чрезмерными³. Елизавета же решительно отказалась дать какое бы то ни было письменное обещание, заявив, что одного ее слова достаточно. Нолькен оказался неуступчивым, и Елизавета снова обратилась к содействию Шетарди.

По истечении нескольких дней, проведенных ею в деревне, где она давала обед офицерам армейского полка, квартировавшего по соседству, она вызвала к себе Шетарди и сообщила ему, как ей трудно было сдерживать рвение своих приверженцев, между тем как Нолькен своими неприемлемыми требованиями препятствует исполнению задуманного им плана.

В силу того, что, согласно полученным инструкциям, маркизу надлежало действовать заодно со своим шведским коллегой, он защищал, хотя и слабо, образ действия Нолькена, казавшийся и ему недопустимым, и добавлял, что он «лично желал бы, чтобы это предприятие приняло определенное направление, ввиду того, что связи, существующие между Швецией и Францией, дали бы, может быть, королю возможность так или иначе доказать цесаревне свою дружбу»⁴.

Большого она от него добиться не могла. Он умышленно ничего

¹ Амело к Шетарди, 12 и 16 февраля 1741 г. Арх. франц. Мин. ин. дел — Россия. Он же к С.-Северину, французскому послу в Стокгольме, 16 февр. 1741 г. Арх. франц. Мин. ин. дел — Швеция.

² С.-Северин к Амело, 14 апреля 1741 г. Арх. франц. Мин. ин. дел — Швеция.

³ Амело к С.-Северину, 4 июля 1741 г. Арх. франц. Мин. ин. дел — Швеция.

⁴ Шетарди к Амело, 3/14 февраля 1741. Арх. франц. Мин. ин. дел — Россия.

определенного не говорил и так убежденно отстаивал правильность своего поведения перед своим правительством, что и оно начало колебаться. Амело возымел подозрения. Была ли Елизавета искренна? Смелость Елизаветы, сменившая ее привычную робость, внушала ему подозрения. Не служила ли она орудием для вовлечения Франции и Швеции в ловушку, уготованную им правительством Анны Леопольдовны? «Я не усматриваю, — писал он Шетарди, — соответствия между твердым и отважным планом цесаревны и всем тем, что мне сообщали о легкомыслии и слабости ее характера, что мне и внушает некоторое недоверие». Но это впечатление не было длительным, и следующий курьер привез маркизу указания, заставившие его выйти из его пассивной роли. Ему было предписано сказать Елизавете, что военные приготовления шведов производились с ведома французского короля, и что «его величество даст им возможность поддержать переворот, если она совершит его в согласии с ними»¹.

В конце мая Амело проявил еще большую настойчивость. Валори, французский посланник в Берлине, и Бель-Иль, доверенное лицо кардинала Флёри, сообщили ему требования, которыми Фридрих обуславливал исполнение своих обязательств по отношению к Франции. Следовало во что бы то ни стало принудить шведов действовать. Шетарди было поручено уговорить Елизавету склониться на притязания Нолькена. Маркиз предложил ей передать документ в его руки. Видя, что ее припирают к стене и вынуждают принять решение, она отказала наотрез, объясняя свой поступок «боязнью заслужить упреки своего народа, если бы она каким бы то ни было образом принесла его в жертву правам, предъявленным ею на престол». В то же время, отказываясь от принятого ею решения «больше не стеснять себя», она сочла нужным временно прекратить свои сношения с французским послом. Незадолго до того она совершила большую ошибку, думая, что ей удастся привлечь на свою сторону грозного Ушакова, начальника тайной полиции, довольно грубо отвергнувшего ее предложение. Она полагала, что он не только был предупрежден о заговоре, но обладал, пожалуй, и доказательствами его существования. Вместе с тем она узнала, что капитан Семеновского полка, ее явный сторонник, будучи в карауле в императорском дворце, был обласкан герцогом Брауншвейгским, наговорившим ему множество лестных слов и подарившим ему к тому же триста червонцев². Следовательно, заговор был известен Анне Леопольдовне и ее мужу, и они склонны были всеми мерами предупредить его осуществление. Цесаревне уже мерещилось, что ей обрезают косы и облакают ее кра-

¹ Амело к Шетарди, 22 февраля и 16 марта 1741 г. Арх. франц. Мин. ин. дел — Россия.

² Соловьев. История России. XXI, 135.

сивое тело в монашеское одеяние. Между тем, she has not a bit of nun's flesh about her¹, — утверждал Финч. Она боязливо вернулась к прежнему замкнутому образу жизни. Нолькену пришлось даже прибегнуть к кровопусканию при содействии Лестока, чтобы добиться каких-нибудь известий.

В мае хирург посетил Шетарди, но сумел лишь обнаружить томившее его беспокойство. «При малейшем шуме он бросался к окошку, считая себя уж погибшим»². Сама цесаревна, завидев маркиза в саду летнего дворца, осторожно избегала встречи с ним и даже хвалилась этим перед правительницей.

В конце июня Нолькен был отозван своим двором; Швеция, помимо Елизаветы, готовилась к войне, уверяя вместе с тем цесаревну, что образ действия шведского правительства стоит в зависимости от ее решимости его поддержать. В действительности же Швеция откладывала объявление войны лишь потому, что выжидала более крупной субсидии со стороны Франции, и сама еще не была вполне готова к войне. Нерешительность цесаревны была ей на руку в данную минуту, давая возможность еще поторговаться с Версалем и завершить свои приготовления³. Откланиваясь Елизавете, шведский посол все же настаивал на *письменном обязательстве*, уверяя, что без него невозможно было приступить к делу. Она сделала вид, что не поняла, о чем идет речь, и знаком показала, что присутствие камергера мешает ей объясниться; затем она шепнула ему: «Я ожидаю лишь выступления ваших войск, чтобы начать действовать со своей стороны. Завтра Лесток будет у вас». Нолькен вообразил, что победа осталась за ним. Но хирург привез лишь письмо цесаревны к герцогу Голштинскому, содержавшее, как он уверял, «удостоверение признательности его повелительницы относительно Франции и Швеции». Он обещал еще раз посетить Нолькена, но так и не вернулся.

В июле Шетарди чуть было не последовал за своим коллегой в отставку, вследствие затруднений в церемониале, возникших по поводу того, что маркиз хотел вручить свои верительные грамоты лично императору. По наущению Остермана, Анна Леопольдовна воспользовалась этим обстоятельством, как предлогом, чтобы избавиться от посла, казавшегося ей подозрительным, вследствие его частых свиданий с Елизаветой и Нолькеном. Шетарди отказали наотрез в его ходатайстве, он перестал являться ко двору, и его отозвание было делом решенным.

Елизавета не подавала между тем признаков деятельности. Лишь

¹ В ней не было ни кусочка монашеского тела.

² Шетарди к Амело, 30 мая/10 июня 1741 г. Арх. франц. Мин. ин. дел — Россия.

³ С.-Северин к Амело, 10 (21) апреля 1741 г. Арх. франц. Мин. ин. дел — Швеция.

в августе она послала к маркизу одного из своих камергеров, по всей вероятности Воронцова; пробравшись ночью в сад посла, он рассказал ему, что цесаревна несколько раз пыталась его увидеть. Сад маркиза выходил на Неву; она три раза проезжала мимо в лодке, причем приказывала трубить в рог, чтобы привлечь его внимание. Она даже намеревалась купить дом по соседству, но это намерение стало известным и от него пришлось отказаться. Теперь она предлагала ему свидание на Петербургской дороге, на следующий день в 8 часов вечера. Вооружившись пером с «невыхсающими чернилами» и копией обязательства, требуемого Нолькеном, Шетарди явился в назначенное время на указанное место; тщетно прождав цесаревну до 11 ч., он убедился, что она посмеялась над ним¹.

Он с грустью принялся готовиться к отъезду, когда записка Остермана, сообщавшая ему важное известие, расстроила все его планы. Швеция решила не ждать более действий Елизаветы.

— Это событие не должно вас удивить, — сказал вице-канцлер при свидании с маркизом. — Вы, вероятно, к нему приготовлены.

Вид у него был серьезный, но он «уже не ворочал глазами, показывая белки», как в предыдущих свиданиях. Наоборот, он самым любезным тоном сообщил Шетарди, что вопрос о церемониале решен в смысле его желаний, и что император примет его в «особой и тайной аудиенции». Маркиз помнил при этом, конечно, Константинополь и Вилльнёва, решавшего по своему усмотрению участь великих визирей; таким образом объявление войны, на которую представитель Франции в Стокгольме дал десять миллионов, не считая щедрот, розданных «крестьянам» и «духовенству»² — местным демократам — было причиной неожиданного возврата милостей к представителю ее на берегу Невы.

Елизавета, в свою очередь, сочла нужным оказать ему любезность. Через посредство секретаря шведского посольства она передала Шетарди, что только страх себя скомпрометировать помешал ей подписать известное обязательство, но что подлинник его хранится у нее, и она подпишет его, «как только дело наладится настолько, что ей возможно будет сделать это безбоязненно». Она объявила себя также готовой возместить Швеции военные издержки, выдавать ей впоследствии определенные субсидии, даже по мере надобности тайно ссу-

¹ 8 авг. 1741. Арх. франц. Мин. ин. дел. Vandal, loc. cit., стр. 143.

² С.-Северин к Амело, 28 июля 1741. Мин. ин. дел — Швеция. Вандаль говорит (loc. cit., стр. 144), что Мондамер, представитель короля в Стокгольме, продиктовал «выражения объявления войны». Это вряд ли верно: Швеция до этого еще не дошла! Но и Мондамер не был послом. Объявление войны последовало 18 июля н. ст., а С.-Северин уехал из Стокгольма 12-го следующего августа, поручив управление посольством секретарю его, Мондамеру, до прибытия в октябре 1741 г. вновь назначенного посла, маркиза Ланмари.

жать ее деньгами, и обещала не иметь иных союзников, кроме Франции. Она считала, что «идет дальше своих прежних обещаний», но не упоминала вместе с тем ни единым словом о возвращении шведских провинций.

Забыв недавний опыт, маркиз поспешил попросить у нее нового свидания на следующий день. По дороге к графу Линару он пройдет мимо крыльца цесаревны, и просит ее выйти сюда около половины первого. К несчастью, на следующий день шел дождь; свидание опять-таки не состоялось, и человек, управлявший, по общему мнению, широкими дипломатическими, военными и революционными комбинациями, где вместе с будущностью России были поставлены на карту интересы грозной европейской коалиции, направленной против Австрии, — бедный Шетарди в следующих выражениях жаловался своему коллеге в Стокгольме; на беспомощность своего положения: «Я все еще не понимаю, чего, собственно говоря, от меня хочет Версальский двор»¹.

Пружины, долженствовавшие привести эту коалицию в движение, ускользали, по-видимому, в Петербурге от управления и согласования, и соглашение между двумя главными заинтересованными лицами зависело от изменения барометрических показаний!

Это соглашение было невозможно, кроме того, и потому, что цесаревна все еще только заигрывала с гвардейскими солдатами, время от времени раздавая им деньги и все еще боясь положиться на их преданность. Дабы объяснить свою бездеятельность, она жаловалась, что, объявляя войну, шведы не упомянули о том, что они поднимают оружие за ее права, и не поставили во главе войск молодого герцога Голштинского, как то было обещано Нолькеном. В сентябре она через посредника, назначавшего Шетарди свидания в лесах, объявила ему, что у нее иссякли материальные средства, и ей нужны 16 тысяч червонцев. Шетарди поморщился, но согласился все-таки дать ей пока две тысячи червонцев, заняв их у товарища, выигравшего крупную сумму в карты².

Вот к чему сводилось предоставление в распоряжение цесаревны «казны и влияния Франции»!³

Амело одобрил этот расход, но выразил опасение, что выданная сумма «не будет надлежащим образом употреблена». Им снова овладели сомнения насчет силы и веса партии, приверженной цесаревне. Выраженное ею неудовольствие по поводу герцога Голштинского он считал неуместным и противоречащим ее собственным интересам.

¹ С.-Северину, 26 авг. 1741. Арх. франц. Мин. ин. дел. Ср. Vandal, loc. cit., стр. 145: «С той минуты составился заговор и Франция решительно стала во главе его».

² Шетарди к Амело, 2 сект. 1741. Арх. франц. Мин. ин. дел.

³ Vandal, loc. cit., стр. 139. Ср. Соловьев, XXI, 141.

Какую роль мог играть немецкий принц в *национальном* русском движении? Притом король и королева шведские терпеть его не могли¹.

В октябре, несмотря на полученные две тысячи червонцев и на еще более щедрые обещания маркиза Шетарди, Елизавета нашла, что ее иностранные союзники поддерживают ее весьма недостаточно, и стала еще нерешительнее в своих действиях, тем более, что война принимала неблагоприятный оборот для шведов. Манифест, наконец выпущенный ими, согласно желанию цесаревны, где они провозглашали себя защитниками ее прав, не помешал Ласси одерживать над ними победу за победой, а Версальский двор, по-видимому, не собирался прийти к ним на помощь. В эту минуту, однако, в Петербурге появился новый французский агент, но Шетарди ничего не знал ни о его приезде, ни о деле, порученном ему. Посол был уязвлен, а в цесаревне его приезд пробудил надежды, оказавшиеся, однако, призрачными. Вновь прибывший агент, по фамилии Давен, был снабжен рекомендательным письмом на имя жены французского художника Каравака, входившего в круг приближенных Елизаветы. Увы! он оказался лишь сватом; искателем руки цесаревны был принц Конти, причем Версальский двор не обнаруживал намерения поддержать его предложение². Елизавета не была особенно им польщена. В данную минуту замужество было бы для нее вовсе несвоевременным! Она с еще большей горечью стала жаловаться на то, что Франция от нее отступилась, тогда как последняя считала себя вправе сложить на нее ответственность за обоюдное разочарование. Амело писал Шетарди: «Я до сих пор не усматриваю ничего со стороны цесаревны, что заставило бы меня предположить, что усилия его величества дают требуемые результаты. Вместо твердого и определенного плана я вижу лишь нерешительные колебания»³.

Плана, действительно, не было и он так-таки никогда и не составил. А усилия его величества давали пока в результате лишь поражение шведов в пользу прусского короля!

Впрочем, в конце ноября Елизавета через нового посланного сообщила маркизу Шетарди, что она готова привести заговор в исполнение в согласии со Швецией. Но ей необходимы были для этого остальные тринадцать тысяч червонцев из тех пятнадцати тысяч, что она просила раньше. Шетарди отговорился тем, что им еще не получен ответ на его представление по этому поводу. Он лгал, — он никакого кредита в Версале не испрашивал и просить не собирался.

¹ Амело к Шетарди, 8 окт. 1741. Ср. Vandal, loc. cit.; стр. 146.

² Письма принца Конти к кардиналу Флэри, 15 и 27 янв. 1742 г. Деша Амело к Шетарди, 23 ноября 1741. Арх. франц. Мин. ин. дел. Фридрих II («Histoire de mon temps», 1789, гл. IV, стр. 130) ошибся относительно характера этого поручения и Вандаль (loc. cit., стр. 146) разделил его заблуждение.

³ 7 декабря 1741. Арх. франц. Мин. ин. дел.

Постоянные субсидии французскими деньгами, проходившие будто бы через его руки в руки цесаревны и питавшие заговор, относятся также к области легенды. Скептицизм маркиза относительно партии цесаревны и ее шансов на успех все более и более укреплялся. Несколько дней спустя он, однако, сильно встревожился. Лесток, давно уже не посещавший его, явился к нему и своими речами дал ему понять, что Елизавете придется, может быть, «уступить силе течения», т. е. нетерпению гвардейских солдат. Шетарди испугался. Он также признавал необходимость какого-нибудь плана для выполнения заговора, но не видел и следа его. По его мнению, надо было сговориться, установить общий план действий с Францией и Швецией.

— Я согласна, — ответила ему Елизавета через посредника. — Вы сами выберете подходящий момент.

Он предложил отправить в Стокгольм посланного, чтобы выработать необходимые меры и склонить правительство отдать Левенгаупту соответствующие приказания. Но он не имел никаких иллюзий относительно результатов этого шага, усматривая в нем лишь продолжение игры, длившейся безрезультатно уж более года. Во время случайного свидания с Елизаветой при выходе ее из саней она показала ему еще «настолько нерешительной», что, на всякий случай, и дабы она не вздумала вовсе отступить от своего намерения — что было бы несчастьем для Швеции — он решил напугать ее, сказав, что до него дошли сведения о намерении заключить ее в монастырь.

Это было пугалом, которым Лесток и Шварц пользовались для устрашения ее, подобно тому, как детей пугают букой, и Шетарди это знал.

Очень взволнованная, она объявила, что если ее доведут до крайности, то она покажет, что «в ее жилах течет кровь Петра Великого».

Разговор оживился, и о перевороте заговорили как о реальной возможности. Тут же составлен был проскрипционный список. Шетарди посоветовал прежде всего арестовать Остермана, Миниха, сына фельдмаршала, барона Менгдена, графа Головкина, Левенвольде и их приверженцев. Он не назвал ни Линара, которого в данное время не было в Петербурге, ни Юлии Менгден, потому что, хотя он и превратился в настоящего заговорщика, — в первый и последний раз в жизни, — он все же оставался рыцарем. Он посоветовал цесаревне надеть панцирь в нужную минуту. Но когда же надлежало действовать? Еще прежде решено было отправить посланного в Стокгольм, и теперь приходилось ждать, пока это мудрое решение принесет ожидаемые плоды. Впрочем, в самом Петербурге еще ничего не было готово. Елизавета с этим согласилась. Не существовало ни плана, ни организации. Признаваясь в этом, оба заговорщика как бы очнулись от сна, поняв, что в своем воображении они двигали призраками, что в данную минуту ничего не было сделано и делать было нечего;

они разошлись, ни на чем не остановившись¹. Это происходило 22 ноября 1741 г., и роль маркиза Шетарди в этой длинной интриге закончилась в этот день. Несколько часов спустя, подобно падающей лавине, другие элементы заговора, презираемые маркизом и большей частью ему неизвестные, внезапно пробудились к деятельности, под влиянием совершенно неожиданного стечения обстоятельств; но он тут был ни при чем и ничего не знал о случившемся, и ни Франция, ни Швеция не приняли никакого участия в совершившемся событии.

IV

На следующий день был куртаг. Елизавета появилась при дворе. Ее отношения с правительницей оставались учтивыми, даже сердечными. Поглоченная своею любовью к Линару, привязанностью к Юлии Менгден, приданое которой она готовила, своими заботами о детях, в качестве хорошей матери-немки и при ее все возрастающей склонности к беспечной лени, Анна Леопольдовна принимала равнодушно или с досадой доходявшие до нее вести об интригах цесаревны. Только этим и объясняется парадоксальная безнаказанность этого заговора, совершенно открыто обнаруживавшегося в казармах и проявлявшегося в других местах ежедневными инцидентами в течение нескольких месяцев. Когда Линар, уезжая, посоветовал ей заключить Елизавету в монастырь, она ответила: «К чему это? Ведь все равно останется чёртушка». Она подразумевала молодого герцога Голштинского. В то время как Остерман, побуждаемый Финчем, рассказывал ей о подозрительном поведении Лестока, она прервала его, с гордостью показывая ему ленточки, пришитые ею к одежде маленького императора. Она, впрочем, в глубокой тайне подготавлила событие, которое, по ее мнению, должно было положить конец честолюбивым замыслам «чёртушки» и его тетки. Мардефельд его предугадал и предупредил о нем свой двор:² 9 декабря, в день своих именин, она собиралась провозгласить себя императрицей и поручила Бестужеву составить третий манифест на этот случай, в дополнение к двум другим, написанным Тимирязевым³.

Тем не менее она решила воспользоваться куртагом, чтобы объяснить с цесаревной. Она только что получила важное письмо от Линара, содержащее довольно точные сведения о действиях Шетарди и Лестока. Прервав карточную игру, по-видимому, очень интересовавшую Елизавету, она увлекла цесаревну в уединенную гостиную,

¹ Шетарди к Амело 26 ноября (7 дек.) 1741. Арх. франц. Мин. ин. дел.

² Деспеша королю, 3 декабря 1741. Тайный архив в Берлине.

³ Мардефельд, 9 декабря 1741. Тайный Архив в Берлине. Ср. Архив кн. Воронцовых. XXV, 104.

Маркиз де ла Шетарди

Граф Иван Иванович
Лесток. Портрет
работы Г. Гроота

где слово в слово повторила ей содержание письма. Елизавета была ошеломлена. Через одну грузинку, принадлежавшую к челяди правительницы, и лакея Антона-Ульриха, ежедневно приходившего с донесениями к Шварцу, она знала все, что происходило во дворце; оба шпиона прочитывали и письма, валявшиеся на столах¹. Переписка Линара, очевидно, ускользала от их наблюдения; потому-то цесаревна не была предупреждена и не успела приготовиться к защите. Она принялась убеждать Анну Леопольдовну в своей невинности: пусть скажут Шетарди, чтобы он больше не посещал ее; пусть арестуют Лестока и поступят с ним, как он того заслуживает, если он виновен. Она выдала головой своего сообщника и со слезами бросилась к ногам правительницы. Анна Леопольдовна тоже заплакала, и обе женщины, смешав таким образом свои слезы и волнение, разошлись довольно дружелюбно².

На следующий день, 23 ноября, рано утром Лесток прибежал к Шетарди в сильном волнении. Надо действовать немедленно, а то все будет потеряно! Выслушав рассказ об инциденте, вызвавшем эту тревогу, посол отказался ее разделить. В прежнее время, когда он не представлял еще своих верительных грамот и не чувствовал себя под защитой дипломатической неприкосновенности, он также легко пугался и, ввиду опасности, грозившей ему, вследствие его участия в заговоре, даже превратил свой дом в крепость. Находясь под двойной охраной своего официального положения и впечатления, произведенного на Остермана войной со Швецией, он не усмотрел в сообщении хирурга ничего, что могло бы его *интересовать* — это слово встречается в одной из его депеш³ — или взволновать. Получены ли известия от Левенгаупта? Нет. Следовательно, надо еще подождать. Он предполагал даже отсрочить приведение заговора в исполнение на целый месяц, довольно открыто обнаруживая главную свою заботу: охрану интересов Швеции и попутно и Франции в этом деле; успех заговора казался ему сомнительным и маловероятным, но существование его являлось само по себе преимуществом для обеих держав, ослабляя общего врага.

Лесток ушел от него в унынии. Его тяготили иные заботы. Он знал через своих шпионов, что накануне решено было его арестовать; Остерман просил лишь, чтобы предварительно удалили из Петербурга Преображенский полк, опасаясь, чтобы в нем не вспыхнуло возмущение по этому поводу. Предлогом к тому служил предстоявший поход на шведов. Отправившись в ресторан, по всей вероятности, в трактир Иберкампа, на Миллионной, где продавались флиссингенские устрицы, парижские парики и венские экипажи и где он, обычно-

¹ Соловьев. История России. XXI, 147.

² *Weydemeyer*. III, 151; Шетарди, 7 декабря 1741. Арх. франц. Мин. ин. дел.

³ 7 декабря 1741. Cp. Vandal, loc. cit., стр. 154.

венно, сходилась с друзьями, Лесток узнал, что всем гвардейским полкам только что отдан приказ о выступлении. Это было равносильно разрушению заговора и его собственной гибели. Он уж чувствовал кнут на спине. Он бросился к Елизавете. Занимаясь рисованием в часы досуга, он набросал как-то аллегорическую картину, изображавшую цесаревну в двух видах: с одной стороны сидящую на троне, с короной на голове, с другой — в монашеском одеянии и окруженную орудиями пытки. Он показал ей рисунок; под ним она прочла надпись: «Выбирайте!» Она все еще была в нерешительности, когда явилось несколько гвардейских солдат, тоже находивших, что следует или тотчас же приступить к действиям, или вовсе отказаться от своих намерений. Сержант Грюнштейн держал речь от их лица и был особенно красноречив. Лесток подкрепил его слова весьма убедительным доводом: «Я чувствую, что все скажу под кнутом!»¹

Елизавета, наконец, решила, и исполнение заговора было назначено на следующую ночь. Вечером участники его должны были обойти казармы и, если настроение окажется благоприятным, приступить к действиям. Грюнштейн считал необходимой последнюю задачу денег. Елизавета порылась в шкапулках; у нее было всего триста рублей. Лесток снова поскакал к Шетарди и ничего от него не добился. Живя широко, тратя деньги без счета, сам маркиз всегда в них нуждался. По крайней мере он сослался на скудость своих средств, справедливо казавшуюся неправдоподобной. Он обещал две тысячи рублей на следующий день, рассчитывая на любезность партнера, выигравшего в карты. Таким образом, принц Конти имел основание писать впоследствии: «Революции (в России) произошла *без нашего участия*», добавляя при этом, что посланнику короля было непростительно не воспользоваться создавшимся положением и, проявив столько смелости в других делах, показать себя столь «неповоротливым» тогда именно, когда смелость была бы чрезвычайно уместна².

Мардефельд, упоминавший в своих докладах о шестистах тысячах дукатов и «о драгоценностях и нарядах» на тридцать шесть тысяч, присланных цесаревне Францией, тоже сознался впоследствии в своей ошибке. Лесток вернулся от Шетарди с пустыми руками, и Елизавете пришлось заложить свои драгоценности³.

V

В одиннадцать часов вечера Грюнштейн и его товарищи вновь появились у Елизаветы с весьма благоприятным докладом: гвардейцы рады были действовать, в особенности с тех пор, как их решили

¹ *Мардефельд*, 19 декабря 1741 г. Ср. *Русский Вестник*. 1842, апрель. (Выписки из портфеля Малиновского в Московском архиве Коллегии иностр. дел).

² *К Флери*, 26 и 30 января 1742 г. Арх. франц. Мин. ин. дел.

³ Королю, 6 февраля 1742 г. Тайный архив в Берлине.

удалить из столицы и отправить в зимний поход. Рискаю жизнью и тут и там, они предпочитали войне революцию. Лесток послал двух людей к Остерману и Миниху разузнать, не забили ли там тревоги: ничего подозрительного они не заметили. Сам он отправился в Зимний дворец; в окнах комнаты, которая, по его предположению, была спальней правительницы, света не было. Как известно, Анна Леопольдовна постоянно меняла опочивальню. Вернувшись к Елизавете, он нашел ее молящейся перед иконой Богоматери. Впоследствии было высказано предположение, что она именно в эту минуту и дала обет отменить смертную казнь в случае удачи опасного предприятия.

В соседней комнате собрались все ее приближенные: Разумовские, Петр, Александр и Иван Шуваловы, Михаил Воронцов, принц Гессен-Гомбургский с женой и родные цесаревны: Василий Салтыков, дядя Анны Иоанновны, Скавронские, Ефимовские и Гендриковы. Им пришлось ее подбадривать, а Лестоку удвоить свое красноречие и энергию, ввиду того, что в последнюю минуту у нее все еще не хватало мужества и решимости. Он надел ей на шею орден Св. Екатерины, сам вложил ей в руки серебряный крест и вывел ее из дома. У двери стояли сани; она села в них вместе с хирургом; Воронцов и Шуваловы стали на запятки, и они понеслись во весь дух по пустынным улицам города, направляясь к казармам преображенцев, где теперь стоит собор Спаса Преображения. Алексей Разумовский и Салтыков следовали в других санях вместе с Грюнштейном и его товарищами. Мало вероятно, чтоб это маленькое шествие остановилось по дороге у дома Шетарди и чтоб Елизавета нашла нужным предупредить посла о том, что она была «на пути к славе». Первый рапорт маркиза о перевороте, хотя и весьма обстоятельный, не упоминает о подобном эпизоде, который был бы совершенно ненужным и крайне опасным. Посол жил не один в своем доме; застигнутый врасплох, он не мог бы принять мер предосторожности против тревоги, которая пробудилась бы в его приближенных и, таким образом, несомненно распространилась бы и далее. Дневник секретаря посольства Морамбера и еще более подробная историческая записка, составленная в 1754 г.¹ для французского правительства, тоже ничего не говорят по этому поводу. Шетарди вставил эту подробность лишь в последующем письме, дабы объяснить, почему, будучи застигнут врасплох неожиданной развязкой заговора, он не имел возможности вовремя оказать требуемой от него денежной помощи.

Может быть, однако, ночное посещение посольства, как оно ни было неосторожно, и составляло часть той картинной обстановки переворота 26 ноября, которой Елизавета справедливо придавала та-

¹ Mémoires et documents. Russie. т. I, фол. 192; т. IX, фол. 38; Арх. франц. Мин. ин. дел.

кое большое значение. Она летела к славе под эгидой Франции, — только что отказавшей ей в двух тысячах рублях на это завоевание!

Сани остановились перед съезжей избой полка, где не предупрежденный ни о чем караульный забил тревогу: настолько заговор был неподготовлен. Лесток кулаком прорвал его барабан, тогда как тринадцать гренадер, посвященных в тайну, разбежались по казармам, чтобы предупредить своих товарищей. Здесь были одни лишь солдаты, помещавшиеся в отдельных деревянных домах. Офицеры все жили в городе, и лишь один из них дежурил по очереди в казармах. В несколько минут собралось несколько сот человек. Большинство из них не знало еще, в чем дело.

Елизавета вышла из саней.

— Узнаете ли вы меня? Знаете ли вы, чья я дочь?

— Знаем, матушка!

— Меня хотят заточить в монастырь. Готовы ли вы пойти за мной, меня защитить?

— Готовы, матушка; всех их перебьем!

— Не говорите про убийство, а то я уйду; не хочу я ничьей смерти.

Солдаты были изумлены и смущены. Но она поняла, что они в ее руках. Она подняла крест.

— Клянусь в том, что умру за вас. Целуйте и мне крест на этом, но не проливайте напрасно крови.

— Клянемся!

Они бросились прикладываться к кресту; тем временем арестовали дежурного офицера, прибежавшего со шпагой наголо, но сопротивления не оказавшего.

Рассказывая этот пролог к государственному перевороту, современники, может быть, кое в чем и увлеклись, но одна и та же версия повторяется почти неизменно во всех рассказах, и так как она согласна с характером действующих лиц и со нравами того времени, его я считаю ее правдоподобной.

Совершив обряд присяги, Елизавета молвила: «Пойдем!» Последующая программа была указана прецедентами, начертана, так сказать, революционным протоколом, подробности которого только что были установлены Минихом при низложении им Бирона. Около трехсот человек отправились вслед за цесаревной вдоль Невского проспекта.

На Адмиралтейской площади она вышла из саней и пошла пешком. Но ее маленькие ноги вязли в снегу, и гренадеры зароптали:

— Мы что-то тихо идем, матушка!

Она позволила двум солдатам поднять ее и понести на руках. У Зимнего дворца Лесток отделил двадцать пять человек, получивших приказание арестовать Миниха, Остермана, Левенвольде и Головкина. Восемь других гренадеров пошли вперед. Зная пароль, они притворились, что совершают ночной обход, и набросились неужи-

данно на четырех часовых, охранявших главный вход. Окоченев от холода и запутавшись в своих широких шинелях, часовые легко дали себя обезоружить. Заговорщики вошли во дворец, направляясь прямо в кордегардию. Офицер крикнул: «на караул!» Его свалили на пол, причем, как рассказывают, Елизавета отвела в сторону штык, чуть было не пронзивший его, и поднялись в покой правительницы. Линар был в отсутствии, и она спала рядом с мужем, хотя и была с ним в то время в очень дурных отношениях, если верить Мардефельду. Они друг с другом не разговаривали, но были точны в исполнении супружеских обязанностей¹.

Когда они ложились спать, Левенвольде, как утверждают, предупредил Анну Леопольдовну о грозившей ей опасности; но она обозвала его сумасшедшим и заснула глубоким сном. Один гренадер, впоследствии замешанный в заговоре против самой Елизаветы — его фамилия была Ивинский — грубо разбудил несчастных. Елизавета запретила тревожить Иоанна VI; но вскоре поднявшийся кругом шум пробудил ребенка. Его кормилица принесла его в кордегардию, где дочь Петра Великого, взяв его на колени, умилилась над ним.

— Бедный невинный младенец! Твои родители одни виноваты.

Она увезла его в своих санях, возвращаясь по Невскому проспекту, уже усеянному хлынувшим народом, приветствовавшим ее криками: ура! Слыша радостные возгласы, ребенок развеселился и, улыбаясь той, что отняла у него корону, он запрыгал у нее на руках².

Со смерти Петра Великого, — воцарение внука которого также не было вполне правильным, — это был, на протяжении пятнадцати лет, пятый или шестой переворот, совершенный несколькими честолюбцами с помощью горсти буйных солдат. В других трудах я указал, вместе с причиной этих периодических кризисов, и на то, что позволило стране вынести их, — именно на огромную силу сопротивления, таившуюся в организме, находившемся в периоде формирования, причем кризисы эти, подобно болезням роста, сопровождали его развитие, но задерживая его.

Ноябрьская революция 1741 г. по составлявшим ее элементам, — воззванию к мятежу, участие иностранцев и подкупу во всех его ви-

¹ Короллю, 19 дек. 1741. Тайный архив в Берлине.

² *Шетарди*, 7 дек. 1741 г. Арх. франц. Мин. ин. дел.; Мардефельд, декабрьская переписка 1741 г. Тайный архив в Берлине; Ср. Соловьев. История России. XXI, 145 и след.; Архив кн. Воронцова. V, 1 и след. (Автобиографическая заметка гр. А. Воронцова); Позье, Записки, «Русская Старина», 1870, I, 86 и след. — Согласно некоторым историкам, а именно *Chappe d'Auteroche (Voyage en Sibérie. I, 187)*, Анна Леопольдовна и Елизавета увиделись в эту минуту; в очень редкой книге, озаглавленной «*Merkwürdige Geschichte... Elisabeth der Ersten*», 1759, одна гравюра изображает Елизавету, самолично арестовывающую правительницу, ухватившуюся за свои одеяла.

*Tyrannen, meines Reichs, weicht; eure Größe ist hin!
Ich Peters Tochter bins, Verblendte Großfürstin,
Schau in Elisabeth der Russen Kaiserin.*

Арест Анны Леопольдовны.
Карикатурная гравюра из книги «Merkwürdige Geschichte...
Elisabeth der Ersten», 1759 г.

дах, — была в принципе самой предосудительной из всех и, по-видимому, самой угрожающей для будущности народа. Что мог он ожидать от императрицы, достигшей трона при содействии распутных гренадеров, от дочери Петра Великого, подготавливавшей заговор, сообразуясь с движениями шведской армии, официально отправленной в поход в целях облегчения его осуществления?

Однако, как мы видели, и честолюбие Елизаветы, и слабость Анны Леопольдовны не шли дальше известной границы, за которой наследию Великого Петра грозила бы действительная опасность. Как ни жаждала цесаревна власти, она все же не решилась на сделку, безвозвратно погубившую бы это наследие. Армия Ласси, хотя и плохо руководимая и еще хуже снабженная, все же отбросила врага. Так, несмотря на самые худшие случайности, страна, с толпой авантюристов и авантюристок во главе, ожесточенно оспаривавших друг у друга управление ею, не сдавалась, шла по самому краю бездны, не проваливаясь в нее, впитывала самые опасные яды, отбрасывая смертельные его части, удерживалась на склоне непоправимых падений инстинктом самосохранения, сила которого является как у отдельных лиц, так и у нации самым верным признаком и мерилом их жизненности.

Эта внутренняя упругость свойственна всем народам в ранние часы их истории. В XV и XVI столетиях Польша испытала кризисы анархии более сильные, чем те, что свели ее в могилу. Но она была тогда молода. В своей более долгой эволюции Россия XVIII века дошла лишь до весны своей жизни, не окончившейся и по нынешнее время. Ее молодость и была ее спасением между 1725 и 1742 годами. Она не допустила отравления главных органов своего мощного тела и позволила здоровым его частям сохранить свою силу и восторжествовать в той долгой выработке национального гения и патриотизма, чудесное развитие которых мы теперь изучаем. Вступая в переговоры с Нолькеном, Елизавета, несомненно, не более тщательно заботилась об интересах своей родины — что она и доказала неоднократно впоследствии, — чем польские вельможи, приезжавшие в Петербург для подобных же сделок. Но ее останавливало чувство, чуждое им, и она открыто говорила, какое: страх ответственности перед общественным мнением.

Ласси был лишь наемником, но он стоял во главе людей, которые растерзали бы его, если б он не совершил своего долга перед лицом врага. Таким образом, не принимая прямого участия в движении, приведшем в Зимний дворец сообщницу Лестока, Шварца и Грюнштейна, национальное русское чувство, — т. е. смутное и еще непродуманное, но мощное сознание общих интересов и обязанностей, — сказалось в нем, обуздывая некоторый его крайности, и могло по справедливости приписать себе долю победы при водворении нового режима.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕТР ВЕЛИКИЙ

Предисловие 7

Часть первая. ВОСПИТАНИЕ

Книга первая. ИЗ АЗИИ В ЕВРОПУ

Глава I. КРЕМЛЬ И НЕМЕЦКАЯ СЛОБОДА

I. Женильба Алексея. — Выбор невесты. — Венец прекраснейшей. — Опочивальня в Кремле. — Наталья Нарышкина. — Рождение Петра. — Спорное происхождение Петра. — Борьба Нарышкиных с Милославскими. — Изгнание. II. Кремль — Гробница, терем и тюрьма. — Десять веков истории. — Московская и Киевская Русь. — Норманнское завоевание. — Упадок величия. — Сыновья Рюрика. — Ярослав Мудрый и Генрих I Французский. — Нашествие монголов. — Падение и возвращение. — Московская гегемония под монгольским протекторатом. — Освобождение. — Иван Великий. — Заря новой культуры. — Европейские влияния. — Поляки, немцы, англичане и голландцы. III. Немецкий квартал: Европа и Азия. Московское гетто. — Просветительный труд. — Расцвет. — Петр пойдет туда. — IV. Дни испытания. — Последняя попытка азиатского режима. — Смерть Алексея и Федора. — Выборная царская власть. — Роль патриарха. — Победа Нарышкиных. — Избрание Петра. — Кратковременное торжество. — Месть Милославских 10

Глава II. ЦАРЕВНА СОФЬЯ

I. Терем в Кремле. — Москва и Византия. — По стопам Пульхерии. — У изголовья умирающего царя. — Честолюбие и любовь. — Василий Голицын. II. Стрельцы. — Величие и падение. — Солдаты и купцы. — Признаки и причины восстания. — Народные движения. — Софья и Голицын пользуются восстанием для захвата власти. — Осажденный Кремль. — Трехдневная резня. — Софья берет власть окровавленными руками. — Неудача Петра. — Восшествие на престол Ивана. — Два царя. — Регентша. III. Регент. — Идиллия и семейная драма. — Мечты о будущем. — Препятствия. IV. Детство Петра. — Изгнание. — На воле. — Ученые и игры. — Самоучка. — Астролябия. — Английская шлюпка. — Солдат и моряк. — Преображенский лагерь и Переяславское озеро. — Товарищи. — Начало преобразований. — Армия, флот и кутежи. V. Юность. — Женильба. — Евдокия Лопухина. — Ранее вдовство. — Петр возвращается к своим удовольствиям. — Увлеченный потомок. — Работа увлекает работника. — Орудие партии. — Аристократическая оппозиция. — Петр её глава. — Между двух цивилизаций. — Римская и протестантская Европа. — Выбор. — Подготовка к борьбе. — Перелом 22

Глава III. ТРОИЦКИЙ МОНАСТЫРЬ

I. Правление регентства. Его заслуги. Причины слабости. — Неудачи и мечь. — В пространстве. — Отклонения. — Крымские походы. — Неудачи. — Возвращение Голицына. — Возмущение общественного мнения. — Партия Петра этим пользуется. — Кремль и Преображенский лагерь. — Софья противостоит грозе. — Конфликт.
II. Ночь седьмого августа. — Покушение или военная хитрость. — Бегство Петра. — Троицкий монастырь. — Архимандрит Викентий. — Борис Голицын. — Организация борьбы. III. Переговоры и маневры. — На чьей стороне армия? — Храбрость Софьи. — Слабость Василия Голицына. — Измена. — Покорность регента. — Его приход в Троицу. — Изгнание. — Допрос и пытки. — Софья признает себя побежденной. — Монастырь. — Новый режим. — Друзья Петра у власти. — Реакция. — Будущее 41

Книга вторая. В ШКОЛЕ ЦИВИЛИЗОВАННОГО МИРА

Глава I. В ПОХОДЕ. ШКОЛА ВОЙНЫ. СОЗДАНИЕ ФЛОТА.

ВЗЯТИЕ АЗОВА

I. Новые товарищи Петра. — Патрик Гордон. — Франц Лефорт. — Характер их влияния. — Дом Лефорта в слободе. — Московское казино. — Красавицы слободы. — Царь забавляется. — Правление бояр. — Реакционный дух. — Развлечения в Преображенском. — Военные игры, удовольствия и забавы. — Король Петербурга и лжекороль Польши. — Переяславское озеро. — Речной флот. — Дорога в Архангельск. — Море. — Смерть царицы Натальи. — Непродолжительный траур. — Петр возвращается к своим удовольствиям. II. Ненадежное положение России. — Усталость царя. — В поисках развлечений и разнообразия. — Проекты путешествий за границу. — Петр хочет сначала отличиться на войне. — Новый поход против турок. — Первая попытка взять Азов. — Полное поражение. — Гений Петра обнаруживается. — Упорство. III. Величие Петра и величие России. — Плоды монгольского ига. — Удвоенное усилие. — Вторая попытка. — Повторение осады Трои. — Успех. — Петр может показаться Европе. — Путешествие решено 51

Глава II. ПУТЕШЕСТВИЕ. ГЕРМАНИЯ. ГОЛЛАНДИЯ. АНГЛИЯ.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

I. Примеры прежнего времени. — Инкогнито царя. — Первое переодевание. — Великое посольство. — Петр Михайлов. — Впечатления в Москве и в Европе. — Задержка. — Заговор. — Кровавая тень. — Топор дровосека и секира Иоанна Грозного. — Швеция. — Рига. — Холодный прием. — Будущий «casus belli». — Германия. — Кенигсберг. — Любопытность и эксцентричность. — Диплом артиллериста. — Коппенбругге. — Встреча с Софией-Шарлоттой Прусской. — Первый шаг в свет Петра. — Лейбниц. — II. Голландия. — Саардам. — Предание и история. — Дом в Кримпенбурге. — Прекрасная голландка. — Амстердам. — Начало серьезных занятий. — Плотник и государь. — Странности и слабости. — Русский Бахус. — III. Англия. — Непригодная для жилья комната. — Петр в Кенсингтонском дворце. — Неблагоприятные суждения. — Бернет. — Опять легенда. — Из Лондона в Дентфорд. — Труды и развлечения. — Актриса Гросс. — Всеобъемлющая

инициатива. — IV. По пути в Вену. — Неудавшийся въезд. — Австрийская спесь. — Уроки дипломатии. — Угнетенное состояние духа. — В замок «Фаворит». — Царь и император. — Неудобство инкогнито. — Дипломатическая неудача. — Несостоявшееся путешествие в Венецию. — Тревожные вести из России. — «Семя Милославских». — Поспешное возвращение. — Свидание в Раве с Авустом II. — Окончание путешествия 71

Часть вторая. ЧЕЛОВЕК

Книга первая. ПЛОТЬ И ДУХ

Глава I. ВНЕШНИЙ ОБЛИК. ЧЕРТЫ ХАРАКТЕРА

I. Портрет кистью и пером. — Кнеллер и фон Моор. — Сен-Симон. — Энергичность и нервозность. — Судорожные подергивания. — Странность в одежде. — Манекен в Зимнем дворце. — Действительное наследие героя. — Заштопанная чулка и заплатанные башмаки. — Дубинка. — II. Характер. — «Жажда деятельности». — Аудиенция в четыре часа утра. — Четырнадцать часов ежедневной работы. — Вездесущность и всесторонность. — Государственный деятель и тамбур-мажор, танцмейстер, пожарный, метрдотель, доктор. — Царь и его арабчонок. — Национальность. — Русская лень. — А все-таки Петр сын своей родины. — Согласование физических и духовных явлений. — Длинные зимы и торопливые весны. — Периоды бездействия и пробуждения лихорадочной деятельности. — Герои народных легенд. — III. Был ли Петр храбр? — Нарва и Полтава. — Сознание долга. — Противоречия. — Подъем духа и упадок сил. — Непостоянство и неустойчивость в частностях, последовательность и постепенность в общем. — Петр действует под впечатлением минуты. — Национальные черты характера. — Ум и сердце. — Бесчувственность. — Настроение веселое и обходительное — Проказы. — Почему он не пользовался любовью. — Частые вспышки раздражительности и запальчивости. — Удары шпагой и побои тростью. — IV. Злоупотребление спиртными напитками. — Резня в Базильянском монастыре. — Царь пьяный. — Постоянное пьянство. — Последствия. — V. Грубые нравы. — Пирры и оргии. — Пьянство среди женщин. — Перворазрядная пьяница. — Богословские слова за столом. — Был ли Петр жесток? — Судья и палач. — Государственные пробуждения. — Идеализм и чувственность. — Безусловное преклонение перед законом 95

Глава II. ЧЕРТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ. НРАВСТВЕННЫЙ ОБЛИК

I. Умственные способности. — Мощь и эластичность. — Сравнение с Наполеоном I. — Славянская восприимчивость. — Сношения с квакерами. — Ло. — Любознательность и жажда знаний. — Ночь, проведенная в музее. — Непоследовательный и рудиментарный характер приобретенных познаний и сведений. — Дипломатия Петра. — Был ли он великим полководцем? — Отсутствие чувства меры. — Смешение серьезности с ребячеством. — Петр хирург и дантист. — Учреждение научные и художественные. — Петр и аббат Баньон. — II. Ясный и пронизательный ум. — Эпистолярный слог. — Отпечаток востока. — Проект восстановления колосса Родосского. — Противоречивые черты. — Щедрость и скряжничество. — Честность и плутовство. — Скромность и хвастливость. — Их согласование. — История и предание. —

Рыцарский дух на Западе и византийский дух в России. — Жанна Д'Арк и княгиня Ольга. — Баярд и св. Александр Невский. — Нравственность Петра. — Отсутствие щепетильности и пренебрежение требованиям приличия. — Причины и последствия. — III. Сила и узость взгляда. — Умственная близорукость. — Недостаток психологического чутья. — Неспособность к отвлеченным понятиям. — Невосприимчивость идеальных сторон цивилизации. — Каким образом Петр все-таки идеалист. — IV. Любовь к переодеваниям. — Шутовство. — Распущенность ума или затаенная политическая мысль. — Придворные дураки. — Близость к простонародью. — Царь веселится. — Неприличная сторона таких развлечений. — Сочетание маскарада и серьезной жизни. — Шут — хранитель печати. — Диспут ряженых сенаторов. — V. Ложный патриарх. — Его цель. — Папа или патриарх? — Желал ли Петр высмеять духовенство? — Происхождение и дальнейшее развитие установления. — Ложный папа и его конклав. — Странные церемонии и шествия. — Рыса отца Кальо. — Свадьба князь-папы. — Княгиня-игуменья. — Синтез и объяснения явления. — Местные причины и чужеземные влияния. — Византийский аскетизм и сатанинские служения на Западе. — Нравственное угнетение и реакция. — Оригинальность, деспотическая фантазия и стремление к всеобщему уравнию. — Петр и Иоанн Грозный. — Людовик XI и Фальстаф 116

Глава III. ПЛАНЫ, ПРИНЦИПЫ И ПРИЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ

I. Изобилие планов. — Мнемонические приемы. — Планы эти по большей части — заимствованные. — Подражание Западу. — Неудовлетворительность некоторых существенных понятий. — Правосудие, религия, нравственность. — Умственная непоследовательность. — Практический ум. — II. Общее представление о роли государя. — Столкновение противоречивых принципов. — Отрицание отдельной личности и поглощение её общественной жизнью. — Введение социального принципа в переустройстве страны и признание его крайних последствий. — Первый слуга государства, — Петр представляет в государственное пользование богатства, накопленные его предшественниками. — Наследие Романовых. — Жалованье «Петра Михайловича». — Его расходная книга. — 366 рублей в год. — Обратная сторона медали. — Прихоть и деспотизм. — Слуга заносит руку на своего повелителя. — III. Причины такого противоречия. — Революционный характер реформы. — Присоединение азиатского элемента. — Террористический режим, усугубленный его влиянием. — Историческая преемственность. — Самовластье и розыск. — Любитель-палач. — Всеобщее шпионство. — «Язык». — Тайная канцелярия и судебные заседания Конвента. — Продолжительность такого режима и долготерпение подчиняющегося ему народа. — Соответствие местным нравам. — IV. Система вечных угроз. — Короткая расправа. — Дубинка. — Под топором палача. — Дезертирство. — Карательные меры для его искоренения. — Клеймо. — Вне закона. — Недостаточность таких мероприятий. — Всеобщее бегство. — «Близко к царю, близко от смерти». — Отчужденность родовитых фамилий. — Выскочки. — Их содействие усилению гнета. — Фаворитизм. — Старозаветные традиции. — Их роль в реформе и влияние на её значение 145

Глава IV. ИНТИМНАЯ ЖИЗНЬ

I. Петербургский домик. — Лоцманский обед. — Катя. — Дворец и загородные дома. — Стрельненская липа. — Петергоф. — Царское село. — Ревель. — II. День великого мужа. — Вставание. — Утренняя работа. — За столом. — Обеды в тесном кругу и торжественные банкеты. — Кухня Екатерины. — Что Петр ел и пил. — Придворная роскошь и простота в домашнем обиходе. — Кареты Меншикова и одноколка царя. — Как он одевался. — Простота и чистоплотные привычки. — Тараканы. — III. Развлечения. — Не охотник и не игрок. — Его любимое удовольствие: на воде. — Зимнее плавание. — Весь Петербург на море. — Животные. — Финнета и Лизетта. — Политическая роль собачки. — IV. В обществе. — Встреча с маркграфиней Байрейтской. — В Немецкой слободе. — Сотоварищи развлечений. — Отход ко сну. — Подушка царя. — Приближенные. — Денщики. — Женильба фаворита. — Девица Матвеева 159

Книга вторая. ПРИБЛИЖЕННЫЕ

Глава I. СПОДВИЖНИКИ, ДРУЗЬЯ И ЛЮБИМЦЫ

I. Аристократия и элемент простонародный. — Школа деятелей. — Первые любимцы. — Ромодановский — князь-кесарь. — Приказ тайной полиции. — Красная площадь в Москве. — Старая Русь. — Медведь исполняет обязанности дворецкого. — Честность, энергия, жестокость. — Восточная гибкость. — Шереметев. — Плохой полководец и превосходный солдат. — Меншиков. — Мальчик-пирожник. — Дядька царя. — Безразличное отношение Петра к толкам по этому поводу. — Алексашка делается князем. — Изобилие титулов и должностей. — Всемогущество. — Злоупотребление властью. — Военноначальник. — Администратор. — Достоинства и недостатки. — Апология воровства. — Снисходительность Петра истощается. — Полуопала. — II. Сподвижники второго разряда. — Головин. — Адмирал — не моряк, и министр иностранных дел — не дипломат. — Моряки русские и иностранные. — Апраксин и Крюйс. — Политики и полицейские. — Головкин. — Толстой. — Русский дипломат. Вельможи новой школы: Борис Куракин. — Деятели перворазрядные. — Неплюев и Татищев. — Духовник царя Надежинский. — Матч с секретарем аббата Дюбуа. — III. Деятели второстепенные. — Ягужинский, Шафиров. — Польские евреи. — Веселовские. — Создание нового режима. «Прибыльщики». Курбатов; Соловьев. — Первый русский экономист: Посошков. — Состояние Демидовых. — Ломоносов. — IV. Сподвижники иностранцы. — Часто они несут все трудности, но остаются в тени. — Шереметев и Огилви. — Винушь. — Яков Брюс. — Остерман. — Португальский еврей Девьер. — Наказанный палками полицеймейстер. — Однообразный конец блестящих карьер. — Неизбежное падение. — Французы. — Де Вильбуа. — Драма в постели императрицы. — Англичане. — Перри, Фергюссон. — Негр, предок Пушкина — Ибрагим Ганнибал. — V. Общий обзор. — Статисты и полезности. — Личность великого преобразователя не допускает соперничающих величин. — Петр и Лейбниц. — Посмертная роль великого немца 172

Глава II. ЖЕНЩИНЫ

I. Любовница короля и любовница царя. — Донжуанизм Петра. — Монарх, мало заботящийся о приличиях. — Предприимчивый дядя. — Окружающие женщины. — Княгиня Голицина. — Грубость и цинизм. —

Разврат и скотство. — Другая сторона этих отношений с женским миром. — II. Дебют. — Брак. — Евдокия Лопухина. — Медовый месяц. — Разногласие. — Неудачное супружество. — Разлука. — Монастырь. — Роман затворницы. — Майор Глебов. — Любовные письма. — Допрос. — Следствие. — пытки. — Казнь. — Ревность Екатерины. — Тюрьма. — Месть Евдокии. III. Первая фаворитка. — Анна Монс. — Расточительность Петра. — Обман. — Утешение. — Женский терем Меншикова. — Сестры любимца. — Сестры Арсеньева. — Екатерина Василевская. — IV. Придворные дамы. — Г-жа Чернышова. — Евдокия «бой-баба». — Мария Матвеевна. — Терем и гарем. — Мария Гамильтон. — Любовник и палач. — Лекция анатомии у подножия эшафота. — Последняя соперница Екатерины. — Кантемир. — Торжество супруги и монархини. — Подруги. — Полька. — Г-жа Синявская. Роль женщин в жизни Петра и его роль в участи русской женщины. — Русские нравы в XVII веке. — Ненависть к женщине. — Причина и последствия. — Национальная гениальность и постороннее влияние. — Восток и Византия. — Аскетическое течение. — Семейная жизнь. — Брак. — Домострой. — Варварские нравы. — Женщина — жертва, мужчина — деспот. — Освободительное движение. — Преобразования Петра. — Слабости его. — Важность его дел. — Искупитель 201

Глава III. ЕКАТЕРИНА

I. Прибытие в Россию. — Взятие Мариенбурга. — Происхождение. — Семья пастора Глюка. — В лагерь Шереметева. — В дом Меншикова. — Женский терем. — Екатерина Трубачева. — Мать «Петрушки». — Бракосочетание. — Прежняя служанка становится государыней. — II. Отзовы современников. — Барон Пельниц. — Маркграфиня Байрейтская. — Кампредон. — Портреты из галереи Романовых. — Ни красоты, ни изящества. — Энергичный темперамент; уравновешенный ум. — Жена офицера. — Ее влияние на Петра. — Очаровательница и укротительница. — Их переписка. — Супружеская дружба. — Политическая роль государыни. — Ее благодеяния и заблуждения. — Торговля влиянием. — Тучи на домашнем горизонте. — III. Екатерине удастся их рассеять. — Восходящий рост ее счастливой судьбы. — Смерть Алексея. — Мать наследника. — Она навязывает свою семью. — Ямщик с рижской дороги. — Ревельская проститутка. — Сапожник. — Все графы и вельможи. — Вершина. — Коронация. — Вопрос о престолонаследии. — На краю бездны. — Преступная связь. — Камергер Монст. — Казнь. — Испытание и угрозы. — Сомнительное примирение. — Смерть Петра и окончательная победа Екатерины. — Она плохо пользуется ею. — Снова появляется служанка. — Шестнадцатимесячное царствование 223

Часть третья. ДЕЛО

Книга первая. ВНЕШНЯЯ БОРЬБА. ВОЙНА И ДИПЛОМАТИЯ

Глава I. ОТ НАРВЫ ДО ПОЛТАВЫ (от 1700 до 1709 г.)

I. Традиционная двойная программа внутренней и внешней политики. — Петр начинает с внешней. — Вековое колебание завоевательных стремлений между югом и севером. — Изменение политики императора австрийского побуждает Петра избрать север пунктом нападения. —

Свидание в Раве. — Союз с Августом. — Четверной союз. — Паткуль. — Петр решает действовать заодно с Саксонией и Данией против Швеции, но дожидается подписания мира с Турцией. — Договор в Преображенском. — Известия из Константинополя. — В поход на Нарву. — Прибытие Карла XII. — Бегство Петра. — II. Катастрофа. — Печаль и малодушие царя. — Провидеясь к Польше, Карл дает ему время собраться с силами и скрепить союз с Августом. — Новые приготовления к войне. — Свидание в местечке Биржах. — Новые неудачи и первые успехи. — Петр при устье Невы. — «Ключ к морю». — Петербург. — Петр водворяется в Ингерманландии и в Лифляндии, Август теряет Польшу. — Приготовления к решительной борьбе. — III. Дипломатическая компания. — В поисках за посредничеством. — Князь Голицын в Вене. — Матвеев в Гааге и в Париж — Князь Димитрий Голицын в Константинополе. — «Турецкие воды». — Переговоры о союзе в Берлине. — Карьера и смерть Паткуля. — Победа шведа над лифляндцем. — Арвед Горн. — Альстрангтадт. — Измена Августа. — Дипломатическая двойственность. — Битва при Калише. — Попытка двух государей получить отдельный мир. — Аврора фон Кенигсмарк в лагерь Карла XII. — Посланники и лазутчики Петра при европейских дворах. — Отрицательный результат. — Петр остается один лицом к лицу с Карлом. — Он решает сразиться в своей стране. — IV. План кампании Карла. — Мазепа. — Широкие замыслы. — Первое препятствие. — Колебания гетмана. — Задержка на пути Левенаупта. — Лето проходит. — Перспектива зимней кампании. V. Поход Карла на юг. — Победа при Головчине. — Поражение Левенаупта при Лисне. — Голод. — Мазепа решается. — Слишком поздно! — Украина ускользает от него. — Осада Полтавы. — Надо взять или умереть. — Деморализация шведской армии. — Карл ранен. — Шансы Петра на победу увеличиваются. — Встреча. — Поражение шведов. — Его последствия. — Развалины прошлого и Россия будущего. 246

Глава II. ОТ БАЛТИЙСКОГО МОРЯ ДО КАСПИЙСКОГО

I. Полтавская победа не дает мира России. — Политика всестороннего распространения. Происхождение панславизма. — Европейские союзы. — Дипломатия царя. — Его ошибки и промахи. — Стремясь на запад, Петр теряет из вида юг. — Дипломатическая борьба в Константинополе. — Карл XII берет вверх. — Звонкие доказательства. — Объявление войны. II. План кампании, составленный Петром. — Его недостаток. — Он не принимает в расчет уроков прошлого. — Поход на Яссы. — Одинаковая ошибка с Карлом. — Новая Украина и второй Мазепа. — Сообщения, отрезанное татарами. — Русская армия окружена вместе с царем на берегах Прута. — Безвыходное положение. — Новое малодушие Петра. — Письмо в Сенат. — Престолонаследие завещается достойнейшему. — Сомнительная подлинность документа. — Роль Екатерины. — Бриллианты будущей царицы. — Спасение. — Визирь согласен начать переговоры. — Влияние бакшиша. — Неожиданные условия. — Очищение Азова. — Быстрота, с которой Петр сбрасывает свою тревогу и утешается в своих потерях. — «Несравненные приобретения». — Торжество настойчивости. — Стычка под Бендерами. — Карл XII пленник. — III. Вмешательство союзников лишает Петра добиться возможности мира со Швецией. —

Соперничество и ссоры. — Осада Штральзунда. — Попытки сближения с Англией и Пруссией. — Петр счастлив только, когда действует самостоятельно. — Покорение Финляндии. — Его победа в Германии приносит пользу только Пруссии. — Взятие Шеттина и договор о секвестре. — Карл XII снова появляется в Штральзунде. — Первые шаги Герца. — Взятие Висмара. — Петр опять трудился в пользу прусского короля. — Проект русско-датской экспедиции в Шонию. — Морская демонстрация в Копенгаген. — Петр командует соединенными эскадрами Дании, Голландии, Англии и России. — Экспедиция не состоялась, благодаря несогласиям. — Вина приписывается Петру. — Его вмешательство в германские дела вызывает всеобщий гнев. — Раздражение Англии. — Предположение захватить царя и попить его эскадру. — Петр получает отвращение к своим союзникам.

IV. Мысль Герца. — Проект отдельного союза между Россией и Швецией. — Французское происхождение такого плана. — Он приводит в восторг Петра. — Путешествие во Францию. — Тайное свидание с Герцем. — Амстердамский договор между Россией, Францией и Пруссией. — Принятие французского посредничества. — Аландский конгресс. — Смерть Карла XII прерывает переговоры. — Казнь Герца. — V. Возобновление аландских переговоров. — Спротивление шведов. — Способы понуждения. — Высадка русских в Швеции. — Англия вступает в пользу шведов. — Безрезультатная морская демонстрация. — Дипломатическое вмешательство Франции. — Кампредон. — Ништадский мир. — Радость торжества. — Императорский титул. — Адмирал и император всея Руси. — Благодать мира. — Снова война. — VI. Восточная граница. — Дорога в Индию. — Неудача первых попыток в этом направлении. — Система мелких отрядов. — Новые попытки военные и дипломатические относительно Персии. — Волынский. — Великая экспедиция 1722 года. — Петр сам её предводительствует. — Взятие Дербента. — Вынужденное отступление. — Вмешательство Турции и Англии. — Временное соглашение. — Армяне просят покровительства царя. — Христианская паства Востока. — Новая попытка движения на Дальний Восток. — Экспедиция на Мадагаскар. — Направление и естественные границы колонизаторского могущества России. — Смерть Петра возвращает к ним его преемников 280

Глава III. НА ВЕРХУ СЛАВЫ. — ВО ФРАНЦИИ

I. Первый план путешествия во Францию и постигшая его неудача. — Обида Петра. — Попытки сближения. — Почин принадлежит Франции. — Дю-Герон. — Балюз. — Путешествие Матвеева в Париж. — Полный разрыв дипломатических сношений. — Сближение происходит вне сферы политики. — Французы в России и русские во Франции. — Двойной поток переселения. — Французская колония в С.-Петербурге. — Странный приход. — Отец Кальо. — Возобновление переговоров. — Лефорт. — Граф де-ла-Марк. — Возобновление переговоров. — Плохие дела в Германии заставляют Петра искать поддержки во Франции. — Путешествие в Париж решено. — II. Прибытие в Дюнкерхен. — Инкогнито царя. — Свита из восьмидесяти человек. — Требовательный государь. — Злоключение де Либуа. — Граф де-Мальи-Нель. — Вопрос об одноколке. — Странный способ передвижения. — Ужин царя в Бовэ. — Прибытие в Париж. — Апартаменты в Лувре. — Билет на постой во Французской академии. — Отель Ледигьер. —

Три дня заключения. — До выхода Петра ожидает визита короля. — Церемониал. — Забытый этикет. — В объятиях царя. — Петру возвращена свобода. — В качестве туриста. — «Одежда дикаря». — Любопытство, подозрительность, скупость. — Вечер в опере. — Царю прислуживает регент. — Неудовольствие принцев и принцесс. — Неприятное приключение герцогини Сен-Сира. — Легенда и история. — Письмо 2-жи де-Ментонен. — Посещение научных учреждений. — Серьезные занятия и развлечения. — Обратная сторона медали. — Оргии в Трианон. — Возвращение из Фонтенбло. — Отъезд. — Необычайная щедрость. — Царю приходится расплачиваться. — По пути в Спа. — III. Политический результаты. — Вначале они ничтожны. — Упражнение в дипломатической вольтижировке. — Царь один хочет серьезно вести переговоры. — Гаагский конгресс. — Платонический договор. — Недостаточность дипломатического представительства с той и с другой стороны. — Дипломаты в долгу. — Барон фон Шлейниц и Селламар. — Новые шаги со стороны царя. — Их тайная причина. — Он желает выдать дочь замуж во Францию. — Цесаревна Елизавета. — Людовик XV или герцог Шартрский? — Холодный прием, оказанный Францией этим предложениями. — Молчание Дюбуа. — Его причины. — Внутреннее разногласие. — Франция желает союза политического, а Россия союза родственного. — Отсутствие почвы для соглашения. — Союз будущего 305

Книга вторая. БОРЬБА ВНУТРИ ГОСУДАРСТВА. РЕФОРМЫ

Глава I. НОВОЕ НАПРАВЛЕНИЕ. КОНЕЦ СТРЕЛЬЦОВ. ПЕТЕРБУРГ

I. Новое направление. — Вопрос предварительный. — Реформы и самобытная культура старой Москвы. — Славянофилы и западники. — Происхождение преобразовательного движения. — Каким образом эволюция превратилась в революцию. — Общий характер переворота. — Порядок, в каком могут быть изучены результаты, им достигнутые. — Символические черты. — II. Конец стрельцов. — Его причины. — Новая армия и старая милиция. — Неудовольствие последней. — Бунт. — Петр пользуется им для целой истребления. — Грандиозные розыски. — Четырнадцать застенков. — Отрицательные результаты. — Царевна Софья. — Ее соучастие наказано. — Все-таки её принуждают к пострижению. — Массовые казни. — Петр в них участвует. — Верховный судья. — Место казней в Москве. — Лобное место. — III. Петербург. — До и после Полтавы. — Крепость или столица? — Причины, побудившие Петра перенести туда резиденцию правительства. — Осуждения и оправдания. — Народные заветы 332

Глава II. РЕФОРМА МОРАЛЬНАЯ. ПРИОБЩЕНИЕ УМСТВЕННОЕ

I. Нравы. — Славянофильские тезисы. — Идиллические нравы старой Руси. — Действительность. — Грубость и дикость. — Разбойничество. — Грубая пошлость семейных нравов. — Пьянство. — Кровавопролитные драки. — Отсутствие духовного идеала. — Дело Петра. — Моральное основание, побудившее его к тому приступить. — Непоследовательность и мелочность первых попыток. — Реформа одежды. — Позднейшие

успехи. — Реформа календаря. — Либеральное направление нового царствования. — Великая реформа домашнего быта. — Уничтожение терема. — Куда деваться женщине, выйдя из него? — Петр создает указом светскую жизнь. — Ассамблеи. — Неудовлетворительность достигнутых результатов с точки зрения развития общественности. — Причины. — Петр сам совершенно несветский человек. — Отсутствие двора, дающего тон обществу. — Тон, царящий среди приближенных царя, далеко не напоминает Версаль. — Грубость господствующих привычек. — Официальное празднество в Почтамте. — Балы в Летнем саду. — Прием дипломатического корпуса в Петергофе. — Развращение и цинизм нравов. — Наслоение разврата. — Изменение осталось поверхностным. — Однако великий моральный переворот совершился. — Школа примера. — II. Просвещение. — Школьные учреждения великого царствования. — Смелость и ширина теоретических принципов. — Нерешительность и скудость практического применения. — Обучение всеобщее и обучение профессиональное. — Школа первоначальные и высшие учебные заведения. — Недостатки. — Отсутствие учеников. — Отправка молодых людей за границу. — Посредственные результаты. — Россия осталась данницей Европы. — Академия наук. — Истинная школа великого царствования. — Снова пример. — III. Приобщение умственное. — Новый язык. — Книги. — Начало архивов и библиотеки. — Музеи. — Даровой вход. — Училище живописи и ваяния. — Искусство дидактическое. — Театр. — Печать. — Общий обзор 350

Глава III. РЕФОРМА ДУХОВЕНСТВА. — УПРАЗДНЕНИЕ ПАТРИАРШЕСТВА

I. Церковь. — Феофан Прокопович. — Умственная пропаганда и реформа духовенства. — Киевский центр. — Неустойчивое положение древнерусской церкви. — Преуснейшие материальное и нравственное убожество. — Опасность раскола. — Реформа становится необходимой для преобразователя. — Смерть патриарха Адриана развязывает руки. II. Патриаршество. — Установление временного блюстителя патриаршего престола. — Стефан Яворский. — Петр обрушивается прежде всего на монашество. — Подчинение черного духовенства. — Раскольничьи бунты. — Борьба. — Петр поддается её увлечению. — Стефан Яворский не исполняет своего назначения и изменяет правительству. — Конфликт. — Постепенное разрушение остатков патриаршей власти. — Раскрывшаяся бездна. — Необходимость коренной реформы. III. Святейший Синод. — Духовный устав. — Программа и памфлет — Всеобщее неудовольствие. — Оно не останавливает преобразователя. — Упразднение патриаршества. — Учреждение Святейшего Синода. — Дух реформы. — Ее результаты 375

Глава IV. РЕФОРМА. ТАБЕЛЬ О РАНГАХ

I. Дворянство. — Был ли Петр преобразователем общественным? — Общественные подразделения Древней Руси. — Служивые люди Иоанна III. — Тройная роль, военная административная и экономическая, им принадлежит. — Петр создает из них дворянство. — Новое распределение должностей и привилегий. — Всеобщая военная повинность. — Табель о рангах. — Коллективизм. — II. Крестьяне. — Сельское население. — Два разряда крестьян. — Влияние политики и законодательства Петра на их положение. — Общее закрепощение. — Государственные основания. — Обширность России и выкупные деньги. — Крестьянин — платежная сила. —

III. Горожане. — Попытки Петра к их созданию. — Усилия бесплодные и непоследовательные. — Городское самоуправление и бюрократия. — Дворянство и разночинцы. — Близорукость преобразования. — Дело великого значения. — Социализация церкви 384

Глава V. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

I. Промышленность. — Руководящие мысли. — Их важное значение и сравнительная устойчивость. — Причины, отчасти испортившие их плоды. — Общая ошибка. — Петр хочет создать промышленную и торговую жизнь путем указов. — Дух меркантилизма. — Протекционизм. — Государственная промышленность. — Петр-фабрикант коломенки. — Непрочное положение созданных учреждений. — Создатель их, наконец, находит благодарственную почву. — Горная промышленность. — II. Торговля. — Торговая монополия. — Либеральное направление Петра. — Требования войны заставляют его от них отказаться. — Теоретическое возвращение к либерализму. — Сохранение на практике приемов произвола. — С.-Петербургский порт. — Каналы. — Дороги. — Торговля караванная. — Рынок Персии и Индии. — III. Сельское хозяйство. — Петр-земледелец и лесничий. — Общий обзор. — Двойное препятствие к его экономическому прогрессу, морального и политического свойства. — IV. Финансы. — Бюджет. — Видимость и действительность. — Опять требования войны. — Ревизия кадастра. — Неблагоприятные результаты. — Новые способы. — Дефицит. — Возвращение к более здоровым взглядам. — Общая реформа податей. — Замена поземельной подати подушной. — Частичное сохранение прежних заблуждений. — Несостоятельность 391

Глава VI. РЕФОРМА ПОЛИТИЧЕСКАЯ

I. Администрация. — Дух и форма. — Городское самоуправление. — В действительности это только фискальный прием. — Первые восемь губернаторов. — Другой способ. — Административная децентрализация. — Сенат. — Учреждение постепенно развивается и становится органом централизации. — Поглощение и слияние власти. — Контроль административный и финансовый. — Фискалы. — Их непопулярность. — Прокуроры. — Общие недостатки этих нововведений. — Отсутствие единства и равновесия. — Коллегии. — Отсутствие общей руководящей нити при их учреждении. — Новые элементы неустройства. — Изобилие органов административных и недостаток администраторов. — II. Полиция. — Преследование разбойничества. — Нравственный уровень общества служит препятствием его успеху. — III. Правосудие. — Петр поздно обращает на него внимание. — Он хочет все сделать сразу. — Причины неуспеха. — Общее политическое направление является отрицанием понятия о законности. — Непрерывающаяся законодательная деятельность составляет препятствие для кодификации. — Отсутствие юридических принципов и юристов. — Общий надзор 403

Глава VII. АРМИЯ И ФЛОТ

I. Армия. — Примеры прошлого. — Петр лишь ускорил движение. — Странное начало. — Потешные полки. — Достоинства и недостатки новых образований. — Материя и дух. — Опыт Нарвы. — На верном пути. — Нравственный элемент. — II. Флот. — Примеры прошлого. — Спешный и неуместный характер нового дела. — Флот военный и флот торговый. — Двойная неудача. — Что осталось от работы после смерти работника 418

Глава VIII. ОПОЗИЦИЯ. ЦАРЕВИЧ АЛЕКСЕЙ

I. Спротивление общее и единичное. — Заговоры и покушения. — Характер оппозиции, олицетворенной Алексеем. — II. Воспитание царевича. — Первое столкновение с отцовским авторитетом. — Алексей не хочет быть солдатом. — Удаление в Москву. — Взаимная симпатия. — Духовенство и знать. — Мысль о перемене царствования. — Новое вмешательство отца. — Алексей должен служить. — Плохой рекрут. — Царевич, больной, не принимает участие в Полтавской битве. — Петр отправляет его за границу, чтобы учиться и выбирать жену. — Брак. — Принцесса Шарлотта. — Медовый месяц и близкий конец супружеской гармонии. — Алексей — глава партии. — Смерть Шарлотты. — У Екатерины рождается сын. — Лишение престолонаследия. — Царевич или монах. — Первое и второе принуждение. — III. Легенда. — Шарлотта жива. — Ее приключение. — Последнее слово загадки. — IV. Последние требования. — Петр призывает сына к себе. — Бегство царевича. — Преследование. — Царские сыщики. — В Вене. — В Эрзбурге. — В Неаполе. — Вмешательство Ефросиньи. — Предательство любовницы. — Алексей выдан. — Возвращение. — V. Отречение. — Допрос в Москве. — Алексей выдает своих друзей. — Казни. — Отцовское прощение. — Планы будущего. — Брак с Ефросиньей. — Доверие и счастье бывшего наследника. — VI. Петербург. — Прибытие любовницы. — Ее опрос. — Свидетель, поддерживающий обвинение. — Новый допрос. — Сцепление обстоятельств. — Задержание царевича. — Предание суду. — пытки. — Признание и отречение. — Верховный суд. — Арест. — VII. Смерть. — Различные версии. — Возможные предположения. — Действительность и нравственная ответственность. — Мнение Европы. — Суд потомства. — Вольтер. — Перед судом истории 428

Глава IX. ЗАВЕЩАНИЕ ПЕТРА ВЕЛИКОГО. — ЗАКЛЮЧЕНИЕ

I. Смерть Петра. — II. Завещание апокрифическое и подлинное завещание великого мужа. — III. Общий обзор 458

ЦАРСТВО ЖЕНЩИН

Предисловие 475

Часть первая. ЖЕНА И ВНУК

Глава I. ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПЕРЕВОРОТЫ, ВОЗВЕДЕННЫЕ В ПРАВИЛО. ЕКАТЕРИНА I

I. Наследие Петра Великого. — Никаких указаний. — Ни завещания, ни династии, ни закона о престолонаследии. — Партии. — Екатерина, руководимая умными советниками, действует ловко. — День 28 января 1725 г. — Наскоро созванное избирательное собрание. — Вмешательство гвардии. — Избрание Екатерины. — II. Периодические государственные перевороты. — Военная диктатура. — Политические и общественные последствия. — Свобода сословий. — Правление женщин. — Его исторические элементы. — Женщина в славянской старине. — Русские женские типы. — III. Нравственный облик новой государыни. — Окружающие и двор. —

Приближенные. — Семья. — Голишинский дом. — Герцогиня Курляндская. — Наперсники и любовники. — Искатели приключений — немцы и польские перебежчики. — Левенвольд. — Сапега. — Интимные нравы. — Непрерывные оргии. — Видимое отсутствие правительства. — Ключ к загадке 477

Глава II. ФАВОРИТИЗМ. МЕНШИКОВ

I. — Историческое происхождение фаворитизма. — Борьба Меншикова с его соперниками. — Острое столкновение. — Учреждение Верховного Совета. — Характер и последствие реформы. — Периодический упадок самодержавия. — Екатерина не имеет никакого значения. — Самодержавие и фаворитизм в опасности. — Месть Меншикова. — II. Вопрос о престолонаследии. — Агитация в пользу Петра Алексеевича. — Проект замужества. — Вмешательство Дании и Австрии. — Граф Рабутин. — Девица Крамер. — Петр Алексеевич, жених Меншиковой. — Торжество фаворита. — Смерть Екатерины. — Ее завещание. — Восшествие на престол Петра II. — III. Общие итоги царствования. — Участие Екатерины. — Ничтожество и грязь. — Почему Россия не последовала за ней в этом падении. — Страна и ее естественные богатства. — Зататки силы и причины слабости. — Преобразование без преобразователя. — Бессилие страны продолжать. — Финансовые затруднения. — Экономия поневоле. — Спасают внешность. — Академия наук. — Внешний престиж. — Дипломатия Петра Великого. — Положение Европы. — Союз с Францией. — Причины его неудачи. — Людовик XV и Елизавета. — Угрозы войны. — Союз с Австрией. — Присоединение Пруссии. — Первый тройственный союз. — Основание его и виды в будущем. — Итог. — Внутреннее и внешнее развитие задержались, но не прекратились. — Развитие продолжается 493

Глава III. БАБЬЯ ВОЙНА. МОРИЦ САКСОНСКИЙ

I. Курляндское наследство. — Происхождение кандидатуры Морица Саксонского. — Проект брака с Анной Иоанновной и Елизаветой Петровной. — Мориц в Польше. — Его успехи у варшавских дам. — Август II поддерживает его. — Оппозиция польской знати. — Перемена в отношениях короля. — Тайный отъезд Морица в Митау. — Он увлекает Анну Иоанновну и приобретает расположение курляндцев. — Его избрание. — II. Борьба парий в Петербурге. — Юбки за Морица. — Кандидатура Меншикова. — Его прибытие в Митау. — Свидание с Морицом. — Ложные слухи. — Мориц выходит победителем. — III. Проект договора в его пользу между Августом II и Россией. — Неудача. — Польский сейм высказывается против курляндского избранника. — Изнание. — Новые планы брака и любовные похождения Морица. — Герцогиня курляндская на его стороне. — Двойное вмешательство России и Польши. — Бежество Морица. — IV. Он возобновляет переговоры. — Шансы на успех у Елизаветы. — Окончательное разочарование. — V. Эпизод. — Десять лет спустя. — Снова проснувшиеся иллюзии. — Коронация Елизаветы в Москве. — Приглашение туда Морица. — Многообещающий прием. — Роман обрывается. — Судьбы Курляндии и России 512

Глава IV. ИМПЕРАТОР ЗАБАВЛЯЕТСЯ. — ПЕТР II

И. Воспитание юного императора. — Многообещающее начало. — Любознательность и задатки великодушия. — Выбор воспитателя. — Остерман. — Водворение в доме Меншикова. — Ловкая политика временщика. — Он пытается примириться с Долгоруким и удаляет герцогов Голишинских. — Полное торжество. — II. Болезнь временщика. — Либеральные мероприятия Верховного Совета. — Освобождение Евдокии. — Новые вейня. — Сестра и тетка. — Наталья и Елизавета. — Соперник. — Иван Долгорукий. — Его семья возвращается к своим прежним чувствам. — Петр приобретает вкус к независимости и рассеянной жизни. — Увлечение охотой и утехами любви. — Участие в кутежах. — Мария Меншикова позабыта. — Выздоровевший временщик пытается изменить положение дел. — Столкновения. — Праздник в Ораниенбауме. — Немилость. — Изгнание Меншикова в Ораниенбург. — Разрыв помолвки. — III. Новое соперничество. — Борьба Остермана и Натальи Алексеевны против Долгоруких. — Отъезд в Москву. — Надежды Остермана на Евдокию. — Бабка и внук. — Разочарование. — Торжество Долгоруких. — Коронование. — Ссылка Меншикова в Сибирь. — Бердов. — Печальная участь семьи. — IV. Петр II продолжает развлекаться. — Тщетные старания заинтересовать его делами. — Его увлечение охотой и страсть к кутежам усиливаются. — Кровосмесительная любовь. — Эгерия, превратившаяся в вакханку. — Кочевая жизнь. — Новая привязанность. — Немилость Елизаветы. — Смерть Натальи. — V. Екатерина Долгорукая. — Романическое прошлое. — Искусное кокетство. — Бродячая жизнь. — Нет более правительства. — Горенки. — Разочарование и недоверие. — Ловушка 528

Глава V. ОЛИГАРХИЯ И АНАРХИЯ. ВЕРХОВНИКИ

И. Премники Меншикова. — Олигархическая партия. — Голицыны и Долгорукие. — Разделение власти. — Расстройство и подчинение правительству иных функций. — Верховный совет и Сенат. — Удаление Петра II от дел. — II. Результаты. — Дезорганизация высшей и низшей полиции. Уничтожение Преображенского приказа и его последствия. — Пожары и грабежи. — Неудачная законодательная попытка. — Выгодные финансовые мероприятия, введенные по инициативе Остермана. — Устранение от дел его коллег. — Он один представляет собой правительство. — Расстройство армии и флота. — Умственное движение замерло. — Религиозные смуты. — Выжидательная политика. — Внешность сохраняется. — Автоматические действия на востоке. — Договор с Китаем. — Экспедиция Беринга. — III. Всеобщая косность и реакционное течение, недостаточно вознаграждаемое подобными успехами. — Свидетельства современников. Противоречивые мнения. — Почему правительство Петра II было популярным. — Олигархия, граничащая с анархией. — Временное благодеяние режима. — Почему Россия могла его вынести. — Перспективы будущего 553

Глава VI. ЦАРСКАЯ ТРАГЕДИЯ. — ЕКАТЕРИНА ДОЛГОРУКАЯ

И. Обручение Петра II и Екатерины Долгорукой. — В Лефортовском дворце. — Зловещее предзнаменование. — Неуместная встреча. — Граф Миллесимо. — Приветственная речь Василия Долгорукого. — Долгорукие на верху величия. — Матримониальные планы Ивана

Алексеевича. — Отказ Елизаветы. — Наталья Шереметева. — Новая помолвка. — II. Загадочное поведение Петра II. — Тайные свидания с Остерманом и Елизаветой. — Испуг и ссоры Долгоруких. — Их хищения. — Болезнь царя. — Смертельная опасность. — Семейный совет в Головинском дворце. — Несогласия. — Составление завещания, провозглашавшего наследницей Екатерину Долгорукую. — Замышляемый предлог. — Иван Долгорукий и «Царская рука». — III. Препятствия. — Сопротивление Верховного Совета. — Враждебность гвардии. — Чрезвычайные меры. — Беременность Екатерины. — Последние попытки. — Евдокия отказывается. — Остерман зорко следит. — Бессилие фаворита. — Смерть Петра II 566

Часть вторая. АННА I

Глава VII. ПОПЫТКА ВВЕДЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ. — ПЕРВАЯ РУССКАЯ ПАРТИЯ

I. Ночные совещания в Лефортовском дворце. — Верховный Совет присваивает себе право заместить незанятый трон. — Избрание Анны Иоанновны. — Проект конституционной реформы. — Ее происхождение и примеры прошлого. — «Пункты». — Политический идеал Дмитрия Голицына. — Приветствия новой императрицы. — Первая русская хартия. — Верховный Совет скрывает ее. — Опасность этого способа. — II. Оппозиция. — Духовенство. — Феофан Прокопович. — Дворянство. — Противоположные мнения. — Волнение. — Анна принимает «пункты». — Дворянство желает обсудить их. — Противоположные проекты и подписание их. — Они берут верх над Советом. — Попытки примирения. — III. Приезд Анны. — Первое нарушение конституционной хартии. — Тайное содействие Остермана неограниченной власти. — Анна намеревается восстановить ее путем государственного переворота. — Уверенность в содействии гвардии. — Движение в пользу самодержавия в среде дворянства. — IV. 25 февраля. — Дворянская петиция. — Дворянство желает обсудить основания нового управления. — Вмешательство герцогини Мекленбургской. — Манифестация гвардии. — Дворянство сдается. — Хартия разорвана в клочки. — V. Ответственная сторона этой неудачи. — Ее последствия. — Падение дворянства. — Мечь. — Ссылки Долгоруких. — В Березове. — Следствие и пытки. — В Новгороде. — Иван Долгорукий. — Бывшая невеста царя. — Наталья Долгорукая. — Ее роман. — Ее записки. — Багровая заря нового царствования 576

Глава VIII. ИМПЕРАТРИЦА И ФАВОРИТ. — БИРОН

I. Признанный и предполагаемый отец Анны Иоанновны. — Василий Юшков. — Двор царицы Прасковьи. — Брак будущей императрицы. — Пребывание в Митаве. — Бестужев. — Портрет государыни. — Физический и духовный образ. — Интимные черты. — Переписка с Салтыковым. — Ум и характер. — Увеселения. — «Говоруны». — Шуты. — Голландские волчки. — Окружающие. — II. Бюрен или Бирон. — Сущность его сношений с Анной. — Источник. — Биография фаворита. — Ходячие суждения об его характере и историческом значении. — Внешняя сторона и действительность этой роли. — Фаворит и герцог Курляндский. — Его сподвижники. — Еврей Мейман. — Семья Бирона. — Настоящие причины его

непопулярности. — III. Немецкая гегемония и роль иностранного элемента в истории России. — Восточное происхождение знатных семейств. — Иностранцы в умственном движении. — Причины этого явления. — Соперничество немцев в царствование Анны Иоанновны. — Бирон и Миних 603

Глава IX. ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА ЦАРСТВОВАНИЯ. — НЕМЦЫ У ВЛАСТИ

I. — Организация нового правительства. — Сенат. — Кабинет. — Олигархия, состоящая из иностранцев. — Остерман и Бирон. — II. Административные реформы. — Возвращение к программе Петра Великого. — Переезд в Петербург. — Законодательство и юстиция. — Реформа и традиция. — Утилитарный характер уголовного процесса. — Одиссея Ваньки Каина. — Жестокость. — Высшая и административная полиция. — Бедность последней. — Пожары. — Нищенство. — Разбои. — Медицинская канцелярия. — III. Финансы. — Бедственное положение финансов, осложняющееся неправильным поступлением налогов. — Медленность экономического развития. — Ее причины. — Переселение. — IV. Военное устройство. — Трудность поддержать его кадры. — Общее бегство. — Манифест 1736 г. — Частичное отступление от принципа обязательной службы. — Его последствия. — Разрыв с народными традициями. — Слишком большая погоня за иностранными образцами. — Роль Миниха. — Упадок флота. — Его причины. — Первое столкновение на море русских с французами. — Военно-учебные заведения. — Их недостаточность. — Кадетский корпус. — V. Народное образование. — Недостаток школ. — Академия наук. — Уход ученого персонала, собранного Петром I. — Россия пользуется плодами иностранной науки. — Байер. — Мюллер. — Научные журналы. — Первые русские ученые. — Адауров. — Тредиаковский. — Татищев. — Вторая экспедиция Беринга. — Благородные усилия. — VI. Правительство Анны и национальные тенденции. — Протестантские и католические тенденции. — Прокопович. — Торжество православия. — Преследование ереси и раскола. — VII. Ложно приписываемый этому царствованию характер иноземной тирании. — Причины такой ошибки. — Так называемые жертвы народного дела. — Румянцев. — Ягужинский. — Долгорукие. — Черкасский. — Волынский. — Его судьба. — Его проекты реформ. — Его процесс и казнь. — Рассказы и история. — Заключение 621

Глава X. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА. — УЧЕНИКИ И ПРЕЕМНИКИ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

I. Осложнения в Персии и в Крыму — Угроза европейской войны. — Австрийский союз — Партия русская и немцы. — Престолонаследие Австрии и Польши. — Лживые переговоры с Францией. — Проекты соглашения с Пруссией и Австрией. — Попытки саксонского двора. — Матримониальный план Августа II. — Девица Огинская. — Окончательное соглашение. — Участь Польши. — Двойное избрание Станислава и Августа III. — Война за престолонаследие Польши. — Взятие Данцига. — Французские пленники в России. — Попытки французской дипломатии в С.-Петербурге. — Бернардони. — Польская конфедерация и ее посланник в Париже. — Озаровский. — «Варвары»

на Рейне. — Мир — Война с Турцией. — Происхождение Восточного вопроса. — Исторические толкования. — «Система Петра Великого». — Ученики великого мужа в Константинополе. — Неплюев и Вишняков. — Они требуют войны. — Сопrotивление Остермана. — Начало враждебных действий в Крыму. — Неудачный поход Миниха. — Разрыв с Портой. — Бездействие Австрии. — Критическое положение. — Дорогой успех под Очаковым. — Россия и Австрия намереваются заключить договор. — Немировский конгресс. — Прекращение переговоров. — Новые неудачи. — Посредничество Франции — Вильнёв. — Победа Миниха под Ставучанами. — Слишком поздно! — Капитуляция Австрии. — Она принуждает Россию заключить невыгодный мир. — IV. Избежнутый разрыв со Швецией. — Партия русская и французская в Стокгольме. — Женское влияние. — «Колпаки» и «шиляпы». — Планы союза между Швецией и Турцией. — Бестужев и Сен-Северин. — Убийство Сен-Клера. — Возбуждение общественного мнения в Швеции. — Торжество русской дипломатии. — V. Ее успех в Польше. — Образование русской партии. — Благоприятное для России разрешение курляндского вопроса. — Новый проект конфедерации, поощряемый Пруссией. — Смерть Карла VI. — Опасность новых осложнений. — Ла Шетарди в Петербурге. — Общий обзор — Политика укрепления внутреннего и внешнего. — Присоединение Малороссии. — Умиротворение, достигнутое на берегах Урала. — Сношение с Китаем. — Национальное стремление к распространению и политике немцев 656

Глава XI. ДВОР И ОБЩЕСТВО. — СМЕРТЬ АННЫ I

I. Утро при дворе Анны Иоанновны. — Картина живописца Якоби. — Два фасада царского жилища. — Интимная обстановка. — Обитатели. — «Зверинец». — Слуги и шуты. — Придворные шуты во Франции и в России. — Шико и Балакирев. — Князь Квасник. — Его свадьба. — Ледяной дом. — Наружное убранство. — Нарушение обычаев. — Подражание западным образцам. — Организация двора. — Приемы. — Балы. — Театр. — Новая роскошь. — Сохранившаяся грубость обычаев под европейским лоском. — Нравы и чувства. — II. Общественный строй. — Простой народ и аристократия. — Переходная эпоха. — Типы прошлого и настоящего. — Василий Головин. — Его карьера и удаление. — Наследственная эксцентричность. — Причины непосредственные и отдаленные. — Нарушение морального равновесия. — Вековая отчужденность. — Отсутствие общения между различными слоями общества. — Их антагонизм. — Отсутствие руководящего принципа. — Преобразовательный фермент, проникнувший с реформой. — Стремление к эмансипации. — Действие в обратном смысле новых законодательных мероприятий. — Окончательное установление крепостного права. — Как оно содействовало развитию местного самоуправления в народной среде. — Общий баланс. — III. Болезнь Анны Иоанновны. — Вопрос о престолонаследии и регентстве. — Интриги Бирона. — Двусмысленное поведение Остермана. — Вмешательство Миниха. — Объявление фаворита регентом. — Смерть императрицы 678

Часть третья. ДВА ЦАРСТВОВАНИЯ

Глава XII. ПАДЕНИЕ БИРОНА

I. Бывший фаворит у власти. — Мирное начало регентства. — Мнение современников. — Мардефельд. — II. Первые мероприятия регента. — Милости. — Попытки приобрести популярность. — Проявления враждебности. — Борьба с Брауншвейгской фамилией. — Столкновение. — Видимая победа регента. — Сближение с Елизаветой. — Проекты союза с Голштинским домом. — Катастрофа. — III. Миних у Анны Леопольдовны. — Подготавливаемое покушение. — Ужин у регента. — Неожиданность. — Заключение Бирона в Шлиссельбург. — Его процесс. — Смертная казнь, замененная пожизненной ссылкой. — В Пельме. — В Ярославле. — Переход Гедвиги Бирон в православие. — Судьба Курляндского герцогства. — Возвращение Бирона в Митаву. — Его отречение. — Смерть. — Его потомство 703

Глава XIII. АННА ЛЕОПОЛЬДОВНА

I. Нравственный облик новой регентши. — Политическая бездарность. — Интимная жизнь. — Юлия Менгден. — Сплетни по поводу этой дружбы. — Граф Линар. — Возобновление прежнего романа. — Портрет графа, сделанный Екатериной II. — Снова брак втроем. — Криптографическая переписка. — Бесполезное вмешательство Антона-Ульриха. — Ожидание нового фаворита. — II. Преобразование высших должностей после падения Бирона. — Миних — первый министр. — Попытки к диктатуре. — Оппозиция Остермана. — Злосчастная болезнь фельдмаршала. — Отставка. — Падение. — III. Значение этого нового переворота. — Личное управление Анны Леопольдовны. — Результаты внутренней политики. — Непоследовательность. — Продажность высших сановников. — Более важные последствия во внешней политике. — Противоречивые союзы. — Между Пруссией и Австрией. — Необходимость решения. — Склонность Анны Леопольдовны к Австрии. — Оптимизм Мардефельда. — Весь мир можно купить. — Угроза разрыва со Швецией. — Напрасное воззвание к Фридриху II. — Объявление войны. — Первые успехи русского оружия. — Плохие надежды в будущем. — Союз с Англией и разочарование им. — Двусмысленное отношение Дании. — Опасность конфликта с Турцией и Персией. — Настоящая опасность 716

Глава XIV. ЕЛИЗАВЕТА

I. Легенда и история. — Предполагаемое участие Франции и национального элемента в декабрьском перевороте 1741 г. — Действительность. — Молодость Елизаветы. — Воспитание. — Крылья подрезаны. — Первая любовь. — Венера и Минерва. — Первое тщеславие. — Удаление. — Одиночество. — Темные связи. — Предполагаемый брак. — Алексей Разумовский. — Видимый упадок. — II. Движение в казармах в пользу царевны. — Причины его. — Его агенты. — Салтыкова. — Преобладание иностранных элементов в заговоре. — Шварц. — Грюнштейн. — Роль хирурга Лестока. — Питерские тайны. — Корреспонденция по этому предмету, между Мардефельдом и Фридрихом II. — III. Отношение Елизаветы к Франции и Швеции. — Призыв к первой. — Уклончивый ответ ла Шетарди, одобренный его правительством. Попытки Нолькена. —

<i>Он предлагает помощь шведской армии. — Перемена в Версале, основанная на союзе против Австрии. — Приказ ла Шетарди способствовать этому. — Нолькен просит у Елизаветы письменного приказа и отступления от политики завоевания Петра Великого. — Нерешительность царевны. — Отступление. — Отъезд Нолькена. — Отставка ла Шетарди. — Швеция неожиданно объявляет войну России. — Отсутствие единения. — Ни плана, ни направления. — Скупость ла Шетарди. — Елизавета считает себя покинутой. — Попытка сватовства принца Конти. — Отказ Елизаветы. — Неудача заговора. — IV. Неожиданное совпадение обстоятельств ускоряет развязку. — Бурные встречи во дворце. — Лесток, покинутый Елизаветой. — Приказ об отправлении гвардейцев. — Решительный поступок. — Новые просьбы о деньгах у ла Шетарди. — Отказ. — Революция без Франции. — V. Ночь 4 декабря. — Собрание в доме Елизаветы. — У Преображенцев. — К Зимнему дворцу. — Покушение. — Бывший император на руках новой императрицы. — Заключение</i>	730
---	-----

ДОЧЬ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

<i>Предисловие</i>	759
------------------------------	-----

Часть первая. ВНУТРЕННЯЯ ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА

Глава 1. НОЯБРЬСКИЙ ПЕРЕВОРОТ 1741 г.

<i>I. Первые годы. — Первые испытания. — «Подрезанные крылья». — Первые любовные увлечения. — «Венера» и «Минерва». — Первые честолюбивые порывы. — Уединение. — Темные связи. — Предполагаемый брак. — Алексей Разумовский. — II. Движение в казармах в пользу цесаревны. — Ее побуждения. — Ее агенты. — Салтыков. — Преобладание иностранцев в организации заговора. — Роль хирурга Лестока. — Тайны Цитера — Перениска Мардефельда с Фридрихом II по этому поводу. — III. Отношение Елизаветы к Франции и Швеции. — Обращение к содействию Франции. — Уклончивый ответ Шетарди, одобренный его двором. — Предложения Нолькена. — Перемена намерений в Версале, вызванная проектом коалиции против Австрии. — Приказания Шетарди содействовать заговору. — Нолькен требует от Елизаветы письменного обязательства и отказа от земель, завоеванных Петром Великим. — Колебания Цесаревны. — Отказ. — Отъезд Нолькена. — Швеция внезапно объявляет войну России. — Ни плана, ни руководства. — Скупость Шетарди. — Елизавета считает себя оставленной всеми. — Матримониальные планы принца Конти. — Отказ Елизаветы. — IV. Неожиданное стечение обстоятельств ускоряет развязку заговора. — Бурное свидание в Зимнем дворце. — Елизавета выдает Лестока. — Приказание выступления, отданное гвардейским полкам. — Решительные действия. — Новая просьба о пособии, обращенная к Шетарди. — Отказ. — Революция без участия Франции. — V. Ночь 24 ноября. — Собрание в доме Елизаветы. — В казармах преображенцев. — Шестые к Зимнему дворцу. — Переворот. — Бывший император увезен на коленях новой императрицы. — Выводы</i>	767
---	-----

Глава 2. ВОСШЕСТВИЕ НА ПРЕСТОЛ

I. Ночь с 25 на 26 ноября. — Пробуждение князя Шаховского. — Во дворце новой императрицы. — Cedat toga armis! — Манифесты. — Права Елизаветы. — II. Бывший император. — Семейство принцев Брауншвейгских. — Дорога в ссылку. — Холмогоры. — Смерть Иоана III. — Остальные члены семьи. — Освобождение. — В Дании. — III. Другие жертвы переворота. — Приговор к смертной казни. — Остерман на эшафоте. — Полу-помилование. — Бывший канцлер в Березове. — Миних в Пелыме. — Торжественное возвращение. — Манштейн. — Левенвольде. — Головкин. — Женский элемент. — IV. Новый штат. — Упразднение Кабинета. — Возвращение Сенату его прежнего значения. — Как было при Петре Великом. — Возвращенные из ссылки. — Долгорукие. — Красавец Шубин. — Лейб-кампания. — Торжества и крайности милитаризма. — Столкновения. — Национализм и немецкий элемент. — V. Коронование. — Прибытие принца Голштинского. — Путешествие в Москву. — Церемонии и празднества. — Герцог Голштинский провозглашается наследником престола. — Немец ли он или русский? — Роковые последствия дела Петра Великого. — Прорубленное в Европу окно. — Германия в России. — Будущее 799

Глава 3. ЖЕНЩИНА И ИМПЕРАТРИЦА

I. Нравственный облик. — Детство. — Две системы воспитания. — Образование и характер. — Ум и темперамент. — Страсть к нарядам. — Пятнадать тысяч платьев. — Переодевание в мужской костюм. — Доброта Елизаветы. — Великодушные инстинкты, жестокие порывы. — Нравственная эволюция современной России. — Несдержанность. — Умственная лень. — Набожность и суеверия. — Отношения к духовенству. — Религиозное рвение. — Старая и новая Россия. — Смешение и компромиссы. — Популярность Елизаветы. — II. Двор и внутренняя жизнь. — Приближенные цесаревны. — Двор императрицы. — Новые ассамблеи. — Попытка порвать с византийскими традициями. — Быстрые успехи с точки зрения роскоши и изящества. — Менуэт в С.-Петербурге. — Стол императрицы. — Игра. — Опера. — Новая Астрея. — Препятствия и сопротивление. — Показания современников. — Д'Эон в Летнем дворце. — Автомобили в Царском Селе. — В Москве. — Путешествия Елизаветы. — Кочевая жизнь. — Женский элемент. — Неудовлетворительность его с общественной точки зрения. — Личное участие государыни в придворной жизни. — Ее достоинства. — Интимная жизнь. — Любовь к деревенской жизни. — Ночные бдения. — Чесальщицы. — III. Интимные нравы. — Первые связи. — Бутурлин. — Нарышкин. — Шубин. — Судьба Разумовского. — Ночной император. — Предполагаемый брак. — Характер фаворита. — Легенда о детях, рожденных Елизаветой. — Княжна Тараканова. — Семья фаворита. — Кирилл Разумовский. — Соперники. — Шувалов. — Трагикомическое приключение Бекетова. — Женщина и императрица. — IV. Политическая роль Елизаветы. — Умение играть ее. — Проницательность. — Скрытность. — Сознание долга. — Любовь к России. — Недочеты. — Лень и рассеянная жизнь. — Постепенное отречение от всякой деятельности. — Распутство. — Последствия его. — Безостановочное развитие страны и проявление силы. — Причины этого явления 825

Глава 4. ПРИБЛИЖЕННЫЕ ИМПЕРАТРИЦЫ. ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ВОЕННЫЕ ДЕЯТЕЛИ

I. Иностраннный элемент и национализм. — Удаление или добровольная отставка персонала служебного, заимствованного у соседней. — Некоторые исключения. — П. Лесток. — Его роль и поведение. — Хирург и государственный деятель. — Хорошо оплаченное кровопускание. — Отношения с Елизаветой. — Борьба с Бестужевым. — Грубое обращение с Елизаветой. — Опала. — Арест. — Дыба. — III. Бестужев. — Происхождение. — Затруднения в начале карьеры. — На службе у Англии. — При дворе Анны Иоановны. — В Копенгагене. — Научные занятия. — Tinctura inervi Bestuchevi. — Назначение на пост канцлера. — Характер. — Дарования. — Сотрудники. — Общественная и частная жизнь. — Бестужев и Вальполь. — Продажность. — Видимость и действительность. — Влияние на Елизавету. — Причины его. — Борьба с Шуваловыми. — Поражение. — Арест и процесс. — Впечатление, произведенное на Европу. — Оптический обман. — «Россия на ходулях». — Последствия катастрофы. — Кажущееся уменьшение могущества. — IV. Шуваловы. — Основы их общего благополучия. — Мавра Егоровна. — Петр Шувалов. — Универсальные знания. — Государственный деятель и военачальник. — Национальный склад ума. — Деятельность в экономической и военной областях. — Таинственная гаубица. — Нравственность. — Спекуляции и хищения. — Общественная роль. — Александр Шувалов. — Тайная канцелярия. — Иван Шувалов. — Начало его возвышения. — Любовь и набожность. — Потрет фаворита. — Недостатки и достоинства. — V. Мелкие деятели. — Политические деятели. — Канцлер Воронцов. — Прокурор Трубецкой. — Распря из-за прачек. — Дипломаты. — Чернышев. — Олсуфьев. — Военный персонал. — В поисках генерала. — «Инвалиды и дураки». — Любезный воин. — Апраксин. — «Изменник или дурак». — Фермор и Салтыков. — Бутурлин. — Настоящие герои Семилетней войны 876

Глава 5. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ

I. Политический строй. — Управление Кабинетом. — Восстановление Сената в его прежних правах. — Конференция министров. — Преобразование коллегий. — Отступление от объединяющей программы Петра Великого. — Восстановление гетманства в Малороссии. — Успехи в противоположном направлении. — Уничтожение казацкой автономии. — Колонизация степей. — Устройство Сибири. — II. Администрация. — Продажность должностей и порожденные ею злоупотребления. — Бессилие центральной власти. — Недостатки суда. — III. Законодательство. — Изобилие указов. — Попытка кодификации. — Преобразование уголовного права. — История телесных наказаний. — Отмена смертной казни. — Либеральные стремления встречают препятствия в религиозном рвении Елизаветы и ее политическом положении. — IV. Высшая и административная полиция. — Тайная канцелярия. — Беспорядочный заговор. — Общественная безопасность. — Несправедливое отношение. — Разбои. — Сообщничество властей, армии, населения. — Пожары. — Влияние их на

экономическое состояние страны. — V. Экономический режим. — Монополии. — Отступление от принципов Петра Великого. — Поощрение промышленности и торговли. — Система разумного вмешательства государства. — Недостатки его. — Гениальный изобретатель. — Автомобили и часо-верстный счетчик Шамиуренкова. — Противоречия системы. — Законы против роскоши. — Посредственные результаты. — Причины. — VI. Финансы. — Нарушение равновесия. — Задолженность. — Отсутствие отчетности. — Всеобщее хищение. — Следствия войны. — Неспособность страны поддерживать выпавшую на ее долю роль. — VII. — Армия и флот. — Суждение современников о военном устройстве империи. — Недостатки его. — Преобразования 1755 г. — Нравственный элемент. — Упадок флота. — Дело Петра Великого разрушается. — Его парадоксальный характер. — Последствия 918

Глава 6. СОЦИАЛЬНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ

I. Церковь. — Секуляризация монастырского имущества. — Временный разрыв с программой Петра I-го и частичное возвращение к ней. — Решительное отступление от нее с точки зрения духовной. — Воинствующее православие. — Религиозная пропаганда и нетерпимость. — Раскол. — Другие секты. — Преследования самосожжения. — Отрицательные результаты. — Политика Елизаветы по отношению к духовенству. — Ее развращающее влияние. — Скучность материальная и скучность духовная. — Распутство и бесчинства. — Синод. — Церковь и религиозная жизнь. — II. Общественное движение. — Нравы. — Дворянство. — Перемена условий его быта. — Освободительная эволюция, уравновешенная расширением крепостного права. — Быт крепостных. — Дворян. — Крепостное право и законодательство. — Юридическая власть господ. — Злоупотребления. — Салтычиха. — Кровавая карьера. — 138 жертв. — Особенности крепостного права в России. — Причины их. — Отсутствие патриархального принципа. — Защитники и хулители этого строя. — Явления, обнаруживающие его недостатки. — Постоянные побеги и бунты закрепощенных крестьян. — Неспособность местного дворянства умерить недостатки этой системы. — Порочный состав этого сословия и внедрение в него развращающих элементов. — Недостаточность умственного развития. — III. Национальное воспитание. — Отсутствие или недостаточность начального и среднего образования. — Кадетский корпус. — Чужеземные воспитатели. — Француз Лапи. — Замена немецкого влияния французским. — Франкомания. — Злоупотребления ею. — Цеголи. — Юность Болотова и его наставники. — Высшее образование. — Московская академия. — С.-Петербургская Академия Наук. — Борьба русского элемента с немецким. — Нартов и Шумахер. — Научное бесплодие. — Начало более плодотворной эпохи. — Миллер. — Начало научной прессы. — Образовательная реформа. — Московский университет. — Гимназии. — Причины, препятствовавшие независимому развитию в этом направлении. — Официальная наука. — Цензура. — Деспотические инстинкты. — IV. Литературное движение. — Ломоносов. — Его жизнь и труды. — V. Первые шаги в искусстве. — Безвестное начало. — Убожество пластических

искусств. — Русские и иностранные художники. — Французские живописцы в России. — Токке. — Лагрене. — Ле Лоррен. — Театр и хореография. — Создание русского театра. — Провинция и столица. — Русская комедия в Ярославле. — Волков и его труппа. — Сумароков и его драмы. — Зачатки новой культуры. — Заключение 957

Часть вторая. ВНЕШНЯЯ ИСТОРИЯ ЦАРСТВОВАНИЯ

Глава 1. КОНЕЦ ШВЕДСКОЙ ВОЙНЫ. РОМАН МАРКИЗА ШЕТАРДИ

I. Елизавета и европейская дипломатия. — Война за Австрийское наследство. — Опасения по поводу той роли, которую Россия пожелает играть в этой войне. — Дипломатический корпус в С.-Петербурге. — Маркиз Шетарди. — Его первое свидание с новой императрицей. — Война между Россией и Швецией. — Вмешательство французского дипломата. — Перемирие. — Протест Фридриха II. — Успехи маркиза Шетарди. — Путешествие в Москву. — Неожиданный поворот в действиях России. — Его причина. — Елизавета и ее министры. — Бестужев. — Шетарди взывает к чувствам императрицы. — II. Роман маркиза Шетарди. — Борьба с министрами и нежные отношения с императрицей. — Любовные свидания. — В «опочивальне». — Паломничество в Троице-Сергиевскую Лавру. — Торжество любви. — Политическое поражение. — Отъезд. — III. Между Версалем и Москвою. — Маркиз Шетарди в Берлине. — Неудача. — Возобладание английского влияния при русском дворе. — Англо-русский договор. — Проект брака герцога Голитинского с французской принцессой. — Поражение. — Победа Пруссии. — Шетарди во Франции. — Лесток убеждает его возвратиться в Россию. — Требование, предъявленное им Елизавете. — Она должна прежде уволить своих министров. — «Они или я». — Отказ. — IV. Мир в Або. — Разгром шведов. — Бессилие Франции. — Договор, продиктованный Россией. — Франция принимает решение держаться в стороне. — Событие, заставившее ее изменить эту политику. — V. Дело Ботта. — Австрийская дипломатия в России, ее успехи и поражения. — Ложный заговор. — Лесток хочет воспользоваться им, чтобы свергнуть Бестужева. — Австрийский посланник скомпрометирован. — Арест жены Бестужева. — Судебный процесс и казни. — Новая неудача. — Положение Бестужевых остается по-прежнему твердым. — Шетарди, тем не менее, находит время подходящим, чтобы свернуть их. — Вопрос об его отъезде в Россию решен. — Данные ему инструкции. — Окончательный план. — Рискованная авантюра. — VI. Возвращение в Россию. — Опасное путешествие. — Первый разговор с Елизаветой. — Портрет короля. — Вопрос об императорском титуле. — Французский дипломат не признается русским правительством. — Поверенный в делах д'Аллион. — Его отношения к Шетарди. — Резкое столкновение. — Елизавета потешается над ними. — Пучок розог. — Шетарди и Мардефельд. — Прусская дипломатия. — Приезд в Россию принцессы Цербстской и ее дочери. — Двойственная игра Фридриха. — Отъезд в Москву. — Новый соперник. — Лорд Тироули. — Соглашение английского дипломата с Бестужевым. — «Мина». — Ничтожная роль французского посланника. — Отказ министров иметь с ним дело. —

Обманчивая любезность Елизаветы. — Опасное положение. — Последнее упование на Лестока. — Измена хирурга. — Мина взрывается. — VII. Катастрофа. — Перехваченная переписка. — Слова Шетарди, оскорбительные для Елизаветы. — Гнев императрицы. — Бестужев предлагает ей выслать дипломата из России. — Коллебания. — Вмешательство Тироули. — Отъезд императрицы в Троицкую Лавру. — Русские власти занимают дом Шетарди. — Приказ выехать в двадцать четыре часа. — Возвращение во Францию. — Конец карьеры 1009

Глава 2. РАЗРЫВ С ФРАНЦИЕЙ И ПРУССИЕЙ. АВСТРИЙСКИЙ СОЮЗ

I. Вмешательство Австрии. — Граф Розенберг в Петербурге. — Ботта приносится в жертву. — Письмо Марии-Терезии к Елизавете. — Проект союза. — Финансовые затруднения. — Бестужев хлопочет о субсидии и ждет награды. — Отчаяние Розенберга. — Мардефельд предлагает деньги и вновь берет верх. — II. Прусская дипломатия и французская дипломатия. — Фридрих требует вооруженного вмешательства России. — Предложение посредничества со стороны России. — Смерть императора Карла препятствует этому. Ничтожество д'Аллиона. — Его хвастовство. — Он вводит д'Аржансона в заблуждение относительно намерений России. — Письмо французского короля к Елизавете («La lettre d'agacerie»). — Вольтер в качестве секретаря Людовика XV. — Неудача. — Предложения д'Аллиона Бестужеву. — «Миллионы на словах». — Отказ русского канцлера. — Фридриху приходится рассчитывать только на собственные силы. — Сделка Мардефельда с Бестужевым и Воронцовым. — Опасность вооруженного вмешательства со стороны России устранена. — Фонтенуа. — Положение Австрии Англии поколеблено. Одна Пруссия извлекает выгоду из победы. — Попытка д'Аллиона начать переговоры о союзе. — Окончательная неудача. — Двучлиная политика Бестужева. — Ссора двух представителей Англии в Петербурге. — Фридрих переходит к наступлению. — Гогенфридберг. — Ганноверская конвенция. — Отъезд Розенберга. — Саксония в отчаянии зывает к России. — Решение Петербургского двора прийти ей на помощь. — Слишком поздно! — Дрезденский мир. — Торжество Фридриха. — Франция не принимает в нем участия. — III. Австро-русский договор. — Новый посланник Марии-Терезии в Петербург. — Барон Претлак. — Энергичная дипломатическая кампания. — Новые опасения Фридриха. — Прусская дипломатия и английская дипломатия. — Гиндфорд обманывает Мардефельда. — Тайна короля Георга. — Подписание договора. — Воронцов во Франции. — Радужный прием. — Заблуждение. — Подвиги д'Аллиона. — Бестужев пьет за успехи английской армии. — Поражение франко-прусской партии в Петербурге. — Отъезд Мардефельда. — Русский канцлер ведет переговоры о субсидии с морскими державами. — Русская армия по пути к Рейну. — IV. Аахенский мир. — Русские не делают ни одного выстрела. — Они исключены из переговоров. — Возвращение в Россию. — Новые опасения Фридриха. — Вопрос о Швеции. — Русская опасность. — Коалиция, составленная прусским королем против нее. — Он не боится больше России и отзывкает своего посла. — V. Разрыв. — Фридрих и Елизавета. — Личная неприязнь императрицы. — Ее причина. — Скрепление союза с Австрией. — Его последствия 1067

Глава 3. КОАЛИЦИЯ ПРОТИВ ФРИДРИХА

1. Первые неуверенные шаги. — Россия первая делает попытку к сближению с Францией. — Дипломат-любитель. — Мишель. — Русский путешественник во Франции. — Граф Санти. — Искатель приключений. — Барон Летрем. — Перемена политики в Версале. — Секретная дипломатия. — Миссия кавалера Дугласа. — Англо-русский договор. — Возвращение Дугласа во Францию. — Новый французский агент в России. — Мейссонье де Валькруассан. — II. Вестминстерский договор. — Англо-русский союз побуждает Фридриха войти скорее в соглашение с Англией. — Иллюзии Фридриха насчет последствий этого акта. — Впечатление, произведенное им в С.-Петербурге. — Русский двор признает свой договор с Англией уничтоженным. — Поворот французской политики. — Переговоры с Австрией. — Россия выражает желание принять в них участие. — Австро-русский союз. — Поднимается вопрос о приступлении Франции к этому союзу. — безуспешные стремления Англии помешать этому. — III. Дуглас и Бехтеев. — Возвращение французского эмиссара в Петербург. — Кавалер д'Эон. — Милостивый прием. — Затруднения, встреченные Дугласом вследствие неофициальности его положения. Он просит, чтобы его аккредитовали в качестве полномочного министра. На это соглашаются под условием, что во Францию тоже будет отправлен посол. — Приезд Бехтеева в Париж. — Принц Конти пытается войти в его доверие. — Затруднения вследствие этикета. — Бехтеев в Компьене. — Утренний прием короля. — Характеристика французов, сделанная русским дипломатом. — Бехтеев подчинен австрийскому послу по желанию С.-Петербургского двора. — Времяпрепровождение Бехтеева в Париже. — Его покупки для Елизаветы. — Русские в Версале. — Маркиза Помпадур. — Возвращение Бехтеева в Россию. — Отправление послов. — Князь Голицын и маркиз Лопиталь. — Начало военных действий. — IV. Приступление России к Версальскому договору. — Почему Франция не вела переговоров непосредственно с Россией. — Истинный характер этих переговоров. — Они ведутся Австрией. — Военственные замыслы. — Проект мобилизации. — Отказ Елизаветы. — Затруднительное положение Дугласа. — Тактика Бестужева. — Вопрос о Турции. — Дуглас соглашается на секретную декларацию. — Отказ Версальского двора ратифицировать ее. — Елизавета сдается. — Подписание договора. — Образование коалиции. — Присоединение к ней Швеции. — Второй Версальский договор. — Война 1100

Глава 4. ЗАВОЕВАНИЕ ПРУССИИ

1. Посольство маркиза Лопиталья. — Два С.-Петербургских двора. — Будущая Северная Семирамида. — Недоразумения и размолвки. — Секретная дипломатия. — «Письмо доверия» Людовика XV. — Елизавета на него не отвечает. — Замыслы принца Конти. — Постигшая их неудача. — Пассивная роль Лопиталья. — Несогласие между союзниками. — Превосходство Фридриха над ними. — II. Первая встреча русских и пруссаков. — Восточная Пруссия. — Защита провинции. — Генерал Левальдт и его армия. — Самоуверенность Фридриха. — Попытка вступить в переговоры о мире. — Русское нашествие. — Положение обеих армий в материальном и нравственном отношении. — Прусские шпионы. — Первое столкновение. — Битва

при Гросс-Егерсдорфе. — Победа русских. — Дорога на Кенигсберг открыта. — Отступление Апраксина. — Его причины. — Обморок и болезнь Елизаветы. — Суд над Апраксиным. — Последствия отступления. — Росбах. — III. Падение Бестужева. — Интриги канцлера. — Понятовский. — Бестужев и Екатерина. — Арест канцлера. — Екатерина и Елизавета. — Ссора и примирение. — Падение Бестужева — победа французов. — Зарождающиеся симпатии между обеими странами. — Проект замены английских товаров французскими на русском рынке. — Неудача. — IV. Кенигсберг и Цорндорф. — Русская армия под командованием Фермора. — Возвращение в Пруссию. — Взятие Кенигсберга. — Захват провинции. — Командование прусской армией переходит к Дона. — Он не может остановить наступления русских, угрожающих Бранденбургу. — Осада Кюстрина. — Фридрих является к нему на помощь. — Битва при Цорндорфе. — Сомнительная победа. — Отрицательный результат кампании. — Армия Фридриха обессилена в сравнении с русской. — V. Версаль и Петербург. — Отношение Елизаветы к Франции становится все более дружественным. — Благоприятное для Франции решение курляндского вопроса. — Отъезд Понятовского. — Предложение, сделанное Франции, приступить к австро-русскому договору. — Недоверие Берни. — Подозрения, вызванные в нем завоеванием Пруссии. — Коалиция в разброде. — Новые поводы к соглашению. — Пуассонь в Петербурге. — Враждиплотам. — Елизавета соглашается вести секретную переписку с Людовиком XV. — Министерский кризис в Версале. — Опасения и миролюбивые намеренья Берни. — Они совпадают с желаниями австрийских министров. — Сопrotивление со стороны женщин. — Мария-Терезия, Елизавета и маркиза Помпадур. — Торжество партии войны. — Герцог Шуазель 1128

Глава 5. ОТЧАЯННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ФРИДРИХА. СМЕРТЬ ЕЛИЗАВЕТЫ

I. Кунерсдорф. — Политика герцога Шуазеля. — Его честолюбивые замыслы. — Проект высадки французских войск в Англии. — Отказ России принять в нем участие. — Причины этого отказа. — Возвращение герцога Шуазеля к миролюбивым планам. — Предложение о заключении мира. — Противоположный проект Воронцова. — Завоевательные планы России. — Вопрос о Восточной Пруссии и об Украине. — Возобновление военных действий. — Новый главнокомандующий русской армии. — Салтыков. — План кампании, выработанный между Петербургом и Веной. — Несогласие между Дауном и Салтыковым. — Движение русских к Франкфурту. — Фридрих поручает командование Веделлю. — «Диктатор». — Поражение Веделля при Кае. — Фридрих идет к нему на помощь. — Битва при Кунерсдорфе. — Разгром армии Фридриха. — Берлин в опасности. — Отчаяние короля. — Намеренье покончить с собой. — «Чудо Бранденбургского дома». — Отступление русских и австрийцев. — Его причины. — II. Дипломатическая кампания. — Новая попытка герцога Шуазеля склонить Россию к заключению мира. — Официальная и секретная дипломатия. — Характер и пределы их антагонизма. — Польский вопрос. — Французская политика в Польше. — Турецкий

<i>вопрос. — Франция отказывается вступить в договор с Россией. — Соглашение России с Австрией. — Конвенция 23 марта 1760 года. — Франция одобряет ее, но отказывается к ней приступить. — Маркиз Лопиталь одурочен. — Назначение нового посла. — Барон Бретейль. — Официальные и секретные инструкции, данные ему. — События на театре войны мешают ему привести их в исполнение. — III. Взятие Берлина. — Смелый набег. — Генерал Тотлебен. — Русские и австрийцы. — Осада города. — Капитуляция. — Конtribusiция, грабеж и разрушение города. — Шарлоттенбург разграблен. — Приезд Фридриха. — Отступление победителей. — Салтыков заменен Бутурлиным. — Русские во второй раз осаждают Кольберг. — Паника среди осаждающих. — Осада снята. — Фридрих тем не менее находится в безвыходном положении. — Новая попытка вступить в отдельное соглашение с Россией. — IV. Герцог Шуазель старается связать с ними проект непосредственного договора с Россией. — Желание придать этому трактату характер исключительно торгового договора. — Барон Бретейль превышает свои полномочия и предлагает политический союз. — Уступка, сделанная во Франции касательно польского вопроса. — Воронцов не принимает ее. — Покинутая в Версале, Польша находит себе защитников в Петербурге. — Две русские политики. Умеренная и миролюбивая программа канцлера. — Честолюбивая и воинственная программа Шувалова. — Шувалов берет верх. — Польше суждено быть растерзанной. — Намеренье Людовика XV предложить мир в Лондоне. — Отказ России и Австрии принять посредничество короля. — Русский проект благоприятен Австрии и партии войны. — Французский контр-проект. — Переговоры предоставляется вести России. — Начало переговоров в Лондоне. — Благодаря России, они терпят полную неудачу. — Отчаяние Фридриха. — Измена Тотлебена раскрыта. — Августейший шпион. — Взятие Кольберга. — Фридрих покинут Англией. — Он хочет просить мира. — V. Смерть Елизаветы. — Последние годы ее жизни. — Болезнь и кончина. — Восшествие на престол Петра III. — Последствия этого события. — Измена России коалиции. — Пруссия спасена. — Союзники России принуждены согласиться на разорительный для них мир. — Начинается новая страница европейской истории</i>	1165
<i>Заключение</i>	1215